

С. Ф. Орешкова

НЕМИРОВСКИЙ КОНГРЕСС

ОТ ДВУСТОРОННИХ ОСМАНО-
РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
К ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. Ф. Орешкова

НЕМИРОВСКИЙ КОНГРЕСС

ОТ ДВУСТОРОННИХ ОСМАНО-
РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
К ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ

Москва
2015

ББК 63.3(2)

О655

Ответственный редактор

М. С. Мейер

Орешкова С. Ф.

О655 Немировский конгресс. От двусторонних османо-
российских отношений к Восточному вопросу / отв. ред.
М. С. Мейер / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН,
2015. – 336 с.: ил.

ISBN 978-5-89282-625-9

1735–1739 . –

1737 ., –

, , –

. –

, , –

ББК 63.3(2)

© Орешкова С. Ф., 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

Научное издание

ОРЕШКОВА Светлана Филипповна
Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских
отношений к Восточному вопросу

Утверждено к печати Институтom востоковедения РАН

Редактор В.Д. Каратеева.

Корректор М.Я. Колесник. Верстка П.Л. Перепелкин

Подписано 15.01.2015. Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21.

Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 300 экз. Зак. №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
востоковедения РАН. 107031 Москва, ул. Рождественка, 12. Научно-
издательский отдел. Зав. отделом А. В. Сарабьев. E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».

Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru. Генеральный директор С.Г. Жвирбо

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Российско-османские межимперские отношения: геополитика и дипломатия	13
Глава II. Война 1735–1739 гг. и ее место в истории русско-турецких отношений	86
Глава III. Османская империя и европейские международные отношения	128
Глава IV. Немировский конгресс – апофеоз взаимных ошибок	165
Глава V. Продолжение войны и Белградский мир	211
Глава VI. Некоторые итоги и последствия описанных событий. Вопросы, требующие дальнейшего изучения	232
Персоналии	244
Указатель географических названий	256
Словарь терминов и устаревших слов	261
Библиография	272
Приложение I. Трактат между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде 14 сентября 1739 г. (Полное собрание законов Российской Империи. I. СПб., 1830. Т. 10. № 1790. С. 899–904)	293
Приложение II. Капитуляции или трактаты между Оттоманской Портою и Французским двором, возобновленные и умноженные в 1740 году. (СПб.: Императорская Академия наук, 1780).....	298

ВВЕДЕНИЕ

Еще в свои аспирантские годы автор этой книги обратил внимание на рукопись османского сочинения XVIII в., хранящуюся в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (так это учреждение тогда называлось. Сейчас это Институт восточных рукописей РАН)¹. Сочинение не было известно российским туркологам, и, как позже подтвердили турецкие специалисты после моих сообщений о нем на нескольких международных конференциях, было неизвестно и им. Это уникальный источник, содержание которого тогда (как, впрочем, и сейчас) не было введено в широкий научный оборот. В немалой степени этому способствовало неверное описание его в изданном в 1965 г. каталоге тюркских рукописей, хранящихся в Ленинграде². В самом тексте рукописи не указаны ни автор, ни дата ее написания. Имеется заголовок: «Mübahassa-i misri ve şami ve hükümet-i Babiâli müsâlâhâname». Буквально это можно перевести как некое «рассуждение египтянина, сирийца и [представителя] Высокой Порты о [каком-то] соглашении о мире».

Внимательное прочтение этого сочинения показало нам, что в нем описываются внешнеполитические отношения, в которые была вовлечена Османская империя весной и в начале лета 1737 г., т.е. в период подготовки того Немировского конгресса, который при посредничестве Австрии должен был положить конец шедшей тогда русско-турецкой войне. По форме перед нами политический памфлет, но он предназначался, как сказано в тексте, для передачи султанскому Дивану, т.е. являет собой по сути подго-

---

¹ . . . 111, 1934. 2931.

² . . . . l. . . . , 1965. . 190–191.

товительный документ, призванный определить позицию Порты в предстоящих мирных переговорах. Текст построен в виде изложения беседы трех лиц, обсуждающих европейские принципы международных отношений и подчеркивающих разницу в христианских и мусульманских представлениях в этой области. Османские перспективы на предстоящих мирных переговорах оцениваются как очень благоприятные, и османское правительство призывается твердо следовать тем правовым межгосударственным отношениям, которые приняты в Европе.

Как нам известно, внешнеполитические перспективы, нарисованные в этом османском сочинении, не оправдались. Немировский конгресс 1737 г. закончился провалом. Война между Османской империей и Россией не прекратилась, а Австрия, рассматриваемая турецкими властями (и собеседниками сочинения, о котором идет речь) как посредник при заключении ожидаемого мира, превратилась в противника, став второй воюющей державой в этой анти-османской войне.

На Немировском конгрессе османской стороной была сделана попытка достигнуть своих внешнеполитических целей путем дипломатических переговоров, а следовательно, использовать европейские правила международных отношений, ранее чуждые османам. Однако тогдашнюю расстановку сил в европейском сообществе османские власти оценили неверно.

Наиболее авторитетной фигурой в султанском окружении, фактически определявшей турецкую внешнюю политику, был тогда кетхуда (помощник) великого везира Осман Халиса эфенди. Именно он не раз заявлял о дружеском расположении к Османской империи Австрийской монархии, верил, что при ее посредничестве возможно достигнуть выгодного для османов соглашения с Россией, а потому ратовал за скорейшее начало мирных переговоров. Эта точка зрения и нашла свое отражение в сочинении, рукопись которого сохранилась в петербургском архивохранилище.

Немировский конгресс, начавшийся в августе 1737 г., показал иное. Его открытие совпало с вступлением Австрии в антитурецкую войну. Не сумевший предвидеть этого, Осман Халиса эфенди был казнен. Надежда разрешить конфликт политическими методами оставалась, однако, и у турецкой, и у российской сторон. Потому-то конгресс еще несколько месяцев продолжал свою работу параллельно с шедшими тогда же военными действиями, но благоприятные результаты для обеих воюющих сторон тогда так и не были достигнуты.

Рукописное сочинение, о котором мы ведем речь, было опубликовано нами с комментариями, обращавшими внимание, что в османской среде появились новые настроения, свидетельствующие о самостоятельных попытках государственных деятелей страны освоить европейскую культуру межгосударственных отношений¹.

Позднее я занялась изучением более раннего периода османской истории, но исподволь собирала материал и о 30-х годах XVIII в. Османские акты, источники, хроники, другая памфлетная литература показывали, что казнь Османа Халисы эфенди не остановила процесс приобщения Османской империи к традициям европейской дипломатии и стремление добиться признания ее равноправным членом европейского сообщества. Сочинение же неизвестного османского автора, о котором здесь идет речь, послужило определенным толчком для более глубокого проникновения в тему. Само оно подробно анализируется нами в третьей и четвертой главах настоящей книги.

Продолжавшаяся война, казалось бы, делала переговоры в Немирове незначительным эпизодом в русско-турецких и европейских международных отношениях. Однако не следует забывать, что этот конгресс не только для Османской, но и для Российской империи был одной из первых попыток играть по европейским дипломатическим

---

¹

... , 1996. ... 129–212.

правилам. Надежды российского под-канцлера А. И. Остермана тогда не сбылись, так же как и Османа Халисы эфенди. Сам конгресс стал апофеозом взаимных просчетов и крушением надежд на поддержку интересов каждой из этих империй европейским сообществом, которое явно дало понять и России, и османам, что стремится геополитическое разграничение их территорий взять под свой контроль, превратить их двусторонние отношения в международный Восточный вопрос. Восточные же империи искали свои пути в европейское сообщество и делали на этом пути, каждая, свои ошибки.

Термин Восточный вопрос требует уточнения и конкретизации. Разные авторы наполняют его своим содержанием и по-своему истолковывают его хронологические рамки. Он зачастую используется для общего обозначения тех отношений с Европой, которые складывались у Византии, а затем у Османской империи и даже у России.

В данной работе под Восточным вопросом мы понимаем те совместные действия европейской дипломатии, которые были направлены во второй половине XVIII в. и в XIX в. на раздел ожидаемого «османского наследства». Османская империя объявлялась «больным человеком», находящимся на смертном одре (как, кстати, когда-то и Византия), а ислам, исламские народы и их государство недостойными занимать место в Европе. Главная проблема, которая постепенно становилась основной в тогдашней постановке Восточного вопроса, касалась судеб христианских народов, находившихся под властью османов. Освобождение их от османского владычества и восстановление собственной государственности – это тот лозунг, который не мог не привлечь и Россию. Религиозная общность и стремление к славянскому единству сделали для России Восточный вопрос не только внешнеполитическим, но и вопросом, неразрывно связанным с проблемой становления ее собственного национального самосознания. По утверждению С. М. Соловьева, в XIX в. Россия уже не могла уклониться от участия

в разрешении Восточного вопроса, «не отказавшись от своих преданий, от своей истории, от самой себя»¹.

После Екатерининских войн конца XVIII в. многие государственные деятели России осознали, что российские имперские границы в юго-западном регионе дошли до того предела, на котором разумнее остановить их дальнейшее расширение, но поводы для конфликтов с Османской империей постоянно продолжали возникать. Во многом это было обусловлено тем, что они постоянно раздувались европейской дипломатией, так как давали наиболее действенную возможность отвлечь и Россию, и Османскую империю от вмешательства в общеевропейские дела. При этом следует обратить внимание, что помощь балканским народам не всегда оказывалась именно в тот момент, когда их противостояние со своим османским сюзереном действительно требовало этого. Разумеется, собственные имперские амбиции и у российских, и у османских правящих кругов также порою разыгрывали и побуждали к военным конфликтам, но суть проблемы состояла в том, что она не была связана с какими-то действительно жизненно важными потребностями этих двух держав, а порождалась теми обязательствами, которые они, и прежде всего Россия, имели перед Европой, и служили платой за вхождение в «концерт» европейских стран.

Восточный вопрос как европейская международная проблема исчерпал себя к 1878 г., когда Османская империя утратила свою власть над основными балканскими территориями. Заключительную точку в решении Восточного вопроса поставила Россия своей войной с Османской империей 1877–1878 гг. Как констатируют военные историки, «по масштабам, численности вооруженных сил, втянутых в военные действия, по ожесточенности и кровопролитности события 1877–1878 гг. – один из крупнейших военных кон-

---

1

. . . XVI. ., 1991. . 634.

фликтов второй половины XIX в.»¹. Итоги этой войны, как известно, были подведены на Берлинском конгрессе, где международное сообщество значительно урезало российские достижения в решении Восточного вопроса и по своему перекроило карту вновь создаваемых балканских стран. Это, как мы знаем, породило новые военные столкновения внутри региона, балканские войны в первых десятилетиях XX в., вовлекло регион в Первую мировую войну и продолжает сказываться даже в современных балканских конфликтах. Россия постепенно переставала играть в этом регионе ведущую роль. Ф. М. Достоевский, внимательно наблюдавший за развитием тогдашних событий, предсказывал еще в ходе войны, что «не будет для России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит и Европа согласится признать их освобожденными»². Действительно, глубоко проникшая в российское самосознание идея «воссоединения славян» оказалась на практике утопией³, вера в которую приводила к тому, что Россия «служила... в продолжение всей петербургской своей истории все чаще чужим интересам»⁴.

Зная последствия разрешения Восточного вопроса, сказывающегося на судьбах России и бывшего османского региона до наших дней, интересно проследить истоки этой проблемы. Они-то как раз и восходят к 30-м годам XVIII в., остермановской политике введения России в европейское сообщество через союз с Австрией и общей австро-российской войне с Османской империей. Именно тогда Россия впервые выставила свои естественные геополитические притязания на северное Причерноморье. Как сформу-

---

1

2 . . . , 1989. . 80.

3 . . 14. . , 1995. . 353.

4 . . 208–209.

4 . . 295.

лировала американская исследовательница К. Финкель, на Немировском конгрессе «требования, предъявленные Россией, были отражением её долгосрочных целей»¹. Тогда же она фактически отказалась от решения проблемы территориального разграничения с османами на двусторонней основе. Чтобы оценить этот факт и его влияние на последующую историю, попытаемся подойти к проблеме с учетом тогдашних внешнеполитических возможностей и претензий как России, так и Османской империи, оценить их связь с внутренними потребностями обеих стран, определить значение пограничных проблем для собственного развития каждой из этих империй и, разумеется, тех международных влияний, которые были тогда на эти страны весьма сильны.

Традиционно война 1735–1739 гг. рассматривается как детище и успех дипломатии Франции, и ее описание опирается прежде всего на французские источники. Действительно, французский источниковый материал, как и французские исследования внешней политики того времени, интересны и информативны. Но любопытно, что французские дипломатические документы наиболее полно представлены не во французских изданиях, а в румынской публикации Е. Хурмузаки, где была сделана попытка собрать все, что касалось Молдавии и Валахии (а именно вблизи них разворачивались главные события войны 1735–1739 гг.). Эти княжества фигурируют во всех дипломатических депешах, и сами они пытались играть активную роль в международных торгах, которые шли вокруг этой войны. Поэтому французские дипломатические документы и заняли значительное место в этой публикации.

И хотя французское влияние на ход описываемых событий, с нашей точки зрения, значительно преувеличивается, необходимо отметить, что во Франции положение Осман-

---

¹

ской империи оценивалось более реально, чем в Австрии и вообще в католическом мире, предрекавшем ей скорую гибель.

Многие дипломатические документы того периода опубликованы также в Сборниках Российского исторического общества. Следовательно, дипломатическая борьба того времени довольно неплохо представлена в имеющихся в распоряжении исследователей источниках. И она показывает, что, находясь во многом под австрийско-католическим влиянием, остермановская дипломатия, осознавая потребности России в освоении причерноморского региона, видела задачу России в том, чтобы не опоздать к разделу «османского наследства». При этом не рассматривались какие-то иные варианты более спокойного взаимовыгодного, поэтапного разграничения территорий, пограничных с Османской империей, к тому времени уже начинавшей тяготиться своими зачерноморскими владениями и подданными. Россия на долгие годы оказалась вовлеченной в европейское военное противостояние с Османской империей, отсюда многочисленные русско-турецкие войны XIX в., Кавказская война, огромные жертвы и кровопролития, отвлекавшие страну от решения назревавших внутренних проблем и освоения иных (не юго-западных) территорий.

Желание быть в европейском сообществе, «концерте» европейских держав, как тогда говорили, и для России, и для Османской империи рассматривается в исторической литературе как естественное и необходимое. Меньше обращается внимание на то, что эти страны за такое приобщение дорого платили своей самобытностью, неумением вовремя обуздать имперские амбиции, модернизационными преобразованиями сугубо европейского плана. Разумеется, не должно было быть изоляции от европейского мира, но эти две великие империи свою причастность к европейским достижениям порой воспринимали по некоторым внешним атрибутам, одним из которых стало участие в европейских коалициях, совместных военных актах и т.п. Дипломатиче-

ские обязательства отвлекали эти страны от их истинных интересов, жизненно важных преобразований и порой лишали самостоятельности в проведении собственной необходимой для них внешней политики.

Изучение истоков Восточного вопроса обрекает на раздумья, были ли у России как главной силы, руками которой он разрешался, альтернативные возможности для занятия достойного места в европейской семье народов. Для уяснения этой проблемы нельзя не обратиться и к Османской империи, которая, несмотря на предрекаемую ей скорую гибель, просуществовала еще почти два века и в войне 1735–1739 гг. одержала бесспорную победу. Двустороннее российско-османское изложение проблемы позволяет сделать несколько иные выводы, чем принято в имеющейся историографии, опирающейся, как правило, лишь на проевропейскую оценку событий.

ГЛАВА I

РОССИЙСКО-ОСМАНСКИЕ МЕЖИМПЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЕОПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

В развитии Российской и Османской империй явно прослеживаются определенные синхронность и похожесть, но при этом в каждой из них видны своя самобытность, свои сложности, закрытость от окружающего мира и в то же время способность усваивать достижения мировой цивилизации, порой изменяя их до неузнаваемости. Оба эти государственных образования относительно поздно вошли в семью европейских народов, воспринимались в Европе как нечто чуждое, а порой и враждебное.

Османы своей активной экспансионистской политикой и проникновением вглубь европейской территории долгое время вызывали у европейцев лишь желание дать отпор, ответную агрессию, страх и неприятие даже их явных достижений. В отношениях Запада к Османской империи до XVIII в. преобладали Крестовые походы и антиосманские коалиции – Священные лиги. Вдохновителями, а порой и организаторами антиосманской борьбы выступали папство и Габсбургская монархия. Появившиеся протестантские сообщества, борясь против католицизма, первыми начали проявлять интерес к османам как папским противникам. С одной стороны, их объявляли божьей карой папству за его прегрешения, с другой – видели союзника, от которого можно получить помощь, причем как военную, так и дипломатическую, а в приграничных районах и возможность укрыться на османской территории от преследований католиков. Появившиеся тогда утверждения о близости ислама и протестантизма помогали сближению народов, благо-

творно влияя в этом отношении как на одну, так и на другую сторону. Любопытно, что потеря османами венгерских территорий (в конце XVII в.), где были наиболее тесные взаимоотношения протестантов и мусульман и откуда к султанскому двору прибывали люди, выступавшие с первыми сравнениями европейских и османских порядков, а также проектами реформ так называемого вестернизационного характера, по мнению турецкого историка И. Ортайлы, замедлила процесс приобщения османов к европейским достижениям¹.

Европейцы, при всех их страхах и враждебности, не могли, однако, игнорировать огромный регион, издавна экономически, культурно и социально-политически связанный с Европой. Несмотря на постоянно возобновлявшиеся военные конфликты, приходилось приспосабливаться к сосуществованию, к иной цивилизационной структуре, принимать ее правила торговли, учитывать внутренние взаимоотношения, религиозную инаковость.

Россия, вырвавшаяся из пут золотоордынской государственности, так же далеко не сразу была признана Европой, считалась некой дикой Татарией. Ее возвышение воспринималось если не со страхом, то, по крайней мере, с некоторой опаской. К тому же и в самой России, стране православной, государства Западной Европы виделись как нечто еретическое. Были утверждения, что общение с ними могло пагубно сказаться на российских согражданах и судьбах страны. Отсюда если и не закрытость, то явная осторожность в отношениях с Европой. Нельзя забывать, что даже в XVII в. России приходилось не только собирать свои земли, но и отстаивать право на собственную государственность.

Европа же изначально пыталась столкнуть между собой эти два казавшиеся ей чуждыми восточные государства, что, однако, стало вполне реальным лишь во второй половине XVII в. Не случайно при создании последней европей-

---

¹ Ortaylı . The Ottoman Empire at the End of the Seventeenth Century // Ortaylı . Studies on Ottoman Transformation. Istanbul, 1994. . 185, 186.

ской антиосманской Священной лиги в 1683 г. ее участники (Польша, Венеция, Австрия) предлагали присоединиться к ней всем христианским странам, но особенно приглашали царей московских¹.

Взаимоотношения России и Османской империи между тем складывались по своим закономерностям. Каждое из этих многонациональных и многоконфессиональных государств утверждалось в своем геополитическом пространстве, по-своему строило внутренние взаимоотношения своих народов и выбирало пути дальнейшего территориального роста. Их двусторонние отношения почти до конца XVII в. развивались по собственно избираемому сценарию. Позднее же внешнеполитическое воздействие Европы нарушает эту естественность взаимоотношений. Османская империя к этому времени остановилась в территориальном расширении. Россия же все еще искала свои геополитические границы. И то и другое государственное образование начинает осознавать свое отставание от Запада, причем не только в технологическом отношении (вооружение армии, новые производства и т.п.), но и в организационно-идеологическом (военно-стратегическая наука, внутриобщественные связи, культурный уровень, международные и межгосударственные отношения).

30-е годы XVIII в. оказались переломными для обеих империй. Россия постепенно находила себя после петровских потрясений. Стремилась закрепить достигнутое, в том числе и в международной сфере. Османская империя после государственных переворотов 1687, 1703, 1730 гг. и военных поражений 1683–1698 и 1718 гг. переживала процесс смены элит и постепенного осознания необходимости преобразований, хотя еще не вполне определилась в их направленности.

Именно в это время к обеим империям усиливается внимание Европы. Оно выражалось в появлении иностран-

---

¹ Zinkeisen J.W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Bd. V, Gotha, 1856. . 87.

ных наемников (наиболее ярким сопоставлением в этом плане являются Боневаль и Миних, два бывших однокашника по службе в австрийской армии, а потом преуспевшие в странах, ставших между собой военными противниками), европейцев, избравших для себя османские или российские пределы в качестве новой родины и создававших там новые для этих стран промышленные и культурные объекты (для России такие личности хорошо известны, для Османской империи примером может служить Ибрахим Мутеферрика, прославившийся во многих областях, но, главное, ставший турецким первопечатником), в активности европейских дипломатов при дворах монархов обеих империй.

Европа в эти годы также переживала явную перестройку международных отношений. Создавались и распадались союзы, коалиции, блоки, велись династийные войны, менялось соотношение сил, вылившееся к середине XVIII в. в то явление, которое в исторической литературе получило название «дипломатической революции»¹.

Назревшее в это время напряжение в российско-османских отношениях рассматривалось европейской дипломатией как возможность устранения этих стран от ненужного европейцам вмешательства в дела Европы. Сами же Россия и Османская империя со своими попытками внутренней и внешней европеизации начинают внушать опасение, желание не только не допускать их в европейское сообщество, но, по возможности, и устранить, по крайней мере, с карты Европы. Предпринятая в 1737 г. османороссийская попытка по-европейски решать проблемы своих взаимоотношений и территориального размежевания представляется нам интересной, поскольку показывает уровень развития этих стран, а также истоки того, что в XIX в. стало называться Восточным вопросом, т.е. международной проблемой общеевропейского характера, решающей судьбы Османской империи (вопреки ее воли) и привязавшей Рос-

---

¹

., 2012.

сию (также порой вопреки ее интересам) к юго-западному направлению военной и дипломатической активности и геополитического расширения.

* * *

Первый документально засвидетельствованный межгосударственный контакт Московского княжества и Османской империи датируется 1492 г.¹ Правда, известно, что еще раньше османские наместники крымских территорий проявляли интерес к Московии и даже пытались отправить своих послов в Москву². Узнав об этом, московский князь Иван III запрашивал османского вассала крымского хана Менгли-Гирея, «каковы дружбы со мной хочет тюрской»³. Возможно, турецкое внимание к далекому и небольшому тогда северному княжеству было порождено ходившими по Европе слухами, что «король» русских собирается принять католичество и перейти в подданство римской церкви, а стало быть, намерен включиться в борьбу за защиту «христианского дела» и освобождение Константинополя⁴. Эти слухи не подтвердились, но османская инициатива нашла сочувственный отклик в Москве⁵. Иван III констатировал в своем послании султану 1492 г., что «гости из наших земель в твои земли ездят», отчего «много корысти бывало», и выражал сожаление, что в последние годы российские купцы

¹ . . . 5. ., 1823.

. 13.

² . . : The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974.

³ . . : (. . .) . . 41. . ,

1884. . 45–51.

⁴ . . XV – XVI . . , 1971. . 198–199.

⁵ . . . . .

//

. . , 1996. . 47–116; . . XVI . . 1569 .

//

100- . . . , 2003. . 91–116.

не встречаются в османских владениях должной защиты. Князь предложил, «чтобы меж нас [т.е. двух правителей] наши люди ездили здоровье нашего видети»¹. Это была принятая тогда форма предложения об установлении дипломатических отношений. Уже в 1494 г. от султана на это предложение был получен положительный ответ. Были упорядочены отношения к русским купцам в Кафе (опорном пункте османов в Крыму), назначен посол в Москву. Приезд его, правда, не состоялся из-за противодействия Великого князя литовского Александра, не пожелавшего пропустить посольство через свои земли (т.е. по Днепру)². Первое московское посольство прибыло в Стамбул в 1496 г.³ После этого посольские пересылки между Москвой и Стамбулом осуществлялись практически регулярно.

Для уяснения характера и практики ранних взаимоотношений Москвы и Стамбула следует обратить внимание на следующий момент. Уже с XIV в. на Русь приезжало множество представителей балканских православных народов, которые сетовали на потерю их странами своей независимости и просили о помощи в антитурецкой борьбе. Аналогичные призывы шли от Ватикана и центральноевропейских стран. Позднее в Посольском приказе стала накапливаться литература об Османской империи, происходившая в основном из Польши и итальянских городов, а следовательно, также антиосманской направленности⁴. Появлялась и собственная публицистика такого же характера. При дворе Ивана III окружение Елены Волошанки, жены его старшего сына Ивана, и Софьи Палеолог, второй жены князя, также явно было настроено антиосмански. Несмотря на

---

¹ ... . 13.

² . . 1. ., 1851. . 171–172.

³ . . . III –
⁴ . ., 1883.

⁴ .: XV XVI . // XV–
 XVIII . ., 1979. . 29–39.

это, Иван III пошел на установление межгосударственных отношений с Османской империей. И он, и его сын-наследник Василий III и Иван IV, и первые Романовы считали нецелесообразным участие России в каких-либо вариантах антиосманских коалиций, что сулило России затяжные малоперспективные войны, которые бы отвлекли страну от решения более важных для нее внешнеполитических задач на западных и восточных границах.

Антирусские призывы звучали и при дворе турецких султанов. Решалась судьба восточноевропейских улусов Золотой Орды. В 1454 г. османская флотилия появилась у северо-восточных черноморских берегов. Однако это не было связано с претензиями на наследие Золотой Орды. Османские интересы были направлены на генуэзские и венецианские колонии Причерноморья. Видя в этих итальянских республиках своего противника при овладении византийскими владениями и утверждении в Восточном Средиземноморье, османы не могли оставить в своем тылу их причерноморские базы. Экспедиция 1454 г. была просто разведывательной, но в 1475 г. османы сумели полностью ликвидировать итальянские позиции в этом районе и установить там свою власть¹. Кафа (Феодосия), ее окрестности, азовское побережье и некоторые районы Северного Кавказа были взяты под непосредственное управление османских властей, объявлены султанской собственностью (хассом). Там размещались отряды султанских войск, подчинявшиеся канцелярии капудан-паши, т.е. адмирала османского флота. Османский правитель Кафы (по-турецки бейлербей, вали или просто кафинский паша) был объявлен «защитником Черного моря» («Karadeniz muhafızı»)². Находившееся по соседству Крымское ханство было превращено в вассала

---

¹ Heyd W. Histoire du Commerce des Levant. T. 2. Leipzig, 1936;

XVIII . . . , 1887. . 240–260, 270 . . .

² Hezarfen Hüseyin efendi. Telhis ül-beyan fi kavânin-i Al-i Osman. Ankara, 1998. . 123.

Османской империи (кстати, это событие 1475 г. было отмечено во всех главных российских летописях)¹.

Образование на Крымском полуострове двух разных по статусу административных подразделений – вассального Крымского ханства и управляемой из центра области Кафы – это типичная для Османской империи практика управления приграничными областями. Предоставляя своим вассалам довольно большую самостоятельность как в делах внутреннего управления, так и в ведении внешнеполитических сношений, османские имперские власти создавали в то же время в непосредственной близости от их территорий свои опорные базы для административного присмотра за вассальными областями. Так же десятилетием позже на северо-западе Черного моря они захватили район Килии и Аккермана, откуда надзирали за ставшими вскоре их вассалами Молдавским и Валашским княжествами².

На рубеже XV–XVI вв. Кафа была резиденцией османских принцев Мехмеда, Ахмеда, а позднее Сулеймана, будущего султана Сулеймана Кануни (1520–1566). Именно отсюда османы пытались установить первые контакты с Московским княжеством. Отсюда шли и интриги, приведшие к власти младшего сына Баязида II Селима (1512–1520), т.е. район этот, несмотря на его отдаленность от центра империи, принимал активное участие в дворцовой жизни. И, тем не менее, установив там свою власть, превратив Черное море в свое внутреннее «турецкое озеро»³, османы не стремились развивать экспансию далее на север. Оба султана, Селим I и Сулейман I, начинавшие свой путь к власти в этом регионе, зная его, придя к власти, обратили свои внешнеполитические устремления совсем в иные края – на Иран, арабские страны, Родос, Венгрию и, наконец, Вену. Восточ-

---

¹

... .66, 110.

² Beldiçeanu N. La Compagne Ottomane de 1484 et ses Préparatifs Militaires et sa Chronologie // Belleten, 86. Ankara, 1983.

³

« ... XV–XVII
// ... /Oriens, 2005, 3.

ная Европа не была сферой их интересов. Это была иная геополитическая зона, не привлекавшая, а скорее пугавшая османских завоевателей. Даже в середине XVII в., когда донские казаки на два года захватили крепость Азов, османские воины, пытавшиеся вернуть ее, с ужасом думали о предстоявшей зимовке в этом районе, где «с одной стороны море, на севере – Кафиристан, на востоке и юге – степь Хейхат»¹. Ничего привлекательного в местности, где им приходилось действовать, они не видели. Их целью там были не завоевания, а лишь защита Черного моря и, позднее, сохранение тех районов, в которых они обосновались раньше.

Российские власти отказали тогда казакам, просившимся вместе с Азовом в московское подчинение, и предложили им покинуть крепость². Оба государства явно не желали доводить дело до военного конфликта. Крымское ханство (вассал Порты), действуя в союзе с Московским княжеством, в 1502 г. разбило Большую Орду, считавшую себя наследницей Золотой Орды и наиболее агрессивно настроенную в отношении восточноевропейских государств, в том числе и тюркских. Турецкий историк Х. Иналджик обращает внимание на то, что в конце XV в. «у Крымского ханства перед угрозой Сарая, который никогда и ни при каком случае не хотел признать его существования, не было иного выхода кроме как опереться на Османскую империю»³. Действительно, в условиях враждебности со стороны польских и литовских соседей, стремившихся получить выход к Черному морю, и Большой Орды лишь вхождение в вассальные отношения с Османской империей позволило крымцам сохранить относительную государственную обособленность. Османскую империю это устраивало. Для нее

---

¹ . . . . . (. . . . . 2. XVII). . . . .

² . . . . . 1642 . . . . . (1637–1642) . . . . . 1979. . 27–36, 39–41.

// . . . . . 211–222.

³ Inalcık H. Yeni vesikalara göre Kırım Hanlı ının osmanlı tâbligine girmesi ve ahidname meselesi// Belleten, VIII, 29, 30, 31, 32. Ankara, 1944. . 210.

такие отношения на отдаленных границах империи были традиционными. Приграничные владетели (ханы, коменданты – мухафизы крепостей, командиры янычарских гарнизонов в приграничных областях, племенные вожди и даже христианские князья, принявшие определенные вассальные обязательства) сохраняли значительную самостоятельность. Имея за спиной османскую поддержку, Крымское ханство, как уже было сказано, сумело разгромить Большую Орду. Ее юрты были отведены на юг, ближе к Перекопу. Между Крымским ханством и Московским княжеством оказалась ничейная земля, Поле или Дикое Поле, как его называли на Руси. Вследствие этого российские и османские земли с начала XVI в. оказались разделенными степными пространствами. «Турки не думали искать завоеваний в холодных странах Северной Европы»¹. Они остались равнодушными к разгрому Россией Казанского и Астраханского ханств и призывам шайбанидских владетелей Средней Азии восстановить северную ветку Великого шелкового пути по Причерноморью и Прикаспию в Европу. В сношениях с ханствами выражалось сочувствие, проявлялась забота о безопасности паломников, направлявшихся в хадж, использовалась общемусульманская риторика о взаимопомощи, но далее этого османское участие в судьбах восточноевропейского и среднеазиатского регионов не шло².

После разгрома Большой Орды у Крымского ханства была попытка выказать свои претензии на наследие Золотой Орды. В ярлыке крымского хана Менгли-Гирея, выданном литовскому князю Сигизмунду I в 1507 г., перечисляются владения, находящиеся под властью Литвы – города Киев, Владимир-Волынский, Луцк, Каменец, Смоленск и берега Днепра вплоть до устья, и России – Чернигов, Путивль, Рильск, Стародуб, Брянск, Мезенск, Козельск, Тула, Пронск

---

¹ . . . . ., 1961. . V.

² . 276.

² . . . . .

. . . . ., 2009.

и даже Псков, Великий Новгород, Рязань, Переславль. Все они, по утверждению Менгли-Гирея, были «уступлены» татарскими владетелями Литве и Москве, за что эти страны должны платить теперь Крымскому хану дань¹. Такие же требования были выдвинуты и российскому правителю Василию III. Хан его владения ему милостиво «оставлял», но ждал, что Василий III, как ранее Иван III, будет за них платить дань². Разумеется, эти территориальные претензии были неким анахронизмом, и за ними не было действительных экспансионистских притязаний. Но дань ожидалась, и ее Россия платила Крымскому хану вплоть до 1700 г.³ Несмотря на уплату дани, или дачи, поминоков, как ее называли на Руси, Крымское ханство на протяжении 3 веков совершало набеги на русские земли. Особенно частыми они были в XVI в. (1507, 1514, 1521, 1541, 1552, 1555, 1557, 1563, 1568, 1571, 1572, 1586, 1587, 1591, 1592, 1600, 1602). Несколько раз татары подступали к самой Москве, а в 1571 г. они полностью сожгли город и пленили свыше 120 тыс. жителей столицы⁴. Не менее интенсивными в XVI в. (1567, 1577, 1588) и особенно в XVII в. были набеги на принадлежавшую Речи Посполитой Польскую Украину. За период с 1606 по 1649 г. польские ученые насчитали 76 вторжений⁵.

Походы крымцев в страны Восточной Европы не были попытками завоевания, присоединения территории. Это были набеги, походы за добычей и ясырем (пленными).

---

¹ . . . , 1846. . 4–5.

² . . . 95. . 109.

³ . . . XVII –

XVIII . // . . . 1985. . 71–88.

⁴ . . . 41, 95. (

). . 34. . 224–225;

. . 45, 72.

⁵ Horn M. Chronologia i zasięgi najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej polskiej w latach 1600 – 1647 // Studia i materiały do historii wojskowa ci. Warszawa, 1962, t. VIII; . . . 46.

Торговля рабами в северо-восточном Причерноморье была традиционной. Ею в доосманский период активно занимались генуэзцы. Тогда рабов вывозили главным образом из Предкавказья и Кавказа. Их всех обычно называли черкесами, независимо от этнической принадлежности. В Египте, как известно, даже правили две династии мамлюков-черкесов, т.е. рабов-воинов. Этот источник рабов не был пресечен и в османское время, но основную массу рабского товара стали поставлять татары, добывая пленных в результате набегов на польские и русские земли¹. Вывозили рабов прежде всего в Стамбул и, в меньших количествах, в Синоп и Инеболу. В Северном Причерноморье рынки рабов были в Кафе и в зависимых от нее портах Керчь, Тамань, Копа, Азов. Рабов чаще всего меняли на товары, привозимые из Анатолии и Стамбула, причем как местные изделия, так и импортные из Европы и Азии. Далее, кстати, эти товары (пряности, красители, шелк, парча, бархат, оливковое масло, средиземноморские вина и т.д.) могли перепродаваться в Польшу и Московское государство. В XVII в. к захвату рабов в приграничных районах широко приобщаются гарнизоны турецких причерноморских крепостей: Очакова, Аккермана, Килии. Они организовывали специальные вылазки за «ясырем», продаваемым затем купцам, приезжавшим в эти крепости и порой бывавшим инициаторами таких походов за пленными².

Уплата дани, следовательно, не уберегала от набегов. Российское правительство вынуждено было думать о какой-то защите своих земель с юга. Ведь, как свидетельствовал итальянский путешественник Амбраджо Контарини, русские земли в XVI в. начинались в лесах недалеко от Рязани, степи к югу и юго-востоку от Рязани были пустыни, но

---

¹

XVII . // .
² . . 155–156.

-

... . 147.

местные люди пребывали «в ужасном страхе перед татарами»¹.

Рязанский лесостепной клин, вдававшийся в степи Восточной Европы, был наиболее уязвим при набегах кочевников. Основная же линия русской обороны проходила по Оке, где в Калуге, Серпухове, Тарусе (или Алексине), Коломне и Кашире располагались полки дворянской кавалерии². К 50-м годам XVI в. русское правительство стало выдвигать свои полевые отряды южнее, под Тулу и далее на рубежи рек Быстрая и Тихая Сосна³. Стали организовываться походы войск в Поле для предотвращения крымских ударов на российские пограничные окраины (украины, как тогда они назывались). На стыке Поля и украин стали строить новые крепости. Это могли быть новые сооружения, размещавшиеся в стратегически важных пунктах, или восстановленные старые городища, уничтоженные в период ордынского владычества.

В 70-е годы XVI в. создаются так называемые общерусские сторожи. Они действовали в районе р. Оскол у устья Убли и на Дону у устья Богатого Затона (т.е. в пределах современных Белгородской и Воронежской областей), откуда велись наблюдения за Полем и сообщалось о появлении в его пределах татарской конницы. Кроме того, были специальные конные отряды (так называемые станицы) из путивльских и рыльских казаков, которые с той же целью ездили к Северскому Донцу, верховьям Орели и Самары. Посылались также сторожевые отряды и из пограничных городов Рязьска, Данкова, Новосили, Орла⁴.

¹ . . . . ., 1971. . 224, 225.

² . . . . . XVI – XVII .// . . . . . 161.

³ , ... XVII . . – ., 1948. . 17, 23, 43, 44.

⁴ .: . . . . XVII . . . . ., 1976;

Весной 1571 г. была сделана попытка впервые определить границу между Россией и Крымским ханством. Тогда отряды князя Михаила Тюфякина и дьяка Матвея Ржевского, выехав в Поле, отметили конечные пункты, до которых ездили путивльские и рыльские станицы. Граница была обозначена выбитыми топором на коре деревьев крестами, датами и именами сделавших эти насечки московских должностных лиц. Проходила она в верховьях Миуса и Орели¹. Крымское ханство этого разграничения не признало, и хан в том же 1571 г., как известно, сжег Москву.

С 80-х годов XVI в. охрана российских земель от татарских набегов опиралась на три линии обороны. Самая близкая к Москве шла по Оке, где, в случае опасности, собирались дворяне-конники из Серпухова, Алексина, Калуги, Коломны, Каширы. Далее к югу располагались воеводы 12 городов (Тулы, Дедилова, Пронска, Михайлова, Рязани, Шацка, Орла, Новосили, Мценска, Рязска, Болхова, Белёва), соединявших свои войска в три пограничных полка так называемого «украинского разряда». Передовыми постами, выдвинутыми еще далее на юг, были пограничные города в Поле. В конце XVI в. к ним относились Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Курск, Царев-Борисов, Валуйки. Однако вся эта оборона закрывала лишь прямой путь на Москву, оставляя открытыми западные и восточные Украины Российского государства, чем неоднократно пользовались крымские татары. В 90-е годы для обороны активно начинают использовать «засеки», сооружаемые из земли и древесных завалов, что служило препятствием для продвижения татарской конницы².

---

¹ . . . . ., 1890. . 1. . 14.

² . . . . ., 1846;
. . . . ., 1886;
XVII . . . . ., 1916;
. . . . .

Во время польско-литовского разорения русских земель в начале XVII в. больших татарских вторжений не было, хотя набеги отдельных отрядов, проникавших даже к северу от Оки, фиксируются неоднократно. Татарской опасностью официально объяснялась и неудача русских войск под Смоленском во время Смоленской войны 1632–1635 гг.¹

Внешнеполитические интересы России в XV, XVI вв., первой половине XVII в. были сосредоточены на западном и восточном направлениях. Югу в этой ситуации была нужна лишь защита. И вот с 1635 г. начинается сооружение так называемой «Белгородской черты», оборонительной линии, состоящей из серии крепостей с земляными валами между ними, протяженностью около 800 км. В нее были включены города Белгород, Короча, Нижний Оскол, Острогожск, Воронеж, Умань, Козельск. Перекрывалось все пространство от Ворсклы до Челновой, образуя две прямые линии укреплений, составлявшие угол у впадения в Дон реки Тихая Сосна. Инициатором создания этого сложного и уникального по тем временам инженерного сооружения выступили служилые люди, знатоки южной лесостепной окраины государства. Черта перекрыла все главные дороги, которыми пользовались татары в своих набегах на север (это – Муравский шлях, Изюмская и Кальмиусская сакмы с их ответвлениями Бакаев и Пахнуцкий шляхи и так называемая ногайская дорога). России этим сооружением удалось найти действенное средство обороны своих земель против продолжавшихся почти полтора столетия татарских набегов².

XVI–XVII // .
¹ 8. ., 1955.
 30–40- . XVII . //
 1998. . 164.
² , 1964.

Пределы Российского государства были отодвинуты на 100 км южнее за счет Дикой степи. Никаких протестов по этому поводу ни от Крыма, ни от Османской империи не поступало.

Суть проблемы состояла в том, что шла земледельческая колонизация Дикого Поля. Она происходила как с поощрения, так зачастую и вопреки политике государства. Менялись климатические условия региона, становившиеся более благоприятными для земледелия, чем для кочевого скотоводства¹. Потому-то, как уже говорилось, улусы Большой Орды откочевали к Перекопу и далее в Крым и Западное Причерноморье. Распространение на Поле влияния России было связано с естественным геополитическим размежеванием земледелия и кочевого скотоводства. Земледельческая культура захватывала оказавшиеся бесхозными южные степи. Следовательно, продвижение на юг земледелия и оборона южных границ не были на первых порах связаны с российско-османскими отношениями. Общих границ у этих государств тогда не было. Россия самостоятельно осваивала прилегающие к ее границам пустынные территории.

Первым российско-османским территориальным конфликтом можно считать лишь события, связанные с появлением в Предкавказье гребенского (горного) казачества и строительством в устье р. Сунжи, правого притока Терека, казачьего городка. Крымский хан в 1567 г. потребовал его разрушения. В 1570 г. эти претензии были предъявлены в Стамбуле московскому послу И. П. Новосильцеву. Российская сторона пошла тогда на уступки. Казачий городок, по настоянию российского правительства, был перенесен в устье Терека².

1

., 1995.

2

XVI–XVIII . . . . .
1954. . 63– 99; . . . . .
. . . . ., 1963.

На Северном Кавказе османы обосновались еще в конце XV в. Адыгские (черкесские) племена, с которыми они имели дело в этом регионе, не были однородными как в социальном, так и в религиозном отношении. Некоторые из них управлялись племенной знатью и князьями, другие представляли собой более демократичные джемааты (общины) с выборными вождями и общими сходами. В религиозном плане основная масса населения Черкесии, как османы называли этот северо-западный кавказский район, оставалась верной традиционным анимистическим верованиям. Многие из этих племен, особенно живущие в горах, обходились, как представлялось османам, «без вождей и без религии». Среди глав отдельных племен встречались и мусульмане, и христиане. Порой по политическим мотивам они могли менять одну религию на другую¹. На первых порах османские власти, очевидно, с трудом ориентировались в тех социальных переплетениях, с которыми они столкнулись. Так, даже в 1565 г. они еще раз запрашивали у бея Азова дополнительные сведения о северо-кавказских племенах, как подчинившихся им, так и враждебно настроенных². С оформлением Кафинского эялета в нем был выделен особый северокавказский санджак, куда вошли районы Таманский и Адахунский (между Таманью и Темрюком)³. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший эти местности в 1641–1643 и 1666 гг., писал, что черкесы – это «покорные с виду мятежники», «ашар они платят кафинскому вали дома Османов по принуждению»⁴. Османский источник несколько более позднего времени (Хезарфен) сообща-

---

1

XVI . //

... . 273.

2

. 272, 290, 292 .

3

Berindei M. Veinstein G. La presence Ottomane au sud de la Crimée en mer d'Azow dans premier moitié de XVI siècle// Cahiers du Monde russe et soviétique. 20, 1979; Inalcik H. The Ottoman Empire. The classical Age. 1300 – 1600. L., N.Y., 1973. . 106.

4

. 2. ., 1979. . 26.

ет, что «последним из черкесских племен округа Тамань, в который Великое государство [Порта] назначало кадиев, были черкесы жане. Ими предписания Корана в какой-то мере исполняются»¹. Проживавшие далее черкесские племена считались подчиненными Крымским ханам. Они, как утверждает Хезарфен, «из страха покорялись хану». Покорность эта представляла собой определенную форму личного вассалитета вождей племен, плативших дань в той или иной форме. Так, вожди черкесов-кабартай (кабардинцев) обязаны были каждый год передавать хану и его наследникам – калге и нуреддин-султану – «пленных черкесов»². Этим они предотвращали набеги крымцев на свои земли. Порой воины племен привлекались для участия в военных действиях, которые вели ханы. Связаны были многие из этих племен с крымскими ханами и обычаями заложенничества и аталычества (т.е. племя воспитывало ханских сыновей. Этой почетной обязанностью также подтверждалась их связь с Крымом). Знаменательно и свидетельство турецких источников о том, что для соплеменников их вожди были полновластными хозяевами. Пишут даже, что реайа (подвластные, податные) племена являлись «мюльком бея»³. Мюльк – это безусловная полная собственность. Для османского (как и вообще мусульманского) общества употребление этого термина к отношениям между людьми было несвойственно. Следовательно, для этих своих отдаленных владений османы допускали сохранение неких более архаичных социальных отношений. Они относили их к «стране войны» («дар уль-харб»), где исламские законы подвластных жителей не защищают. Некие миссионерские успехи

¹ Hezarfen Hüseyin efendi. Telhis ül-beyan fi kavânîn-i Al-i Osman. Hazirlayan Dr. Sevim Ilgürel. Ankara, 1998. . 171–172; . .

XVII .

//

. ., 1990. . 266–268.

2

3

здесь отмечаются. Эвлия Челеби писал, например, что при крымском хане Мухаммед-Гирее (1641–1644, 1654–1661) «народ Кабарды удостоился чести приобщиться к исламу», но он же не уверен в успехах этой исламизации: «Кто знает, что там произойдет впоследствии, а ныне... народ Кабарды стал мусульманским». В другом месте Эвлия Челеби называет всех черкесов «не неверными, и не мусульманами»¹. Любопытно, что значительно позднее, в конце XVIII в., османский военный чиновник доносил в Порту: «Среди черкесов мусульман немного, но все по своей природе близки исламу»². Следовательно, северо-восточные пограничные районы Османской империи оставались мало освоенными даже в религиозно-идеологическом плане. Они далеко отстояли от центральных районов империи, и для себя самих османы не чувствовали здесь какой-либо внешней опасности. Многие старые геноуэзские крепости были разрушены еще в 1475–1476 гг., когда османская власть утверждалась в этом регионе. Османские военные гарнизоны располагались (в конце XVII в.) лишь в Тамани (300 воинов), Темрюке (200) и небольшой крепости Кызылташ (40 чел.)³. Численность гарнизонов свидетельствовала о том, что их предназначение ограничивалось лишь присмотром за окрестными подвластными им племенами, никаких наступательных и даже оборонительных функций более серьезного характера они исполнить бы не могли. На протяжении XVI–XVII вв. этот район османы считали своим, близким по духу, относительно спокойным и покорным и, в силу своей удаленности от основных имперских территорий, не требующим каких-либо усилий для организации обороны.

Некоторый интерес к Кавказскому региону османские власти выказали лишь в конце XVI в. в связи с почти непре-

---

¹ . . . 2. . 85.

² (.). ,
1966. . 50.

³ . . . 2. . 25–26, 51, 42–52, 62

кращавшимися в XVI– XVII вв. войнами с Сефевидским Ираном. (Военные действия шли в 1514, 1534–1555, 1577–1590, 1603–1618, 1623–1639, 1723–1727, 1730–1732, 1732–1736, 1743–1746 гг.) Они были вызваны не столько территориально-пограничным разграничением, а прежде всего суннитско-шиитской враждой и стремлением к контролю за традиционными караванными путями азиатской торговли с Западом. Для переброски войск с западных рубежей и из Крымского ханства османские власти использовали издавна проложенный путь от Азова и Кафы через Кабарду и Дагестан на Дербент и далее, в Иран. При великом везире Мехмеде Соколлу возникла идея использовать реки Восточно-Европейской равнины для облегчения доставки в Иран османских войск. Было даже намерение прорыть канал между Доном и Волгой (кстати, тогда же впервые была выдвинута идея прорытия Суэцкого канала)¹. Именно желание получить новый водный путь к иранскому театру военных действий привело к столкновению с Россией (1569), незадолго перед этими событиями овладевшей Астраханью (1556). В настоящее время, после исследований А. Н. Курата² и работ французских туркологов группы Бенигсена³, убедительно доказано, что турецкий поход под Астрахань не был связан с желанием приобщиться к золотоордынскому наследию, и понятно, почему вспомогательные войска (землекопы) преобладали над армейскими частями, направленными в эту экспедицию. А. Бенигсен обратил внимание на то, что прибывшему на следующий год после астраханской неудачи российскому послу в Порте не были предъявлены какие-либо претензии, связанные с Астраханью и судьбами

---

¹ ...
2006. . 32.

² Kurat A.N. Türkiye ve dil boyu (1569 Astarhan seferi. Ten- dil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl osmanlı-rus münasebetleri). Ankara, 1966.

³ 1569 . .
« ...», . . 145–213,
(. .) /Oriens,

2012, 3.

Поволжья. Говорилось лишь о ликвидации казачьего городка на Тереке и свободе хаджа¹. Астраханская экспедиция, турецкая катастрофа которой была обусловлена не только российским противостоянием, но и, возможно в большей степени, тяжелыми климатическими условиями похода по безводным пространствам, на сто лет отвратила Османскую империю от восточноевропейского направления внешнеполитической активности. Все, что севернее Черного моря, было по-прежнему оставлено в компетенции крымских ханов. В султанских распоряжениях по этому поводу ситуация рисуется следующим образом: «Познаниями обо всех делах, касающихся этих областей» обладают лишь крымские ханы, а поскольку «направление донесений нашему Порогу счастья» о делах в этой отдаленной местности и ожидание ответа требует много времени, хану разрешается самостоятельно решать проблемы пограничья и отношений с соседями, только чтобы «враги веры не познали победы», а владения османов были «охраняемы и защищаемы»². Следовательно, целью османов здесь также становилась лишь оборона и сохранение ранее занятых позиций и территорий. Они не отказывались от контроля за действиями своего вассала, но до поры до времени не мешали и его грабительским вылазкам в земли соседей.

В 80-е годы XVI в., после окончания Ливонской войны, Россия сделала попытку освоить район Нижнего Поволжья. На Тереке вновь утверждаются русские крепости. Теперь уже не просто казачьи поселения, а имеющие постоянные гарнизоны российских войск. Персидский шах присылал в Москву посольство (1587) с предложением дружбы и союза для борьбы с османами. Этот союз не сложился. В 1590 г. шах Аббас подписал мир с Османской империей, по которому османы получили в свое распоряжение Ширван, и их границы дошли до Каспийского моря. Однако в 1603 г. османо-сефевидская война вновь возобновилась. Крымские

---

¹

... . 160–161.

²

. . 102–105.

татары своими набегами на пограничные российские земли и последующими переговорами с российскими властями пытались побудить русских убрать свои укрепления с Терека, так как они якобы мешали функционированию традиционного пути Крым – Дербент¹. Вопреки этим претензиям, в 1594 и 1604–1605 гг. русские войска предприняли два похода против дагестанского шамхальства, государственного объединения, считавшегося в этом районе одним из наиболее верных союзников османов. Походы для русских оказались неудачными², и Россия прекратила какие-либо попытки дальнейшего продвижения в Кавказский регион. Она отказалась от освоенных было позиций на Тереке. Османосефевидское соперничество здесь привело к тому, что в XVII в. контроль над Дагестаном и Каспийским морем перешел в руки сефевидского государства. В российско-османских отношениях кавказско-закавказские проблемы стали появляться лишь в XVIII в., о чем мы и будем говорить далее в связи с войной 1735–1739 гг.

Более сложная ситуация складывалась на территории северного Причерноморья. Есть предположение, что так называемая «Дикая степь» «никогда не испытывала полного запустения»³, однако с конца XVI в. начинается новый этап ее хозяйственного освоения. Оно осуществлялось двумя военно-хозяйственными потоками – из Московского государства и польско-литовской Речи Посполитой. Большую роль в этом играло казачество. В районе днепровских порогов (т.е. у самых границ Крымского ханства) обосновалось запорожское казачество, среди которого были как служивые казаки Речи Посполитой, так и вольные люди, в том числе и беглые крестьяне⁴. Тогда же в районе Дона и По-

¹ . . 242–248.

² . . . . . XVII .

// . . . . 4. ., 1992.

³ . . . XVI . ., 1962. . 422.

⁴ . . . XIV – . XVII . //

. ., 1993. . 73–88; .

волжья начинает формироваться казачество, ориентированное на Россию¹.

В 1569 г., за несколько месяцев до подписания Люблинской унии об объединении королевской Польши и Великого княжества Литовского в единое государство, приднепровские и волынские земли Литвы (в том числе города Киев, Канев, Черкассы) были переданы в управление польской Короны. После победы над Россией в 1582 г. продвижение польских рубежей на юг и восток стало государственной политикой Речи Посполитой. Восстанавливались разрушенные в период татарского нашествия древнерусские города – Переяславль, Лубна, Прилуки, несколько позже Полтава. Украинские поселенцы, служилые казаки и крестьяне с охотой устремлялись в районы запустевшего в эпоху татарского владычества днепровского левобережья, где гнет польской администрации и польских панов был слабее². Украинский этнический поток оказывался в этих районах более мощным, чем великорусский, долгое время не имевший государственной поддержки³.

В середине XVII в. события на Украине изменили то равновесие сил, которое наметилось было в Восточной Европе. Для России постепенное, естественное и мирное расширение на юг ареала земледельческой культуры, а с ним и границ государства сменилось нарастанием военного противостояния. Обострился украинский вопрос, в решении которого оказались задействованными Россия, Речь Посполитая и Османская империя.

XVII . // , ... 174–196.
¹ , , 1902;
² . . . , 1996. . 312–326.
³ . . . XVII . . . , 1950. . 162;
 ... . 180.
 ... . 142–143;
 ... . 73–88.

В 1648–1649 гг. антипольская освободительная борьба на Украине привела к созданию Войска Запорожского, которое, по сути дела, стало представлять собой некое новое казачко-гетманское государство¹. Оно искало международной помощи. Россия в течение пяти лет не решалась пойти на оказание такой помощи. Единственным союзником гетманства на первых порах оказался крымский хан². В дальнейшем, как известно, усиление польского нажима на Украину и измена татар, заключивших союз с Польшей, заставили в 1653 г. казацкую Переяславскую раду просить российского подданства. После включения украинских земель в состав российского государства впервые появилась общая российско-османская граница и последовали войны России с Речью Посполитой и Османской империей.

* * *

Как уже было сказано, ни в XV, ни в XVI, ни в первой половине XVII в. османы не стремились к проникновению в Восточную Европу, удовлетворившись своим утверждением в причерноморских районах. Они не видели необходимости и во введении более жесткого управления этими своими пограничными владениями, ограничиваясь здесь лишь вассальными отношениями с местными правителями. Полоса вассальных территорий начиналась с Трансильвании (Эрдель по-турецки), Валахии (Эфляк), Молдавии (Богдан), далее включала Крымское ханство и ногайские орды, черкесские и кабардинские племена, а порой и некоторых дагестанских правителей.

---

¹ . . 50- . XVII .

// . 50- XVII . . ,
2000. . 9; . -
(XVII –
XVIII) // : . . , 1997.
. 77–85; . . . 174–176.

² Pritsak O. Das erste türkisch-ukrainische Bündnis (1648) // Oriens, 1953, 6. . 262–283; . . 1–2. . , 1998, 2001.

Со времен Сулеймана Кануни (1520–1566), выбрав для себя в европейской политике главным (хотя порой и отвлекаясь на средиземноморские цели) венгерско-австрийское направление, османы пытались не восстанавливать против себя Польшу¹. Так же и польские Ягеллоны, а позднее, по традиции, и их преемники, зачастую видели в османах опору своих режимов. Несмотря на соперничество за влияние в Дунайских княжествах и военные конфликты по этому поводу, Польша оставалась в некоей безопасности от османов или даже, как пишет К. М. Картептер, «в пределах османской орбиты»².

Явный диссонанс в эти отношения вносило украинское казачество. Первоначально оно представляло собой ватаги промысловых людей, бродивших по Дикому полю, порой совершая набеги на население приграничных районов.

С конца XVI в. оно избрало своей базой, как уже было сказано, район днепровских порогов. Запорожцы считали себя «людьми рыцарскими», неким военным сословием, и при этом оставались открытой социальной группой, впитывающей в себя беглых людей разного социального статуса и происхождения. Попытки польских властей ввести часть этой казацкой вольницы в определенные организационные рамки мало меняли образ жизни степного приграничья. Неустроенная жизнь региона способствовала тому, что казаки, как и татарские орды, были постоянной угрозой для соседей.

В конце XVI и первой половине XVII в. жители османского Причерноморья подвергались постоянной угрозе казацких набегов. Так, например, на крепость-порт Синоп они нападали в 1575, 1614, 1615, 1616, 1630, 1632 гг. Известно также о неоднократных нападениях на Самсун, Ганио и другие

---

¹ Abrahamowicz Z. Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // *Kwartalnik historyczny*. Warszawa, 90, 1, 1983. С. 34;

XVI . //

. 12–28.

² Kortepeter C.M. *Ottoman Imperialism During the Reformation Europe and the Caucasus*. New York, London, 1972. . 235.

поселения Эрзерумского эялета. Грабежу подвергались Трабзон, Инеболу, Крым и полоса от Очакова до Стамбула. Казацкие отряды появлялись даже в окрестностях османской столицы. На Черном море порой разыгрывались настоящие сражения, при которых от казацких «чаек» значительный урон нес даже османский флот¹.

Донское казачество, формировавшееся под покровительством России, также порой принимало участие в таких походах «за зипунами». Однако в начале XVII в. оно оказалось сильнее вовлеченным во внутрироссийскую гражданскую войну, а потому менее активно участвовало в набегах на османские владения. Хотя, как уже упоминалось, крепость Азов в 1639–1642 гг. казаки удерживали.

Правящие круги Речи Посполитой то жестко запрещали набеги казаков, то сами поощряли их, желая отвлечь эти беспокойные массы от решения спорных внутренних проблем². Таким же образом вели себя османские власти в отношении татар. Несмотря на частые грабежи, разорение земель друг друга и религиозные различия, определявшие основные направления набегов, между этими группами населения было много общего, и они порой хорошо понимали друг друга. Известны факты, когда татарские мятежники, конфликтовавшие с османскими или крымскими властями,

---

¹ ... . 2. . 192–194; . 3. . 29–31, 45, 79, 214–220, 247, 298 .; . . . - - , 2002. . . (XVII .). ., 1978; ., i i i i i « i i i // Mundi. i 70-pi a. i - i - , 1996. . 341–426; Ostapchuk V. Five Documents from the Topkapı Palace Archive on the Ottoman Defense of the Black sea against the Cossacks (1639) // Journal of Turkish studies, v/c. 10, 1986. . 46–104; Berindei M., La Porte Ottomane face aux Cosaques zaporogues, 1600–1637 // Harvard Ukrainian Studies, 1977, . 1. . 273–307; Cvetkova B.A. Vie économique de villes et ports balkaniques aux XV-e et XVI-e siècles // Revue des études islamiques, 38. . 267–355.
² .; . ., 1863. . III. T. I, 59 (. 201–202), 70 (. 258) .

искали союза с казаками, а казаки, боровшиеся с Речью Посполитой, обращались за помощью в соседний Крым¹. Поэтому-то и обращение к Крымскому ханству в 1648–1649 гг. не было каким-то отступлением от традиций, но еще раз подтвердило ненадежность таких союзных отношений.

Во второй половине XVII в. на Украине все еще было много руководителей украинского казачества, не желавших подчиняться ни России, ни Речи Посполитой, ни Крыму, активно вмешивавшемуся тогда в украинские дела. Они искали для себя некой особой формы существования. Их все более начинает привлекать статус османских вассалов.

В 1669 г. Петр Дорошенко, начинавший свою карьеру как ставленник крымского хана, позднее установивший отношения с Россией и сумевший стать гетманом «обеих сторон Днепра», обратился непосредственно к османскому султану, прося подданства и защиты как от Польши, так и от России².

Украинский лидер надеялся получить от Порты статус, равный крымскому хану и господарям Валахии и Молдавии. Его привлекала относительная свобода османских вассалов во внешнеполитических сношениях и внутренних делах. Османские правящие круги ранее все, что происходило в северном пограничье, передоверявшие Крымским ханам, теперь впервые обратили свое внимание на украинские

---

¹ ... 2005. ... 356, 363–364;
... 194–196;
//
... 1. ..., 1991;
... « ... »:

(XVII – XIX .) // :
... 2. - - , 2008.

² Dorošenko D. Hetman Petro Dorošenko. New York, 1985; Kunt M. 17 yüzyılda Osmanlı kuzey politikası üzerine bir yorum// Bogaziçi Üniversitesi dergisi. Be eri belimler- Humanities, 4–5 (1976–1977). ... 111–116;

XVII . , 1987.

земли как на регион, где возможно расширение имперских пределов и есть «народ казацкий», просящийся под покровительство султана, могущий помочь новым османским экспансионистским успехам. Завершив Кандийскую войну (1642–1669) за Крит, османы переносят свое внимание на север. В 1672 г. начинается война с Польшей. Была завоевана Подолия, превращенная в османский эялет (т.е. область центрального подчинения), а Киевщина и Брацлавщина, как владения П. Дорошенко, признаны османскими вассальными территориями¹.

К этому времени в Причерноморье между османскими вассалами намечается новая расстановка сил. Еще в 1657 г. Азов был выведен из-под власти Кафы и объявлен центром самостоятельного эялета². Подолия стала областью имперского подчинения (1672)³. Следовательно, империя усилила свою власть в этом регионе. В Азове и Каменце были расквартированы значительные османские воинские подразделения⁴. Такая ситуация явно начинала беспокоить Крымское ханство, утрачивавшее самостоятельность в приграничной политике. Это был еще далеко не разрыв, но трещина во взаимоотношениях явно намечалась.

Победа Османской империи над поляками в 1672 г. повлекла за собой еще две войны: с Польшей (1672–1676) и Россией (1677–1681). Как пишет польский ученый З. Абрахамович, первая «легкая победа и территориальное завоевание лишили турок способности правильно оценивать соседей как противников на поле боя»⁵. Османская империя почти на десятилетие втянулась в войны в чуждом ей гео-

---

¹ ... . 2. ., 2001.

² Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane // *Turcica*, 8. P., 1976. . 110–201.

³ .: Abrahamowicz Z. Die türkische Herrschaft in Podolien (1672–1699) // 1) *Actes du Premier Congrès international des études balkaniques et sudosteuropeennes*, 3. , 1966. . 777–780; 2) *Habsburgisch-osmaische Beziehungen*. Wien, 1985. . 187–192.

⁴ *Hazârfen Hüseyin efendi*. Telhis... . 151.

⁵ Abrahamowicz Z. *Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy...* . 26.

политическом регионе. Наиболее дальновидные османские политики понимали это. Так, шейх уль-ислам Али Чаталджи эфенди долгое время сопротивлялся началу войны с Россией¹. Завершились эти войны размежеванием сил, которое, как оказалось, не устраивало ни одну из сторон.

С Россией границы были определены по Днепру с добавлением «в сторону царского величества» Киева и его ближайших окрестностей в правобережье выше и ниже по Днепру. Между Бугом и Днепром земли должны были оставаться безлюдными и пустынными, где обе стороны брали на себя обязательство никаких поселений не заводить². Претензии России на Запорожье удовлетворены не были. Однако в грамотах хана, направлявшихся в Москву после заключения мира, утверждалось «и от Киева до Запорожья и Запороги Ваши же»³.

Эта нечеткость в территориальном разграничении не могла быть устранена договором, она сохранялась в жизни региона. Сами украинские земли переживали тогда, как пишут историки, период «анархии и руины» (1663–1687)⁴. Они были разделены между Россией, Речью Посполитой Польской и Османской империей. Отдельные украинские гетманы порой меняли свою внешнеполитическую ориентацию, отдаваясь под покровительство то той, то иной державы⁵. Это лишь усиливало ту неразбериху, которая царила на Украине.

Даже Подолия, где местное население, уставшее от междоусобиц, в 1672 г. встретило османские войска, как

---

¹ . . 41.
² ( ). I. T. 2.
³ ., 1830, 864.
⁴ , 854, 896.
⁵ . . . .
⁶ . 15. . ., 1905.
⁷ 70–90- XVII
 . . . . 1997. . 61–75;
 XVII – XVIII // . . 89–100.

свидетельствуют османские хроники, хлебом и мясом¹, не могла прокормить оставленный там османский гарнизон, снабжение которого пришлось вести из Молдавии. Получавшие в Подолии земли османские воины в массовом порядке покидали эту далекую окраину. Более того, из надсмотрщика за вассальными территориями Подолия превратилась в базу для татарских набегов на Волынь и другие районы христианского мира². Чтобы как-то стабилизировать обстановку, Порта Правобережную Украину, признанную в это время и Россией, и Польшей османским владением, передала под контроль молдавского господаря Г. Дуки³. Это свидетельствует об имперском разочаровании в крымской миссии по организации северного пограничья. Но в то же время мир с Россией в 1681 г. подписывали три стороны – Порта, Крымское ханство и Россия, т.е. империя пыталась как-то успокоить и этого своего вассала⁴.

Главным же итогом десятилетия явилось убеждение османских властей в малой выгоде территориальных владений на далекой для них северо-восточной окраине. Разоренная Украина не давала ни богатой добычи, ни обихожных земель для раздачи жаждущим новых земельных пожалований османским воинам. Османская империя переключила свои внешнеполитические экспансионистские устремления на Центральную Европу, которую один из османских хронистов называл «гяурским раем»⁵. Поход Кара Мустафы на Вену в 1683 г. закончился, как известно, пора-

¹ Abrahamowicz L. Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy... . 26.

² Kolodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki 1672–1699. Warszawa, 1994.

³ ... . 2. . 24, 212.

⁴ . . . . . (. . . . .), . 123 . 89.

« . . . . . » . 13. ., 1991. . 218–221 . . . . . « XVI – XVII . . . . . » . 2. ., 1946. . 165–168.

⁵ .: Abrahamowicz L. Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy... . 50.

жением османских войск, а европейские страны создали в 1684 г. антитурецкую «Священную лигу».

Россия пыталась продолжать придерживаться в южных степях осторожной оборонительной позиции. В 1679–1680 гг., т.е. еще во время османской войны, западная часть защищающей русские земли «Белгородской черты» была отодвинута на юг, где сооружена Изюмская черта (от реки Усерда до реки Коломак). Отгороженная ею Слободская Украина стала заселяться как русским, так и украинским населением¹. Позднее, уже в XVIII в., создается Украинская линия обороны. Современные исследователи оценивают эти сооружения как некий анахронизм². Однако подобные оценки исходят из знаний последующей истории. Нам же сооружение этих укреплений говорит о тогдашнем стремлении России продолжать прежнюю оборонительную политику. Причерноморье ею тогда не рассматривалось как объект какой-то экспансии.

В конце XVII в. руководитель российской внешней политики при царе Алексее Михайловиче А. Л. Ордин-Нашекин как первоочередную для России задачу выдвигал упорядочение отношений с Польшей и, более того, считал, что в этом случае «турок будет здержан и крепко верен». Он был убежден, что война с Россией была начата османами по подстрекательству Польши, которая, уступив османам Подолию, надеялась турецкими руками, взамен этому «уступлению», вернуть себе Киев и левобережные украинские земли, т.е. войну 1677–1678 гг. он считал порождением не непосредственных османских претензий к России, а польскими интригами. Даже в 1678–1679 гг., уже будучи в отставке, он предупреждал молодого царя Федора Алексеевича о необходимости «ныне по тюркской склонности к миру» «прилежно... искать крепкого мира», при этом, однако, «королевство Польское от совета общего не отлагать»,

---

¹

² . . . , 1980.

XVIII . . . i ,
1969. . 158–168.

так как иначе оно будет изыскивать причины к новому нарушению «крепостей мирных». Следовательно, Ордин-Нащекин надеялся, что в Восточной Европе может произойти мирное трехстороннее размежевание государственных интересов. При этом русский дипломат был уверен, что «можно с салтаном турским мир крепкий и надежный чинить»¹.

В этом был убежден и П.Б. Возницын, ездивший в Стамбул для подписания русско-турецкого мира 1681 г. Позднее он писал Петру I: турецкие войска, «хотя Чигирин взяли, однако его бросили, и не держали, потому что им за отдаленностью... держать его было нельзя», «они не так войной, как отдаленностью и всякой нуждой пропали и едва что возвратились». Положение армии было таково, что «ежели бы тогда будущий везир не захватил с нами мир, подлинно тогда же бы убит был»².

Далее, как известно, этот польско-российско-османский узел распутывался следующим образом. Участвуя в антиосманской «Священной лиге» и будучи заинтересованным в вовлечении в нее России, польский король Ян Собеский пошел на подписание русско-польского «Вечного мира» (1686), по которому, в частности, Киев и Смоленск были наконец признаны Польшей принадлежащими России. Эта уступка побудила российские власти разорвать перемирие 1681 г. и присоединиться к военным действиям «Священной лиги»³. Во взаимодействии с этой антиосманской коалици-

---

¹ .: . . « » (// 1964 . ., 1965. . 333–349; . . XVII . // . IX. ., 1961. . 191–220. ² . . I. . . 1. . 750–757. ³ . 2. . 774, 1686 . « » // . 3. ., 1987. . 27–43.

ей были совершены Крымские походы В. В. Голицына (1687, 1689) и Азовские походы Петра I (1695–1696).

* * *

Взятие Азова в 1696 г., опьянение первой победой, первое использование только что построенного флота, теплое море – все это увлекло молодого царя. Он стал строить планы дальнейшего продвижения на юг и превращения России в морскую державу¹. Однако реальная действительность оказалась совсем не благоприятной для этих планов Петра I. «Великое посольство» и знакомство с европейскими настроениями того времени убедили царя в том, что союзники по «Священной лиге» воевать больше не хотят, дипломатическим путем получить от Порты каких-то уступок невозможно, а на севере Европы назревает конфликт, вступление в который сулит России выход к Балтийскому морю. Морские амбиции Петра переключились на север. Он срочно потребовал от Е. И. Украинцева, ведшего в Стамбуле переговоры о мире, скорейшего подписания мирного договора с Османской империей: «учини мир: зело, зело нужно»². Известие о заключении мирного русско-турецкого договора было принято в Москве «с нарочитым удовольствием», и в тот же день, когда оно было получено, русским войскам был дан приказ двинуться к шведской границе³. Османское направление внешней политики России перестало интересовать царя.

Исходя из пресловутого «Завещания» Петра I, историки (хотя и признавая его поддельность), как об общепринятой истине, пишут о том, что Петр I положил начало необходимому для страны движению России к теплым морям. Вначале в европейской публицистике XIX в., а затем и в российской прочно утвердилось мнение о закономерности и

---

¹ . . . I. . 1;

² . . . 1. ., 1887.

³ . 332–333.

³ . . 383.

необходимости такого расширения российской территории. В советское время эта мысль воспринималась через статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, а потому считалась неоспоримой истиной, «марксизмом». Войнами, в том числе и за выход к Черному морю, Петр «захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны»¹. Это западноевропейское стремление повернуть политику России на юг, отвлечь ее от европейских проблем, более того, связать руки обеих империй, и Османской и Российской, борьбой между собой, стало для историков общепринятой истиной, якобы исходящей из интересов России и не допускающей никакой иной точки зрения. А между тем ведь Петр I после начала борьбы за Балтику к турецкому направлению больше не обращался. Война 1710–1713 гг., кульминацией которой был позорный для Петра Прутский поход, привела к утрате Россией выхода в Азовское море и ликвидации там российского флота. Если этот факт еще можно рассматривать как нечто вынужденное и временное, связанное с занятостью царя и его основной армии борьбой за Балтику, то обращение Петра после окончания Северной войны не к османо-черноморскому региону, а к совсем новому для него персидскому, мирное размежевание там с Османской империей (1724) и подписание русско-турецкого «Вечного мира» (1720) говорят о сознательном отказе от османо-российской конфронтации. Петр I смотрится, исходя из этих фактов, не как инициатор конфликта с Османской империей, а как царь, сознательно исключивший его из своей внешней политики. Что же касается «предопределенности» или невозможности великой нации существовать в «отдаленном от моря положении»², как и известное высказывание профессора Н. Йорги³ о том, что государство, утвердившееся в Стамбуле, хотело оно того или нет, вынуждено было становиться великим государст-

¹ . . . . 2- . . 22. . 28.

² . . 22.

³ .: Yorga N. Byzance après Byzance. Bucarest, 1935.

вом, то эти геополитические предсказания, на наш взгляд, не выдерживают проверки жизнью. Для конца XVII в. и начала XVIII в., не прибегая к геополитическим фантазиям, можем лишь констатировать, что произошло территориальное сближение двух имперских образований, у них появилась общая граница, а развивавшиеся издавна торговые и дипломатические отношения получили новый импульс для развития.

* * *

После утверждения османской власти на всех территориях, окружающих Черное море, этот водный бассейн был закрыт для плавания иностранных судов¹. Международные связи, довольно активные в период господства в регионе генуэзско-венецианских торговцев, резко пошли на убыль. Широко распространено мнение, что с сокращением международной торговли последовал резкий экономический упадок Причерноморья². Это, однако, не так. Торговля не прекратилась, но изменились её условия, цели и участники, а сам регион был интегрирован в османское экономическое пространство³. Именно из Причерноморья шло основное снабжение османской столицы, прежде всего сельскохозяйственной продукцией⁴. В соответствии с имперскими запросами и внутренними потребностями развивались аграрное производство, ремесло, скотоводство. Международные торговые связи переходят в руки османских подданных – армян, евреев, греков, турок, арабов. Будучи заинтересо-

---

¹ .: Inalcık H. The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans // *Arxcion Pontou*. 33 [Athens], 1979; . . . «

»: XV–XVI .

² Berindei M., Veinstein G. La présence Ottomane au sud de la Crimée en mer d'Azow dans première moitié du XVI-e siècle // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 20, 1979.

³ Inalcık H. The Question of the Closing. . . 74–110; Inalcık H. The Customs Register of Caffa 1487–1490. Cambridge. Mass., 1996. . . 109–111.

⁴ Alexandrescu-Dersca M. Contribution à l'étude de l'approvisionnement en blé de Constantinople au XVIII siècle // *Studia et Acta Orientalia*. 1. Bucarest, 1958.

ванными в доходах от торговли, османские власти давали торговцам значительные льготы¹. Как и по всей стране, в Причерноморье было выделено несколько таможенных зон, самой крупной на севере была таможенная зона Кафы, к которой относились порты Азов, Керчь, Тамань, Копа. Свои таможенные платежи собирали в Крымском ханстве и в порту Килия². Шла торговля рабами, которых зачастую меняли на привозимые сюда импортные, западноевропейские ткани, а также шелк, поступавший главным образом из Бурсы, хлопок, шерсть из Анатолии и т.п. Поступали также индийские, арабские, персидские товары, пряности и красители, т.е. все то, что было традиционным товаром азиатской караванной торговли, а также некоторые средиземноморские продукты (оливки, масло, вино и т.д.). Все это шло не только в северные районы империи, но и в Польшу и Московское государство. Торговля с Польшей считалась настолько прибыльной, что не прекращалась даже во время войн. Этот поворот на север позволил османам сохранить караванную торговлю с Востоком, когда значительные объемы ее перехватили португальцы, организовавшие морские перевозки восточных товаров в Европу³.

По Черному морю товары перевозились лишь на кораблях, принадлежавших османским подданным. Далее главный торговый путь шел по Молдавии, и затем на Львов. Через Молдавию велась и торговля с Московским государством⁴, через нее же в XVI–XVIII вв. ездили российские послы

¹ Inalcık H. *Imtiyazat* // The Encyclopaedia of Islam, III. Leiden, 1971; Inalcık H. *Bursa and Commerce of the Levant* // Journal of the Economic and social History of the Orient, N 3. Leiden, 1960.

² Inalcık H. The Customs Register... . 91–111.

³ Inalcık H. Bursa and commerce of the Levant. . 191–197; XVII . // , 1979;

⁴ Inalcık H. The Ottoman Empire. The classical Age 1300–1600. L., N.-Y., 1973. . 129–131;

III III.

в Османскую империю и осуществлялись связи по церковным делам. В Московию вел также путь по Днепру, начало которого было в Вязьме, где товары погружались на суда и везлись до Киева, а далее караванами по степи до Кафы и других портов Крыма. Такие поездки были сопряжены с большой опасностью, так как зачастую на купцов нападали татары и запорожцы (последние, правда, иногда и сами организовывали такие торговые экспедиции). Еще один путь шел по Дону на Азов, начинаясь непосредственно в русских землях, у города Данкова. Именно этим путем пользовались и самые первые посольства к крымскому и османскому дворам. Плавание до Азова занимало 12 дней, далее сухим или водным путем добирались до Кафы, а затем уже на турецких кораблях плыли в Стамбул¹.

В Москву торговцы привозили ювелирные изделия, дорогие ткани, ковры, лошадиную сбрую, сафьяны, дорогое восточное оружие – все это широко входило в быт придворных, духовенства, зажиточных горожан.

Из России в Османскую империю везли прежде всего меха, а также «рыбий зуб» (моржовые бивни), ловчих птиц, некоторые виды одежды и изделия из металла.

Как в России, так и в Османской империи были определенные ограничения для ведения внешней торговли: жесткий надзор, подозрительность и лихоимство властей, таможенные пошлины и различные препоны в передвижении и организации торговли. Сходные условия в ведении торговли порождали хорошее понимание купцами и властями двух стран проблем друг друга, а в необходимых случаях

XVII .
17 18 //

. 4. ., 1928; . .

(XVII .) //

. , 1973; . .

1 ... . 75–79 .

XVII XVIII

. , 1876.

тивной в обмене посольств была Россия. По подсчетам турецкого ученого Ф. Р. Уната¹, до второй половины XVII в. в Москве побывало пять турецких посольств, в Стамбуле же сорок семь российских. По материалам Посольского приказа можно выявить несколько иные числа дипломатических миссий – 18 и 38, т.е. больше турецких и меньше российских, но официальный статус их не всегда был точно определен и признан принимающей стороной². Для нас важны сейчас не точные цифры, а их соотношение. Большая активность Москвы была вызвана, очевидно, османскими завоевательными успехами в Центральной Европе и Средиземноморье, антиосманской агитацией европейских дипломатов, пытавшихся внушить России мысли о грозящей ей османской угрозе, жалобами православных единоверцев, попавших в османское подчинение, и попытками правителей тюркских юртов – казанского, астраханского, ногайского и крымского – для придания себе особого веса информировать Москву о якобы поддерживающей их Османской империи. В этих условиях российские посольства были во многом осведомительными, разведывательными миссиями, собиравшими сведения об османских правителях, их внешнеполитических устремлениях, войнах и т.п. Уже в наказе послу В. А. Коробову, отправленному к Селиму I в марте 1512 г., предписывалось выяснить: «Как ныне тюркской с Менгли-Гиреем царем и с Литовским и с Волошским и с Угорским, и что ныне дело Селим-шаг султаново с кызылбашем»³. Подобные наказания давались и всем последующим российским посольствам.

Особая потребность в обращении к султанам была связана также с крымско-российскими отношениями. Жалобы на крымские набеги и просьбы приструнить крымцев, вер-

---

¹ Unat F.R. Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri. Ankara, 1968. . 245–247.

² . . . . .

³ . . . . . 4 . . 1. ., 1991. . 305.

.. , // . . 95. . 112.

нуть полон и награбленное имущество постоянно присутствуют в посольских обращениях к султанам.

Османе же не видели какой-либо опасности от России для своих северо-восточных границ и всего черноморского региона. Даже в первые годы войны со Священной лигой – 1684–1686, когда Молдавия и северо-западное Причерноморье были вовлечены в военные действия, российских гонцов, прибывавших к султанскому двору с царскими грамотами – Алексея Васильева (1683–1684) и Никиту Алексеева (1685–1686), чтобы избавить от опасной дороги по суше, отправляли на родину морским путем (первого до Азова¹, второго до Очакова)². Недовольство российских посланников вынужденным морским путешествием свидетельствовало о том, что и со стороны российского правительства им не были даны какие-либо разведывательные задания в этом регионе. Османские же власти не боялись пускать иностранных соглядатаев в свои внутренние владения, считая их недоступными для какого-либо внешнего вмешательства. Более того, их не смущали и устанавливавшиеся отношения России с племенами пограничной зоны, находящимися в вассальной зависимости от Крыма или их кафинского паши. Вот, например, османское свидетельство конца XVII в.: Великие ногаи, проживавшие на территориях между Перекопом и Азовом, подчинялись крымским ханам, участвовали под их началом в военных походах, но не раз бывало, что они выказывали неповиновение, «становились казаками», шли просить милости у московского короля и какое-то время жили в его краях, а затем снова возвращались и жили на старых местах, т.е. во владениях крымского хана³.

---

¹ . 1, . 24, . 120, . – 123 . ( ), . 89,
² , . 26... . 159 .
³ .: . XVII .

// :
- . ., 1990; Hezarfen Hüseyin efendi,
Telhis ul beyan. . 172.

Похожая ситуация была и на Кавказе. Еще в 1557 г., т.е. на следующий год после завоевания Россией Астрахани, князья Кабарды установили отношения с Москвой. Их посольство просило защиты от ногайцев, крымских татар и дагестанцев. Дочь кабардинского князя Темрюка была выдана замуж за царя Ивана Грозного. Позднее, в XVII в., Кабарда и некоторые другие адыгские и дагестанские правители не раз искали покровительства России, заявляя даже о желании принять ее подданство¹. Это, однако, не означало какого-то принципиального передела сфер влияния в этом регионе. Россия здесь принимала те правила взаимоотношений, которые бытовали в османском пограничье. Шертные (договорные, дружеские) грамоты местных владетелей означали лишь временные связи и не влекли за собой отказа от вассальных отношений с другими государствами и правителями. Зыбкость границ и двойной (а то и тройной) вассалитет пограничных племен были для этих мест обычны. Россия усвоила эти правила и потому воспринималась здесь в это время как некая привычная сила и страна той же культуры международных отношений. Сферы влияния в пограничье были довольно стабильными. Ни Россия, ни Османская империя не претендовали до XVIII в. на какое-то более жесткое их разграничение.

* * *

Хотя Петр I и отказался от продолжения борьбы за Черное море и даже не пошел на реванш после поражения на Пруте, именно он нарушил ту стабильность, которая до этого присутствовала в отношениях двух империй. Начало нового этапа русско-османских отношений хорошо прослеживается по материалам первого постоянного посольства

---

¹ . . . XVI-XVII . . . 1. ., 1957; . ., 1889; . XVI . .

России при султанском дворе (1702–1714), возглавлявшегося Петром Андреевичем Толстым.

Уже в первые месяцы своего пребывания П. А. Толстой доносил в Москву, что турки «большой страх имеют от новопостроенного царского величества морского московского флота и боятся по Евксинопонту внезапного на себя наступления»¹. Действительно, для турецкой стороны было потрясением, что в черноморском бассейне, который они считали своим внутренним морем, держали, по словам переводчика султанского Дивана А. Маврокордато, как «непорочную девицу»², не разрешали плавание там иностранным судам, появилась некая иностранная военная база. К тому же было известно, что Азов был взят после осады как с суши, так и с моря. На Карловицких переговорах (1698–1699), завершивших войну Священной лиги, Россия требовала себе еще и Керчь, запиравшую выход из Азовского в Черное море. Хотя царь и утверждал, что «не усмирят татар и не имея в их землях крепости, невозможно к миру приступить и со стороны царского величества тем довольство воспринять»³, это требование было расценено всеми участниками мирных переговоров как чрезмерный запрос⁴. Тем не менее, и после этого Петр отправил в 1700 г. посольство на военном корабле «Крепость» в Стамбул для окончательного заключения мира⁵. Все это, естественно, воспринималось как явное нарушение сложившихся в регионе отношений.

Как известно, Петр I резко поменял внешнеполитическую ориентацию, пошел на уступки, отдав завоеванные им приднепровские городки, ограничил свои приобретения лишь Азовом с прилегающими территориями, разрешением

1

XVIII . ., 1985. . 49.

2

. . . I. . . V, ., 1948.
. 151–153.

3

. . . 1. . 259.

4

. . . I. . . III. . 390.

5

. . V.

послать в Турцию своего посла и отменой «дачи» крымскому хану¹. Посла же, как было сказано в полномочной грамоте П. А. Толстого, он отправил к султану «для лучшего и состоятельнейшего оно́го мира охранения»². Это отвечало новым задачам России в период Северной войны (1700–1721). Южные границы страны должны были быть в безопасности, чтобы успешно решать задачи на Севере.

Назначение посла-резидента – это новая практика для российской дипломатической службы. Петр I после завершения Великого посольства и личного ознакомления с европейской политикой и практикой межгосударственных отношений коренным образом меняет характер российской посольской службы. Тогда-то впервые послов начинают посылать «на резиденцию» или, как писалось в посольских документах, «быть до указу». В Европе, однако, эти первые резиденты не всегда имели официальную аккредитацию. Широко известна, например, миссия А. А. Матвеева в Голландии (1699–1719) и его выезды оттуда во Францию (1705–1706) и Англию (1707–1708)³. Полуофициальный статус (или, как тогда говорили, поездки инкогнито) не мешал Матвееву быть за границей полноправным членом дипломатического корпуса и даже помогал ему преодолевать трудности дипломатического этикета, а европейским правительствам сноситься с Россией, не вызывая недовольства у воюющей с ней Швеции. Такое положение, однако, было немыслимо в Османской империи. Посольство Толстого могло находиться там, только имея официальный статус. Миссия П. А. Толстого оказалась первым официальным постоянным российским посольством в иностранной державе⁴.

1

.., 1864. . 1–11;

.., 1830. . 2, 1804.

2

... . II. . 53.

3

(

). .., 1972.

4

(1700–1714)

//

. I . .., 1961. . 163.

Для Османской империи такая миссия российского посла также была внове. Через месяц после торжественного приема у султана П. А. Толстому было предложено возвратиться в свою страну, «понеже никаких торговых дел здесь с российским государством нет, а мир уже утвержден»¹. По османским представлениям (см. гл. III этой работы), проживавшие в империи послы иностранных держав – это торговые представители, консулы, защитники и надсмотрщики за пребывающими в османскую державу купцами своей страны. Какими-либо политическими делами они заниматься не должны были. Считалось, что для этой цели в случае необходимости присылались особые чрезвычайные посольства. Потому-то, получив от П. А. Толстого заверения о стремлении российской стороны к поддержанию мирных отношений, османские власти и попытались выдворить его из своей страны как выполнившего свою миссию. Это, однако, не входило в планы российского правительства и не отвечало тем целям, которые были поставлены царем перед посольством. Ему было нужно знать, что происходит в Османской империи и не исходит ли от нее опасность для России.

Чтобы продолжить свое пребывание при султанском дворе, П. А. Толстому пришлось идти на разные хитрости и уступки. Так, он согласился на уплату компенсаций греческим купцам, подданным султана, незадолго до прибытия посла ездившим по торговым делам в российское государство и по дороге подвергшимся разбойному нападению (при этом, правда, посол подчеркивал, что разбойничают в степи выходцы из разных государств – из страны царского величества, из Польши, из Молдавии, хотя всех их зачастую называют запорожцами. Кроме того, и сами купцы были виноваты, так как «нерассудительно» отклонились от охраняемого пути)². Посол начал переговоры по этому поводу. Кроме того, он активно заявлял протесты о различных по-

---

¹ . . 89, . . 1, 1702. . 116.

² . . 319–319 .

граничных конфликтах донских казаков с кубанскими татарами, калмыками, откочевавшими тогда за Кубань (т.е. на турецкую сторону), и кумыками. Сведения об этих инцидентах постоянно сообщал послу азовский воевода С. Б. Ловчиков, который к тому же доказывал, что многочисленные вылазки на Азов совершаются с ведома крымского хана¹.

Османские власти попытались в ответ на эти претензии отговориться тем, что различные враждебные происки, исходящие от запорожцев и крымцев, – «дело обыденное». В Порте татарским донесениям не верят, пограничные же конфликты могут быть урегулированы местными властями – османскими сераскерами (зд. пограничными командирами) и украинскими гетманами². Посол, однако, представлял такое множество сообщений о подобных конфликтах, что османским властям волей-неволей пришлось с ними разбираться и отложить высылку неугодного им посла. П. А. Толстой был очень активен и в других своих переговорах с султанскими властями, всячески доказывая турецкой стороне необходимость своей миссии. Он вел переговоры о выкупе русских пленных³, о разграничении земель в пограничной зоне⁴, о конкретных завышенных пошлинах, взимаемых с российских торговцев, приезжавших на османскую территорию⁵, ну и, разумеется, широко использовал такой распространенный метод воздействия на турецких государственных деятелей, как подарки, подкуп и т. п.⁶ Тем не менее, положение посла еще долго оставалось неопределенным. В османском обществе были распространены слухи, что истинная цель его – нарушить или видоизменить заключенный в 1700 г. мирный договор, что посол прибыл с разведывательными заданиями и стремится лишь выявить

---

¹ . . 151 . – 153 .

² . . 316 .

³ . 1703. . 3. . 328 – 328 . 1704, . 3. . 309 .

⁴ . 1704. . 203 . – 204.

⁵ . 1703, . 3. . 21, 385 ., 386, 488–489.

⁶ . 1704, . 3. . 312–314.

благоприятный момент для нападения России на османские владения. Это порой внушало и послу панические настроения. Он писал царю: «Уж я, раб твой, всякими мерами разглашаю, что я прислан для твердейшего содержания мира, однако, не верят»¹.

Царское правительство шло навстречу послу, позволяя идти и на более серьезные уступки. Так, в связи с турецкими претензиями, связанными с сооружением, а порой и просто ремонтом укреплений в пограничной зоне, послу поручалось всячески разъяснять, что это внутривососсийское дело, что крепости предназначены для того, чтобы было «возможно унимать от своевольтва и грабежей обеих сторонам подданных запорожцами». Предлагалось послать лазутчиков и убедиться, что все это «не для какого зла строится, но истинно ради содержания крепко поставленного мира». И особенно показательно, что в тайных инструкциях послу предписывалось: если «Порта к начинанию войны склоняться будет, то попроситься ему [послу] еще в ответ и за самую последнюю мерою объявить... что его царское величество... желая лучшего состояния миру... изволит новую деланную крепость близ Сечи Запорожской изпразднить будущего лета... И сие объявить по самой последней мере, если усмотрит всемерно, что к начатию войны готовы... и держать сии указы всемерно в великом охранении под опасением себе смертной казни»².

Уступчиво реагировало правительство Петра I и на турецкое требование уничтожить или продать Азовский флот. Поясняя, что корабли азовской флотилии были построены еще до подписания мира, «никаких на них приготовлений нет к воинскому походу», давалось согласие на продажу кораблей, а послу поручалось передать турецким властям, что «царское величество ценой отягчать их не будет»³.

1

. . 148 .

2

... . III. . 716–722.

3

Совместные усилия посла и царского правительства увенчались успехом. Турецкие власти вынуждены были признать полезность миссии П. А. Толстого. Ему было заявлено, что «Порта желает его иметь в почтении достойном яко приятеля и гостя»¹.

Петр Андреевич Толстой стал в посольском корпусе, находившемся в османской столице, первым послом, выполняющим не функции торгового агента своей страны, а прежде всего решающим проблемы политических взаимоотношений двух стран. Показательно, что он, чтобы подчеркнуть особость своей миссии, отказался даже от денежного довольствия и корма, которые ему предлагала Порта, объясняя это тем, что он не чрезвычайный посол, приехавший с каким-то извещением к султану, а посол-резидент². Этим русский посол пытался приучить турецкую внешнеполитическую службу к новым формам межгосударственных отношений.

Торговые отношения также не были оставлены послом без внимания. Он пытался защищать интересы русских купцов. Через своих «доброхотов» собирал сведения, на каких условиях ведут торговлю другие страны³. Вел переговоры о заключении русско-турецкого торгового договора, т.е. о предоставлении России капитуляционных преимуществ, даваемых европейским странам.

Российское правительство с опаской относилось к переговорам посла о торговом договоре, так как боялось, что они могут привести к пересмотру условий мирного договора 1700 г., что для России в этот период было нежелательно. Более того, и сам торговый договор не рассматривался петровским окружением как что-то необходимое для России. В предписаниях послу подчеркивалось, что такой документ нужен лишь в том случае, если будет разрешено российское

---

¹ . . 89, . 1, 1704, . 3. . 179 . – 180.

² . . 465.

³ . 1702. . 153 . – 154, 1703, . 222–223 . . .

торговое мореплавание по Черному морю¹. Следовательно, при всех давнишних торговых связях с этим регионом, российские власти видели тогда в торговле с Османской империей прежде всего инструмент для решения своих политических задач.

Итак, первое десятилетие XVIII в. для русско-турецких отношений было временем, когда Россия стремилась всеми силами сохранить мир, в Османской же империи появилось недоверие к своему северному соседу, порожденное как морскими амбициями Петра I, так и тем, что, как писал П. А. Толстой, в империи «множество бесчисленное... единовременных российскому народу христиан... турки их имеют себе всегда за внутренних врагов и не верят им в том, что они страхом их побеждены, того ради с российским народом и торговли сочинити отрицаются»².

Вместе с тем Османская империя тоже стремилась к миру с Россией. Почти не прекращавшиеся войны второй половины XVII в. (1645–1669 с Венецией, 1664–1666 и 1683 с Австрией, 1672–1676 с Польшей, 1677–1678/81 с Россией и 1684–1699 с коалицией европейских держав – Священной лигой) привели ее к глубочайшему внутреннему кризису. Как образно выразился турецкий историк И. Ортайлы, все это время «оказалось окутанным аурой трагедии»³. Стране явно нужна была мирная передышка. И это стало возможным, так как ее главные европейские противники были тогда заняты новыми общеевропейскими конфликтами – войной за Испанское наследство (1701–1714) и Северной войной (1700–1721). «Подлинно военной» османской державе впервые выпала возможность проводить, как об этом пишет турецкий историк А. Н. Курат, политику нейтралитета (*tarafsızlık*)⁴. Османские власти надеялись заняться не

---

¹ . 1704. . 336 . – 337.

² ... . 49–50.

³ Ortaylı İ. The Ottoman Empire at the End of the Seventeenth Century // Ortaylı İ. Studies on Ottoman Transformation. İstanbul, 1999. . 180.

⁴ Kurat A.N. XVIII yüzyıl ba ı “Avrupa umumi harb’inde” Türkiye // Belleten, 1943. .VII, 26.

только так называемыми «традиционными реформами»¹, что, по определению турецкого историка², было попыткой «реабилитировать классические институты», т.е. упорядочить то, что было. Такие мероприятия проводились в стране всю вторую половину XVII в. Теперь же появилась возможность поискать собственные самобытные пути подхода к тому процессу модернизации, которым был охвачен весь тогдашний мир. (Петр I в это время, как известно, буквально втолкнул Россию в европейское сообщество.)

* * *

Великий везир Амджазаде Хюсейн-паша, подписавший от имени Османской империи Карловицкий мир, принадлежал к тому семейству Кёпрюлю, с которым были связаны все последние преобразования в стране и последние воинские успехи. Он был хорошо образован, принадлежал к суфийскому ордену «мевлеви». В народе о нем сложилось мнение, что, как и все Кёпрюлю, он мудрый, справедливый, удачливый государственный деятель. Очевидно, что этот ореол и позволил пойти на соглашение с «гяурами» и подписать столь необычный для османов тяжелый мирный договор, предусматривавший потерю значительных территорий. (В исторической литературе его иногда называют первым разделом османских территорий)³.

Амджазаде Хюсейн-паша⁴ и его единомышленник Рами Мехмед (как реис ул-кютаб также принимавший участие в Карловицких переговорах, а с августа по ноябрь 1703 г. занимавший пост великого везира) вынуждены были пойти и на некоторые беспрецедентные внутренние преобразова-

---

¹ Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. T. 1. Cambridge (Mass), 1976.

² Ortaylı I. The Ottoman Empire... . 183 – 186.

³ . . . , 1948. . 29.

⁴ . . . Köprülü Ö. Huseyin Pa a Amca Zade // Islam Ansiklopedisi. T. V. . 649–650.

ния¹, необходимые стране, ослабленной почти непрерывными войнами последнего пятидесятилетия. Были отменены многие чрезвычайные налоги, прощены налоговые недоимки, накопившиеся за время войны. Временно было освобождено от налогов население приграничных районов, более всех пострадавшее от военных действий. В то же время стали строже собираться традиционные налоги, возросло налогообложение горожан. В целях увеличения податного сословия более активно начали переводить на оседлость некоторые общины кочевников, особенно юрюков и курдов. Были сокращены ранее предоставленные налоговые льготы для отдельных групп реайи, выполнявших особые поручения (строительство и охрана мостов, горных проходов, почтовые службы и т.д.). Стала широко внедряться практика пожизненных откупов на сбор налогов (система маликяне). Все это дало возможность несколько упорядочить финансовое положение, подавить волнения, вспыхнувшие было в ряде областей империи. Продолжились попытки повысить доходы османского монетного двора и восстановить полноценное содержание драгоценных металлов в османской монете (что было начато в 70–80-х годах XVII в. введением новой серебряной монеты – куруша).

Большое внимание продолжали уделять армии и флоту. При перерегистрации войск, состоявших на жаловании (капыкулу), были упразднены те отряды, которые состояли из записавшихся в армию простолюдинов (выскачек – тюреди, и всеобщего ополчения – нефир-и ам). Из 70 тыс. янычар осталось лишь 34. В тимарном ополчении усилилась прослойка бывших кочевников и лиц, «испомещенных» в Ана-

---

¹ Uzunçar ılı I.H. Osmanlı Tarihi. T. III/I. Ankara, 1951. . 495–530. T. IV/1. Ankara, 1956. . 1–17; Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Tukey. T. 1. Cambridge, 1976. . 215–227;

XVII – XVIII .:

//

100-

. . . . ., 2003. . 130–132.

XVIII .

. . . . ., 1990.

. 68. Akda M. Genel Çizgileri 233–235.

толии после утери своих земель в Венгрии и Подолии. После очередной проверки бератов были изданы строгие постановления, запрещающие местным властям лишать тимариотов их владений без разрешения сверху.

Особенно большие перемены были произведены в османском флоте. Это касалось как его технического оснащения, так и организации управления. Происходил переход от весельного флота к парусному. Складывалось новое морское командование, менявшее существовавшую иерархию морской службы. Был составлен новый морской устав. Определено денежное содержание и пожалования морским офицерам¹.

Шла реорганизация канцелярской службы, вакансии в которой более строго стали заполняться людьми, прошедшими особую подготовку.

И Хюсейн Кёпрюлю, и особенно Рами Мехмед-паша активно поощряли строительство мануфактур, которые должны были прежде всего обеспечивать армию более совершенным вооружением и обмундированием².

Большое внимание уделялось таким общественным работам, как прокладка каналов, строительство мечетей, школ, рынков³.

Хюсейн-паша оставил свой везирский пост в сентябре 1702 г., как раз тогда, когда к султанскому двору прибыл П. А. Толстой. Посол запрашивал встречавших его официальных лиц и своих тайных осведомителей, которые у него тот час же появились, о причинах отставки. Ему единодушно сообщали, что «везир, прежде бывший, за болезнью свою, везирство свое оставил» и что «султан о везире велми печален»⁴. Наследовавший ему Далтабан Мустафа-паша, по

---

¹ . . . , 2006.

² . . . XVIII . . .
³ . . . 1990. . 68.

³ . . . , 1947. . 393–395.

⁴ . . . 89, . 1, 1702, . 1. . 121 . . 124.

сведениям посла, был полной противоположностью деятелям из семейства Кёпрюлю: «... особа не политичная», не имел «фортуны вельможества», «человек служилый», «...был сердца воинского и... зачать войну в какую ни есть сторону желал, не размысля недостатком денежным»¹. Посол сообщал, что «он глуп и все протчие бояре его не любят, кроме муфтия», который и рекомендовал его султану, будто бы получив за это от претендента 400 мешков денег². Вместе с тем известно, что это был человек не чуждый ни военной, ни дворцово-бюрократической службы, активный участник войны 1684–1699 гг. Понятно, что ему трудно было смириться с Карловицким мирным договором и потерей тех территорий, в обороне которых он принимал участие³. Именно с именем Далтабана связан бунт крымских татар и буджакских ногайцев, недовольных Карловицким миром и желавших возобновить военные действия против Польши (присоединившей к себе Каменец) и России. Османский хронист Фындыклылы, сообщения которого подробно цитировал В. Д. Смирнов в своих книгах о Крымском ханстве, а в недавнее время те же данные использовал при описании событий времен Далтабана турецкий историк А. Озджан, так характеризует настроение крымских татар: «Нас не включили в мир. Сколько мы не просили, нашей просьбе не вняли и выказали нам полное презрение»⁴. Действительно, если перемирие 1681 г. с Москвой было подписано тремя сторонами, в том числе и Крымским ханством, то Константинопольский мир 1700 г. был заключен лишь самой Портой с русским послом Е. И. Украинцевым. Более того, впер-

---

¹ . 1703, . 3. . 283 ., 284 ., 299.

² . 1702, . 1. . 114 .

³ Özcan A. Daltaban Mustafa Pa a// Istanbul Üniversitesi Edibiyat Fakültesi. Tarih Enstitüsü Dergisi. Prod. Dr. J.Kafeso lu Hatıra Sayısı. İstanbul, 1987. . 299–334.

⁴ . . .
 ., 1887; . 205. . I. . 483.

вые в него не был включен пункт о «даче» крымскому хану¹. Представление же о том, что Русь является данником Крыма, все еще продолжало культивироваться в среде крымской знати, хотя самой дани от русских Крым не получал уже с 1685 г.² После назначения в Стамбул первого постоянного российского посла и все пограничные вопросы также стали решаться через Порту, о чем несколько позднее в ханском окружении с обидой говорили В. И. Блэклому, приезжавшему в Крым из Стамбула от посла П. А. Толстого³. И хотя «ни турецкая, ни московская, ни гетманская администрация не могли удержать ногайцев, донцов, крымцев, запорожцев, калмыков, черкесов и кабардинцев от взаимных набегов»⁴, регулярное обсуждение пограничных проблем представителями османских центральных властей с российским послом свидетельствует о том, что Порта явно стремилась взять пограничные дела под свой контроль. Недовольная этим крымская знать и даже сами крымские ханы пытались по старинке интриговать и искать себе сторонников как в султанском окружении, так и на международном уровне. Было несколько заявлений о якобы имевшем место желании ханов перейти из османского в российское подданство. Заявления эти очень невнятные и явно несерьезные, хотя и хорошо вписываются в контекст тогдашней ситуации в регионе, когда о таких желаниях не раз заявляли валахи, молдаване, сербы, черногорцы, украинцы Правобережья, греки, венгры, многие народы Северного Кавказа, грузинские цари Имеретии, Кахетии, Картли, ме-

---

¹ . . . 2, 1804;

² . . . , 1869. . 1–11.

XVIII . // - XVII -

1985. . . « » . ,
// ,

1994, 3.

³ . . // . 10. . , 2001.

. 275.

⁴ . . 271.

лики Карабаха и даже хивинцы Средней Азии¹. Крымское ханство, как и ногайские юрты, не относились в то время к таким обращениям как к чему-то серьезному. Для них это был лишь риторический довод, чтобы повлиять на османское правительство и повысить свой внутриимперский статус. Вместе с тем ханство явно чувствовало падение интереса к себе Порты и вообще этому направлению внешней политики. Фындыклылы приводит слова крымских посланников в Стамбуле в связи с нежеланием Порты осложнять свои отношения с Россией: «Если Крым Вам не нужен, то укажите нам другое место, и мы пойдем и поселимся там»². Далтабан, видя такие настроения, желал как-то пригасить назревающий конфликт. В тайных письмах в Крым он обещал в скором времени возобновить военные действия против Польши и Московии. Татарские же рати из Буджака и Крыма (к тому же еще и враждующих между собой) грозили, если война не начнется до того, как замерзнет Дунай, перейти его и разорить всю Румелию (балканскую часть османских владений) вплоть до Стамбула.

В XVII в. мятежи анатолийских бейлербеев и их угрозы идти на Стамбул были не редкостью. От татар же такая угроза прозвучала впервые. П. А. Толстой получил тогда известие, что по всей стране были посланы указы «поднять все войска, которым идет султанское жалование» и тимариотов – «дворян, которые с поместья служат». Всем приказано «идти к Бабе [Бабадагу на Дунае] и в Царьград». Все эти приготовления были столь масштабны, что у посла возникли опасения, о которых он писал в Москву, Азов и в Киев И. С. Мазепе, отвечавшему за оборону южных рубежей России, предупреждая, что «рати близко границ российских». Если «не возмогут татар усмирить», то как бы самовольно «не всчали внезапно войны», так как везир Далтабан «яр сердцем, но мало смысленен и не рассудителен».

---

¹ . . . 269–286.

² . . . 2. . . 482.

Война, как писал посол, возможна, но будет «дурна» «за не-приготовлением их»¹.

Опасность тогда грозила не столько России, сколько самой Османской империи. Ходили слухи о возможной смене всего руководства страны и даже о появлении новой султанской династии. Претендентами на трон называли крымских ханов и наследников знаменитого везира рубежа XVI–XVII вв. султанского дамада (зятя) Соколлу². В этой ситуации единомышленники бывшего великого везира Хюсейна-паши объединились, а шейх уль-ислам Фейзуллах и валиде-султан потребовали у султана смены Далтабана. Новым великим везиром стал Рами Мехмед-паша. Все лица, задействованные в этой антидалтабановской истории, так или иначе были связаны с поддержкой Карловицкого мира, понимали необходимость для страны мирной передышки. Тогда же новым крымским ханом был назначен престарелый Селим-Гирей. Это было его четвертым назначением на ханский престол. Он тоже принадлежал к тем, кто поддерживал подписание Карловицкого договора, а после этого по собственному желанию ушел со своего поста. Далтабан же явно не уловил тех настроений, которые царили в султанском окружении и были направлены на успокоение в стране и мир на ее рубежах. Недаром турецкие очевидцы последних дней его везирства говорят о нем очень уничижительно – «бедный дурень», «болван» и т.п.³

Для нас интересно, что новый великий везир Рами Мехмед-паша уже в первые дни своего правления заверил П. А. Толстого: «От стороны Порты нарушения мирного договора не будет»⁴.

Еще более показателен для понимания настроений в стране произошедший вскоре государственный переворот в

---

¹ . . . 89, . 1 1702, . 1. . 397; 1703, . 3. . 21 . – 22, 24 ., 45.

² Osmanlı Devleti Tarihi. Istanbul, 1999. . 57.

³ . . . . 1. . 694, 699

⁴ . . . 1703, . 3. . 45 .

эфенди. Был свергнут султан, убит муфтий, великий везир отстранен от дел. Любопытно, что этот бунт не был порожден желанием вернуть страну на какой-либо иной путь развития, «вся ярость малых и великих» была направлена лишь против муфтия. При этом, как обратил внимание П. А. Толстой, восставшие «вопиют на тех людей, которые... везиру были в управлении его припятием»¹. Руководители восстания и окружение великого везира были людьми близкими между собой в социально-политическом и даже родственно-личном плане. Побудительными причинами к восстанию явились старые пороки, которыми отличалось османское государство – взяточничество, протекционизм, уклонение султана от решения многих назревших вопросов. От этих пороков не были свободны и те люди, которые пытались проводить новую политику и, очевидно, как и Фейзуллах, не чувствовали тех границ, за которыми их поведение вызывало общественный протест.

После поражения от Священной лиги Османская империя с потерями, но достойно смогла выйти из войны, начала восстанавливать свою военную и хозяйственную мощь. Явно намечается некое обновление государства, приспособившегося к потребностям нового времени. Знаменательно, что среди тогдашних руководителей оказался шейх уль-ислам Фейзуллах эфенди, т.е. представитель улемов, среди которых тоже появляется понимание необходимости неких преобразований. Он же оказался и губителем этих новых стремлений. Антифейзуллаховское движение смело целое поколение. Вначале было уничтожено окружение Мустафы II, затем руководители тех, кто пришел к власти на гребне восстания. Лишь во второй половине января 1704 г. П. А. Толстой мог сообщить в Москву, что «от дел ребелинских (от rebelled, rebel – мятежный) турки успокоились», а новый везир (Моралы Хасан-паша) «человек разумен и поступает порядочно в управление». Ранее же у вла-

---

¹ , . 1704, . 3. . 3–7; 1703, . 3. . 448–449, 459 .

сти были люди «неблагоискусные», которые «никакого посольского дела добро управлять не могут»¹. К этому времени, по сведениям того же П. А. Толстого, число жертв мятежа, явно или тайно уничтоженных, превысило 12 тыс. человек. Борьба с мятежниками продолжалась все первые годы правления нового султана Ахмеда III (1703–1730). Всего за этот период, по сведениям французских наблюдателей, было уничтожено свыше 30 тыс. человек² активного населения страны. Как утверждает турецкий историк А. Н. Курат, эти убийства стали главной причиной того, что в первой половине XVIII в. в Османской империи не выдвинулось ни выдающихся полководцев, ни государственных деятелей³. И еще одно мнение: «После Хюсейна, последнего деятельного великого везира из семьи Кёпрюлю (1698–1702), не было достойного преемника, и в течение 16 лет Константинополь был во власти политических перемен, происходивших с исключительной быстротой и запутанностью»⁴.

Любопытно, что даже те великие везиры, которые начинали было активно проводить свою политику, терпели поражения в связи с теми или иными внешнеполитическими акциями.

Так, Чорлулу Али-паша, продержавшийся на везирском посту четыре года (1706–1710), сумел поставить под свой контроль государственные расходы, упорядочил правила раздачи тимаров, провел чистку армии, избавив ее от лишних людей и улучшив ее техническое оснащение. В период его правления начался поход Карла XII на Украину. Узнав об этом, он поручил вали Силистры Юсуфу-паше послать от себя (а не от центрального правительства) некоего посланника – Эреглили Мехмеда эфенди с каким-то посланием, но

---

¹ . 1704, . 2. . 25.

² Motraye de la. Voyages d'Aubry de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. T. 2. La Haye, 1727. . 21.

³ Kurat A.N. İsveç kralı XII Karl'ın Türkiyede kalı ı ve bu sıralarda Osmanlı imparatorlu u. İstanbul, 1943. . 13.

⁴ Sumner B.H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949. . 7.

опять же не от имперских властей, а от себя лично¹. Толстой, внимательно следивший за внешнеполитическими акциями Порты, запросил разъяснения, с какой целью отправлен Мехмед эфенди. Ему ответили, что послан он «ради куриозии», т.е. для лучшего ознакомления с положением дел у шведов и поляков². В Торне османский посланник встретился с Карлом XII. Есть сведения, что в Стамбул с ним были отправлены письма Карла XII и Станислава Лещинского (претендента на польский престол, протеже шведов), в которых предлагался союз для борьбы против «московитов» и польско-саксонского короля Августа II. Так как турки не пошли на заключение такого союза и отказались разорвать мир с Россией, Карл XII, по официальной версии, прервал переговоры с Юсуф-пашой. Правда, есть сведения, что какая-то тайная переписка у Чорлулу со шведами через Юсуф-пашу продолжалась³. Как утверждал австрийский посол при главной шведской квартире Людвиг Франц фон Цинцендорф, «Король предпринял осаду Полтавы, чтобы оттуда иметь возможность искать твердое положение на Черном море, причем считалось, что шведы обеспечили себе в этой войне симпатии Турции»⁴. Следовательно, уже тогда попытка османских властей играть с Европой в какие-то дипломатические игры породила, в данном случае у Швеции, некие, как оказалось позднее, неоправданные надежды на союзные отношения с Османской империей.

После разгрома под Полтавой Карл XII и Мазепа, как известно, бежали и укрылись на территории Османской империи в Бендерах. Отношение султанских властей к этому факту П. А. Толстой характеризовал следующим образом: «Очень туркам не любо, что этот король к ним прибежал, ибо по закону их и ради стыда от других, отдать его

¹ Uzunçar ılı G.H. Osmanlı Tarihi. T. IV/1. Ankara, 1956. . 59.

² . 1708, . 2. . 37.

³ Kurat A.N. İsveç kiralı XII Karl'ın hayatı ve faaliyetleri. İstanbul, 1943. . 153–154.

⁴ . : . 1700 – 1709 . // . , 1959. . 126.

невозможно и не хотят; однако и то мыслят, что царское величество домогаться его будет и за то мир с ним разорвет, чего они не хотели бы»¹.

Из Бендер в Стамбул Карл XII отправил своего посла М. Нейгебауэра. Немного позднее туда же был отправлен Ст. Понятовский, не имевший никакого официального статуса, но сумевший завязать обширные связи в султанском окружении. Как писал немецкий историк О. Хайнц, Карл XII начал воевать «оружием политики и дипломатии»². Шведская дипломатия в период с 1709 по 1713 г. «строила свои планы на войне Турции и России»³. Что же касается турок и великого везира Чорлулу, то последний не только не пошел на разрыв отношений с Россией, а более того, обратился к П. А. Толстому с предложением о подтверждении мира и выразил желание «время миру продолжить на несколько лет, вяще определенных прежде тридцати, а наипаче... учинить вечный мир»⁴. Султанскую грамоту о подтверждении мира Петр I получил в феврале 1710 г.⁵

Вместе с тем известно, что при приеме шведского посланника Нейгебауэра Чорлулу Али-паша заявил, что турецкие власти относятся к Карлу XII как к королю и во время пребывания в их стране ему будут оказаны полагающиеся почести⁶. Это заявление сопровождалось посылкой шведскому королю ценных подарков, а Юсуфу-паше, как управителю пограничного района, были даны указания отвечать, что шведский король и сопровождающие его лица – гости Османской империи, а поэтому любое вмешательство русских с требованием высылки короля с османской территории будут рассматриваться как нарушение русско-

---

¹ . . . VIII. . 16. . 357.

² Heintz O. König Karl XII von Schweden. T. 2. Berlin, 1958. . 311.

³ Hatton R.M. Charles XII of Sweden. London, 1968. . 326.

⁴ . 1709, . 1. . 449 . – 450.

⁵ . . . 497.

⁶ Kurat A.N. İsveç kiralı... . 125.

турецкого мирного договора¹. Французский посол Ферриоль в письме в Париж от 13 декабря 1709 г. комментировал эти действия османского правительства так: «Порта желает обмануть как шведского короля, так и царя»². Это, однако, было естественным поведением страны, не желавшей войны. Как писал Д. Кантемир (очевидно, знавший Чорлулу лично), везир «боялся быть втянутым в войну, в которую его пытался вовлечь Карл XII»³. Это была вполне грамотная политика дальновидного государственного деятеля, занятого решением неотложных внутренних проблем⁴. Но интригам шведской дипломатии удалось поколебать разумную позицию султанских властей. 4 июля 1710 г. Чорлулу был снят со своего поста. Его преемник Кёпрюлю Нуман-паша фактически продолжал внешнюю и внутреннюю политику своего предшественника, но продержался у власти всего 63 дня. Великим везиром был повторно (занимал этот пост в 1704–1708 гг.) назначен Балтаджи Мехмед-паша, не отличавшийся ни государственными, ни военными талантами, но послушный и свой для ближайшего султанского окружения.

Шведские дипломаты в Стамбуле, и особенно С. Понятовский, распространяли слухи о том, что Османской империи грозит русское нападение. Если же турецкая сторона сама начнет войну с Россией, то ее поддержат с севера шведские войска, а также на ее стороне выступят сторонники Станислава Лещинского в Польше⁵. Подобные обещания, исходившие от представителей разбитого русскими и вынужденного прятаться на османской территории Карла XII, имели отклик в османском обществе лишь потому, что они были активно поддержаны сходными заверениями находившихся в Стамбуле дипломатов Франции, Австрии и

---

¹ . . 114–115.

² . . 152.

³ Cantemir D. Histoire de l'Empire Ottoman. T. 2. Paris, 1743. . 314–315.

⁴ . . . (XVIII). ., 1987. . 45–47, 111.

⁵ . . 10. . 661–662.

Англии. Обещания поддержки и казавшаяся выгодной международная ситуация способствовали тому, что для турецких властей война с Россией и легкая победа в ней стали представляться вполне реальными и даже необходимыми¹.

Значительную поддержку этим настроениям оказывал крымский хан Девлет Гирей, также уверявший Порту, что царь очень хитрый враг, цель которого овладение Стамбулом². Английский посол в Стамбуле Саттон писал даже своему правительству, что турецкая «война с Россией является целиком делом крымского хана». Более того, этот же посол предсказывал, что, судя по настроениям, царящим при султанском дворе, если султан «не воспользуется конъюнктурой сейчас, когда можно остановить царя, то он не удержится долго на троне»³.

Война была объявлена 9 ноября 1710 г. Но любопытно, что фетва шейх уль-ислама, делающая ее законной, была дана в самый последний момент. Еще 5 ноября Саттон писал, что война встречает сильную оппозицию и пока не одобрена фетвой муфтия⁴. Показателен и такой факт: по существующей традиции, вместо везира, уходящего с армией к театру военных действий, назначался каймакам-паша для ведения всех государственных дел. На этот раз каймаком стал дамад Али-паша, один из наиболее авторитетных придворных того времени, пользовавшийся большим влиянием на султана. Однако уже в марте 1711 г. Али-паша по собственной просьбе ушел в отставку, а каймаком был назначен некий Челеби Мехмед-ага, не имевший авторитета ни при дворе, ни в армии⁵. Али-паша предпочел остаться

---

¹ ... 57–92.

² ( ).

. 79.

³ Sutton R. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710 – 1714). Ed by A.N. Kurat. London, 1953. . 28.

. 27.

⁵ Kurat A.N. Prut seferi ve barı .T. 2. Ankara, 1951. . 634.

в тени и в случае неудачи в войне не нести за нее ответственности вместе с великим везиром.

Нежданная победа над Петром I и последовавший за ней мирный договор, возвращающий Османской империи Азов, свидетельствуют, по словам английского историка Л. Кинросса, о том, что турецкая сторона исходила тогда больше из соображений обороны, чем завоеваний. Договорные условия не предусматривали для России никаких территориальных потерь за пределами сферы непосредственных интересов османов¹. Все последовавшие затем возмущения шведов и крымского хана фактически не привнесли в поведение султанских властей никаких изменений, хотя Балтаджи Мехмед-паше и пришлось оправдываться перед султаном и доказывать выгодность для Порты заключенного им мира².

Европейские дипломатические круги в Стамбуле после Прутского инцидента начали усиленно внедрять в сознание османского общества мысль о том, что Османская империя Прутским соглашением с Петром I упустила предоставлявшийся ей историей шанс остановить Россию в ее продвижении на юг к Черному морю. И хотя историки не признают сослагательного наклонения при описании происходящих событий, сожаление об упущенной возможности до сих пор присутствует в историографии, особенно турецкой³, и в определенной степени вошло в турецкий национальный менталитет. Россия с этого времени стала рассматриваться как постоянный враг турецкого государства.

Посмотрим, однако, объективно на создавшуюся ситуацию. П. А. Толстой писал о нежелании пускать русских (как и другие европейские державы) в Черное море и том недовольстве, которое вызывало в Османской империи появление в Азове и Таганроге российского флота, но он же подчеркивал, что «от царского Величества российского по зем-

¹

² Kurat A.N. Prut seferi... . 732–734, 813–814, 815–823.

³ ... : Necati S. Prut (1711). Istanbul, 1931.

ле не боятся, имея надежду, что страна та удалена»¹. (Вспомним и уже цитированное более раннее высказывание П. Б. Возницына в 1678 г. – не так силой, как «отдаленностью» уступили.) Любой имперский рост имеет свои пределы, и это понимают наиболее мудрые государственные деятели. В Европу до потенциального театра военных действий османские войска добирались более 100 дней, и это был предел их военно-стратегических возможностей². Еще труднее было добираться до российских территорий. Следовательно, геополитика работала против каких-либо османских устремлений в эту сторону.

На первый план выступали межгосударственные отношения и дипломатия. Великие европейские державы того времени (Франция, Австрия, Англия) были заняты войной за Испанское наследство (1701–1714). Они не могли тогда помешать России войти в число великих держав, на что она явно делала заявку, побеждая Швецию. Они не действовали прямо, так как ход войны за Испанское наследство заставлял порой то ту, то иную из этих стран прибегать к помощи России или опасаться ее. В этих условиях южный сосед России – Османская империя – рассматривался европейской дипломатией как орудие возможного воздействия на Россию. Создавался единый европейский антирусский дипломатический фронт, где каждая из европейских стран исходила из несколько разных побуждений, но действовала в одном антирусском направлении. Любопытно, что П. П. Шафиров, подканцлер российской империи, т.е. человек, сведущий в европейских дипломатических отношениях, оказавшись в заложниках у турок при заключении Прутского мирного договора (и его последующих возобновлениях в 1712 и 1713 гг.), был удивлен тому антирусскому дипломатическому единству, с которым он столкнулся в Стамбуле. Расстановка сил в межгосударственных отноше-

---

¹ . 1703, . 2. . 257 .

² Coles P. The Ottoman Impact on Europa. L., 1968. . 104–105.

ниях в Европе из Санкт-Петербурга ему представлялась явно иной¹.

В 1710 г. по всей Европе прокатился слух, что между Османской империей и Карлом XII был заключен антироссийский союз. Переговоры на эту тему действительно велись шведскими дипломатами и не встречали каких-либо возражений у османских властей. Однако связывать себя какими-то обязательствами с иными, особенно христианскими, государствами, было не в обычае Османской империи и противоречило тем принципам межгосударственных отношений, которых она придерживалась и которые были освещены исламскими предписаниями на этот счет (об этом см. главу III настоящей работы). Не зная этих правил (или пренебрегая ими), европейская дипломатия, и, конечно прежде всего дипломатические агенты Карла XII и Станислава Лещинского, надеялась на более активную поддержку своих интересов при заключении Прутского договора. Этого, как известно, не произошло, а потому русско-турецкий договор 1711 г. явился, по сути дела, дипломатическим проигрышем Европы. На протесты Карла XII, находившегося в Бендерах, т.е. недалеко от места столкновения русской и турецкой армий, и прибывшего в лагерь великого везира сразу же после получения известия о начале мирных переговоров, Балтаджи Мехмед-паша ему ответил, что «ему до него [Карла] дела нет и мирился он от своего государя»². Итак, османская сторона сама решала свои проблемы, тогда мало считаясь с европейскими советами и претензиями.

Последующие годы, когда Шафирову и Шереметеву приходилось добиваться утверждения мира султаном и дважды его перезаключать, демонстрируют активное вмешательство европейской дипломатии и ее настойчивые попытки вновь обострить отношения Порты с Россией³.

---

¹

² . 1711, . 11. . 68.

³

187.

. . 174.

. . 138–

Французская дипломатия, активно действующая антирусски, шла даже на ущемление интересов французских купцов в Османской империи. Так, в 1712 г. П. П. Шафирову стало известно, что «купцы французские... приходя к послу своему, говорили, чтоб он не в свои дела не вступал и шведам, чтоб он не вспомогал, понеже признают они, что везир и весь народ за то на них [т.е. французов] сердит»¹. Явный конфликт французского посла и французских купцов позволяет предполагать, что в своих действиях посол Дезальер исходил не из непосредственных французских интересов в Турции, а из более широких общеевропейских планов Франции, заинтересованной в продолжении турецкого и шведского противостояния России.

Английский посол также не раз менял свою позицию в зависимости от изменения ситуации в Европе. Так, вначале Саттон выступал как посредник при заключении русско-турецкого мира, изъявлял явно прорусскую позицию. Этим правительство Англии пыталось привлечь Россию на свою сторону и предотвратить ее возможное сближение с противниками Англии в войне за Испанское наследство. Как говорил статс-секретарь Сент-Джон: «Лучше тянуть время... пока мы не будем настолько счастливы, чтобы выпутаться из ведущейся нами войны»². Действительно, как только начались переговоры с Францией о заключении мира, заинтересованность Англии в России резко уменьшилась, и Саттон уклонился от дальнейшего участия в качестве посредника в русско-турецких переговорах, сославшись на плохое самочувствие³.

В общеевропейскую политику пыталась включиться и сама Порта. Так, неожиданно для русских, уполномоченных по заключению мира в 1712–1713 гг., спорными стали вопро-

---

¹ . 1712, . 6. . 425.

²

1711 1719 . // . . 61. ,

1888. . 76.

³ . 1712, . 6. . 886, 900.

сы о Польше и казаках, «на Украине сущих»¹. Требования о защите казаков были предъявлены после прутских событий, и основанием для них послужило то, что будто бы Мазепа, бежавший вместе со шведским королем после Полтавы на османскую территорию, «под протекцию Порты от всего народа пришел»². Россия, будучи заинтересованной в тот критический момент решением прежде всего балтийской проблемы, стремилась к мирному разрешению турецкого конфликта, а потому согласилась на новые территориальные уступки. Договором 1713 г.³ русско-турецкая граница проводится так, что Россия теряет все Запорожье. Любопытно, что, как установил Шафиров в ходе переговоров по этому поводу, османское правительство прекрасно понимало, что украинское правобережье и «покровительство» казакам достанутся не им, а Польше, как о том было записано в Карловицком турецко-польском мирном договоре⁴. Это позволяет утверждать, что Османская империя участвовала тогда в некой дипломатической игре, а не просто выдвигала свои собственные претензии к России. Польша также была объектом дипломатических дебатов. России были предъявлены требования о выводе ее войск из Польши и даже прекращении сообщений с русской армией, воевавшей в Померании, используя польскую территорию. Нелепость этих требований понятна, но они выдвигались вновь и вновь. Причем знаменательно, что после долгих переговоров великий везир запросил у русских послов сведения: «Далеко ли от Прус до Померании, також в которых местах Петербург, Тарунь, Прусы»⁵. Похоже, что османские власти предъявляли претензии, плохо ориентируясь даже в гео-

---

¹ . . . 2. . IX. . 9; . 1712, . 6. . 2–2 ., 14 ., 31, 35–36 . . . .
² . . . 1. . 9. . 579.
³ . . 5. . 2687.
⁴ . . 89, 1712, . 6. . 17 .
⁵ . . . 778 ., . XVIII . // . XVIII – . ., 1979. . 88.

графии тех мест, о которых они вели переговоры. Здесь явно прослеживается влияние шведско-французской дипломатии, стремившейся тогда возвести на польский престол Станислава Лещинского, оторвать Польшу от России и заставить русских вывести свои войска из Померании, т.е. требования далеко выходили за рамки двусторонних русско-турецких отношений. Потому-то в конце концов от них турецкая сторона легко и отказалась. Нам же для нашей темы важно отметить, что османские власти попытались играть тогда в европейские дипломатические игры, но какой-либо выгоды получить не сумели.

Еще при подписании Прутского мира великий везир предлагал Шафирову начать переговоры и о мире с Швецией, т.е. фактически было предложено турецкое посредничество в примирении Швеции и России. Это новое явление в турецкой дипломатической практике. Еще в 1692 г. английский посланник в Турции Педжет, пытаясь выступать посредником для австрийско-османского примирения в войне со Священной лигой, сообщал, что османским властям неизвестно ни то, что подразумевается под *uti possidetis*, ни то, что означает посредничество, ни то, каким образом может быть полезен посредник. Поэтому он приходит к выводу, что они никогда прежде не имели дела ни с какими подобными предложениями¹. В Карловицах же посредники – послы Англии и Голландии лорд Педжет и Я. Кольер – были равноправными участниками мирных переговоров и даже сумели склонить Порту заключить мир не только с Австрией, к чему она была склонна, но и одновременно с другими участниками Священной лиги². Следовательно, эта форма европейских дипломатических отношений османами была принята. Предложение Балтаджи о посредничестве между Швецией и Россией в 1711 г. не устраивало ни одну из заинтересованных сторон, да и сам везир на нем не настаивал. Важно лишь то, что это предложение исходило именно от

1

. . . 431.

2

. . . 437.

турецкой стороны, принявшей эту европейскую дипломатическую практику.

Показательно, что в 1712–1713 гг. большую роль в султанском окружении продолжал играть Дамад Али-паша, во время Прутского похода отказавшийся от поста каймакама, а затем принимавший участие в перемене везиров Балтаджи Мехмеда-паши и его преемника Ибрахима-паши. Сам он, однако, не соглашался стать великим везиром. Шафиров писал по этому поводу: «Тот паша везиром быть отговаривается, но чтобы прежде отправить короля шведского и с ним окончить на генеральном совете... а потом быть везиром»¹. И это тогда, когда, как сообщал Р. Саттон, вся власть фактически была в его руках. Заняв наконец высший пост в государстве, Дамад Али-паша (или, как чаще его называют, Сияхдар Али-паша) пошел на окончательное заключение мира с Россией 24 июля 1713 г., провел ряд финансовых мероприятий, укрепивших экономику страны, устроил проверку сипахийского воинства, чистку духовного сословия, успешно боролся с коррупцией в османском государственном аппарате и, как сообщают западные наблюдатели, «непременно хотел основать всякого рода мануфактуры и противодействовать иностранцам с Запада торговать на Леванте»². При Али-паше началась османо-венецианская война (1714) и была возвращена Морея. Эти успехи, однако, повлекли за собой и начало войны с Австрией, в которой османы потерпели жестокое поражение под Петервардином (1716). В этой битве погиб и перспективный великий везир, сумевший вернуть стране надежду на восстановление былого величия.

Но нельзя не согласиться с отечественным исследователем этого периода османской истории А. В. Витолом, что «наиболее эффективные мероприятия Чорлулу Али-паши и Дамада Али-паши устраняли лишь немногие явные послед-

---

¹ . 1713, . 7. . 160.

² . . . . . (XVIII).
., 1987. . 47–53.

ствия, а не причины тяжелого социально-экономического положения страны... Дамад Али-паша, по-видимому, несколько лучше, чем другие государственные деятели, представлял изменившееся положение Османской империи». Но «отдавая должное его энергии, мы должны констатировать, что прогрессивные моменты в его деятельности ничтожно малы. Ни о каких социальных, экономических или даже военных реформах речи еще не было»¹. Войны с Австрией и Венецией привели к резкому ослаблению страны. После этого (здесь А. В. Витол соглашается с выводом турецкого ученого Унала) «общее положение было снова похоже на то, которое сложилось после второго поражения под Веной»² (1683 г.).

После утверждения на везирском посту Дамада Ибрахима-паши Невшехирли (1718–1730) начинается так называемый «Ляле деври» («Период тюльпанов»), считающийся одним из наиболее ярких периодов в османской истории XVIII в., известный прежде всего строительством загородных дворцов знати, выращиванием тюльпанов, началом книгопечатания, интересом к европейской жизни (прежде всего, к сожалению, лишь внешне-бытовой), осознанием необходимости перемен, но пока еще не реализуемых. Тогда, по свидетельству посла А. А. Вешнякова, «воссияла... роскошь со всяким веселием при дворе». В то же время росла пропасть между знатью, процветающей и выставяющей на показ свое богатство, и основной массой стамбульских жителей, армией, а также появившимися в столице многочисленными беженцами из мест, уступленных империей в войнах со Священной лигой и Австрией (1716–1718)³.

¹ Ünal T. 1700 den 1958-e kadar türk siyasî tarihi. Ankara, 1958. . 25.

² . . . 1730 . (. // , 1963, 4. . 77–89; XVIII . . . , 1991. . 174–189; . . (XVIII .). . 54–99. ³ . . 488.

Восстание городских низов в 1730 г. привело к казни великого везира и ряда его приближенных, отставке шейхуль-ислама и свержению с престола султана Ахмеда III. Новым султаном стал двоюродный брат свергнутого монарха – Махмуд I (1730–1754). События 1730 г. и попытка их рецидива в 1731 г. привели к еще одной ликвидации верхушки имперских управленцев и расправе с простолюдинами, участвовавшими в бунте¹.

В первые дни после прихода к власти новый султан Махмуд I пытался «отделить себя от “эпохи тюльпанов”». Был даже издан султанский приказ придворным сановникам о разрушении их загородных дворцов (Саадабада), построенных по европейским проектам. Это, однако, сделано не было, а позднее дворец Ахмеда III и его украшавшие бассейны с водяными каскадами были отремонтированы и использовались для султанских празднеств².

«Эпоха тюльпанов» не прошла даром и для приобщения Османской империи к европейским международным отношениям. Именно тогда в Европу были отправлены многочисленные посольства. Мустафы-аги в Польшу (1719), Ибрахима-паши в Вену (1719), Йирмесекиз Челеби Мехмеда эфенди во Францию (1720–1721), Нишли Мехмеда-аги (1722–1723) и миралема Мехмеда-аги (1729) в Россию, Мустафы Казбегчи в Швецию (1726), Омера-аги (1725) и Эмирзаде Хаджи Мустафы эфенди в Вену (1730), а несколько позднее Мехмеда Саида эфенди в Россию (1731–1732), Польшу и Швецию (1732–1733). Послами отправлялись чиновники разного ранга, и ездили они с разными целями. Главное же то, что они знакомили османское общество с Европой и событиями, там происходящими³.

Знаменательно, что при отправке посольства во Францию рекомендации о личности и необходимом должност-

---

¹ . . . 500.

² XVIII . . . 182–183; Unat F.R. Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri. Ankara, 1968.

³ . . . (XVIII .). . 69.

ном чине (более высоком, чем ранее предполагала Порта) посылавшегося с посольской миссией чиновника давал османскому правительству французский посол де Боннак¹. Сефарет-наме (посольский дневник) Йермисекиз Челеби Мехмеда эфенди, отличавшегося особой любознательностью, более широкими взглядами на мир и литературными способностями, стало широко известным. Турецкий историк Э. З. Карал писал, что для османского общества оно явилось «первым окном, открывшимся на Запад»². Вместе с тем своих политических целей посольство не добилося. Предложенный союз против Австрии и помощь в борьбе с мальтийскими рыцарями так и не были приняты французской стороной. Да и само посольство не очень этого добивалось. Его цели были прежде всего ознакомительные, а к проведению активной внешней политики Порта тогда не стремилась³.

Важно вместе с тем констатировать, что Османская империя к этому времени уже была в определенной степени знакома с принципами европейских международных отношений или, как тогда говорили в османском обществе, «с отношениями между христианскими странами». Уже дважды она вынуждена была признать территориальные уступки европейским победителям, оформив их соответствующими договорами, как это было принято в европейской дипломатии – при заключении мира в Карловицах (1699) и Пожаревацкого мирного договора с Австрией (1718)⁴.

После 1718 г. в отношении стран Европы османское правительство проводило, как ее охарактеризовал М. С. Мейер, «более осторожную и реальную политику... Ее важнейшей чертой стали усилия по нормализации отношений с основными противниками империи – Австрией и Россией». Бунт 1730 г., убийство Ибрахима Невшехирли, смена султана не

¹ . . . 69.

² Karal E.Z. Osmanlı tarihi. T.IV/II. С. 56.

³ . . . (XVIII .). . 71.

⁴ . . . 413.

привели к смене внешнеполитического курса. «Можно лишь сказать, что идея использования дипломатических средств борьбы обрела более законченное выражение»¹.

С Россией трудное урегулирование территориальных и международно-правовых вопросов завершилось подписанием мира 1713 г. После этого были еще договор 1724 г. о разграничении сфер влияния в Закавказье и Закаспии и «Вечный мир» 1720 г.² Они закрепили послепрутское статус-кво, которое, однако, оказалось нарушенным политикой российской императрицы Анны Иоанновны.

---

¹
²

XVIII . . 188–189.

. ., 1959.

ГЛАВА II

ВОЙНА 1735–1739 гг. И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. довольно хорошо изучена в российской дореволюционной историографии. Военные аспекты блестяще проанализированы полковником Генерального штаба А. Байовым в его двухтомном исследовании «Русская армия в царствовании императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг.», изданном в Санкт-Петербурге в 1906 г.¹ Автором были использованы архивные документы, военно-теоретические труды, воспоминания и т.д. Менее самостоятельны разделы, касающиеся политико-дипломатической стороны описываемых событий. Но в этом отношении А. Байов, как он сам отмечал, смог опереться на предшествующие исследования двух выдающихся историков XIX в., прежде всего С. М. Соловьева². Вслед за Д. Ф. Масловским³, А. Байов критикует этого выдающегося историка за недостаточную компетентность в военных вопросах, но подчеркивает, что «ни один военный историк не может игнорировать “Историю России” Соловьева, так как прежде всего она дает богатый материал для выяснения политической обстановки, как перед каждой войной, так и во время войны»⁴.

1

1736–1739 . . . 1 – 2. . .

1906.

2

. . . . 19, 20. . . , 1993.

3

. . . . 1. . . , 1886.

4

... . XLII.

Второе исследование – это обширный труд А. Кочубинского «Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739 гг.)»¹. А. Байов справедливо причисляет его «к основным источникам» своей работы, особенно «при изложении вопросов о причинах и поводах к войне и о политической обстановке»².

Действительно, работа А. Кочубинского – это классика российской исторической науки. Автор блестяще изучил Архивы Министерства иностранных дел, имеющуюся тогда русскую и европейскую литературу по теме. Работая над теми же архивными документами и знакомясь с историографическим материалом, я так же могу лишь восхищаться тщательностью, умелой обработкой и последовательностью в обосновании своей точки зрения, которую демонстрирует этот автор. Я полностью разделяю мнение одного из дореволюционных рецензентов этой работы – В. А. Бильбасова, отметившего: «Можно не соглашаться с тем или другим мнением г. Кочубинского, можно противоречить той или иной догадке его, но нельзя не признавать его метод и приемы строго научным, нельзя не удивляться его глубокому знакомству с вопросом, его всесторонней начитанности»³.

Фундаментальное исследование А. Кочубинского помогало, но в чем-то и затрудняло нашу работу над данной темой. Материалы Архива Внешней политики Российской империи были тщательно просмотрены и нами, но цитируются они зачастую нарочито по Кочубинскому, чем, как нам думается, мы отдаем должное ему как первооткрывателю, введшему эти материалы в научный оборот. В ряде принципиальных моментов цитаты Кочубинского мы до-

---

1

2 ... , 1899.

3 ... . XLI–XLII.

473. // . . 5. ., 1901. . 451–

полняем (или, скорее, уточняем) указаниями на архивное дело, откуда они взяты (у Кочубинского они не всегда указаны) и вводим некоторые детали, принципиальные для нас, но оставленные без внимания нашим предшественником.

Вместе с тем, при всем уважении к А. Кочубинскому, нельзя забывать, что это исследователь, посвятивший всю свою жизнь прежде всего истории балканского славянства и его связей с Россией. Его представления о внешнеполитических целях Российской империи были связаны с решением славянского вопроса. Без каких-либо сомнений в своем изложении российской истории, он исходил из того, что это направление политики – главное; что продвижение к южным морям и Константинополю – историческая задача России. При таком подходе, как нам представляется, отодвигались на задний план национальные интересы самого русского народа, его возможности и те жертвы, которые он вынужден был приносить, воюя за освобождение славянства, не учитывалась та отвлекающая роль Восточного вопроса, на которой пыталась играть европейская дипломатия, побуждая российское государство на антиосманскую борьбу.

Рассматривая историю зарождения Восточного вопроса в конце XIX в., т.е. «из прекрасного далека», А. Кочубинский, как нам представляется, не учитывал ни тогдашнего (первого 30-летия XVIII в.) состояния российского общества, ни тогдашних целей, а главное, возможностей, российского государства. Потому-то мы и поставили перед собой задачу еще раз вернуться к этой, казалось бы, хорошо изученной теме российской истории. Попытаемся взглянуть на нее с двух сторон, не только российской, но и османотурецкой и, как нам представляется, дать несколько иное толкование некоторых бесспорных фактов и пересмотреть устоявшиеся точки зрения.

Первая из них, постоянно звучащая у А. Кочубинского и повторенная А. Байовым: «...вынужденный покинуть берега

моря на юге, Петр не отказался от него совсем... он ищет нового... направления для похода к заветному морю». Поход в Иран – это некий «азиатский путь» к Босфору¹. Как уже было показано в предыдущей главе, нам эти события представляются несколько в ином свете. Иран, Каспийское море, юг Азии – это самостоятельное направление политики Петра I. Недаром царь пошел на мирное разграничение с османами сфер влияния в этом районе. Если даже Черное море и оставалось неосуществленной мечтой Петра I, то он, видя трудности в ее достижении, явно устранился от реализации каких-то планов в этом отношении.

Далее, А. Кочубинский, а за ним и А. Байов и многие другие историки увлечены личностью А. И. Остермана – «талантливый вице-канцлер», «ученик незабвенного Императора, вполне проникнутый духом его политики»².

Этот руководитель российской внешней политики при первых трех преемниках Петра, излагая свои внешнеполитические представления при учреждении Верховного Тайного Совета (1726), говорил о возможности возвращения персидскому шаху части завоеванного и считал необходимым готовиться «к войне турецкой»³. Является ли это продолжением петровской политики – весьма спорный вопрос. Но именно это направление внешней политики и стало претворяться в жизнь с первых лет царствования Анны Иоанновны (1730–1740). Договорами 1732 г.⁴, касающимися Гиляна, Астрабада и Мазендерана, и 1735 г.⁵ о Баку, Дербенте и других прикаспийских районах вплоть до Терека Россия вернула Ирану все петровские приобретения, получив вза-

¹ ... . 151.

² . . 105; ...
. 1–9.

³ ∴ «
1726 .»,

«
(1726) // . . 1. ., 1841. . 389–391; . 2. .,
1841. . 152–161; . . 55. ., 1881. . 109–117.
. . 7. 5935.

⁵ . 6707.

мен обещание «вечного союза» и продолжения ирано-турецкой войны. Что, однако, не было выполненным. Уже в 1736 г. война Османской империи с Ираном прекратилась, и османы возвратили завоеванные ими территории, принадлежавшие шаху до 1722 г.

Хотя тогда и считалось, что России не выгодно держать в своей власти отдаленные иранские территории, естественно, такая уступка воспринималась в российских придворных кругах как удар по престижу России. С. М. Соловьев писал по этому поводу: «Было очень неприятно начинать царствование уступками приобретений великого дяди, поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки приобретениями со стороны Турции, желалось возвратить то, что было уступлено Петром, изгладить таким образом бесчестие Прутского мира»¹.

* * *

Напомнив о плачевном итоге иранской эпопеи Петра и несбывшихся российских надеждах, а также о турецком проигрыше в этом регионе, вернемся к более ранним событиям.

После российско-османского размежевания 1724 г. иранская проблема продолжала беспокоить и Россию, и Османскую империю. В Иране пала династия Сефевидов. Страна пережила афганское нашествие. Затем афганцы были изгнаны Надир-шахом. Энергичный военный лидер сумел отвоевать у турок Хамадан и Тебриз. Именно эти события стали одной из побуждающих причин к стамбульскому бунту 1730 г., который положил конец правлению Ахмеда III и великого везира Ибрахим-паши Невшехирли. Новый султан Махмуд I, взойдя на трон, получил в наследство войну на своих восточных рубежах, фактически не затухавшую с 1722 г.

---

¹

В России общий настрой на отказ от персидских провинций наталкивался лишь на ту проблему, что с 1726 по 1732 г. в условиях персидской анархии было трудно определить, кому передать эти территории. Усиливать турок в этом регионе российские власти считали опасным¹. Отметим в связи с этим, что Россия тогда отринула для себя путь имперского расширения в южную сторону и еще одну возможность выхода к мировому океану. Было выбрано черноморско-средиземноморское направление, повлекшее за собой, как известно, еще восемь войн, вовлечение во внутриевропейскую политику, совместное с европейской дипломатией решение так называемого Восточного вопроса, которое не всегда отвечало как интересам российской государственности, так и российским национальным интересам.

С 1721 по 1734 г. в Стамбуле работал новый российский постоянный посол Иван Иванович Неплюев. А. Кочубинский почему-то называет его первым резидентом России в Османской империи, забывая о миссии П. А. Толстого (1702–1714). Между тем, изучая дипломатические документы того и другого посла, автор этой книги была поражена разницей в отношении к стране пребывания, которая постоянно проявлялась у этих двух дипломатов: внимание, интерес, любознательность П. А. Толстого и явная антипатия к Османской империи у И. И. Неплюева, писавшего об этой стране как о «здешней адской земле», о «восином гнезде»². Бесспорно, это сказывалось, как мы увидим далее, и на тех рекомендациях, которые посол давал своему правительству. До начала турецкой дипломатической карьеры Неплюев учился на Корфу и в Кадиксе. Он знал итальянский язык и, как считалось, был знаком со спецификой Востока. В Стам-

буле он активно общался (как нам представляется, даже более, чем с султанским двором) с европейскими дипломатами, создал, как вслед за Боневалем подчеркивает А. Кочубинский, свою «без устали работавшую дипломатическую мастерскую»¹.

Будучи свидетелями бунтов 1730 г. и 1731 г., Неплюев и его помощник Вешняков приходят к выводу, что «на горизонте... гибель самой Турции». «Бунты угасают не иным чем, но многочисленным умерщвлением людей». Более того, новый везир «всех ему противных и умных людей... искореняет», а потому его правительство «не в состоянии о внешних делах других государств рассуждать». А отсюда вывод, «максимума», как говорит об этом мнении посла А. Кочубинский: Россия должна начать войну с Османской империей. Россия должна «воевать, стать орудием Божьей кары над Вавилоном на Босфоре», «совершить намерение Петра» при обстоятельствах, которые «не повторятся и через много сотен лет». «В самом деле, где эта недавняя еще опасность от грозной Порты, если у нее одна мысль – выпутаться из дел в Персии», возможно, что с «медиацией России?»².

Этот вывод даже А. Кочубинский, явный единомышленник Неплюева, назвал «торопливым», но он присутствует во всех донесениях послов из Стамбула за 1730–1734 гг.

Что касается «медиации России», т.е. посредничества, то за нее ратовал капудан-паша (очевидно, это был Марабут Сулейман ходжа)³, во второй половине 1731 г. выполнявший обязанности каймакама (заместителя) великого везира, находившегося при театре военных действий. В донесениях из Стамбула послы сообщали, что этот капудан-паша «нас принял весьма ласково, ибо он природный болгарин и язык

---

¹ . . 14.

² . . 38. « - »

³ Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 7. Pest, 1831. . 624.

российский отчасти понимает, человек неглупый, более острый, откровенный солдат... в Персии бывал, следовательно в тех делах не безгласен в Совете»¹.

И несколько позже: Порты ищет «российскую дружбу... нынешние конъюнктуры и настоящее их состояние, внешнее и внутреннее, ни по которому образу иначе мыслить не позволяют». Ведь у Порты «от персидских дел голова чаду полна!»².

Персидско-османская война продолжалась, временами затухая, и даже не раз объявлялось о заключении мира, но затем конфликт снова возобновлялся в той или иной местности и с разными персидскими владетелями. Российско-османские отношения она затрагивала в двух аспектах.

Во-первых, касалась Кабарды, территорию которой крымские войска использовали для следования к персидскому театру военных действий. С 1731 по 1735 г. о Кабарде не раз заходила речь в переговорах русского посла с османскими властями. Претензии России основывались на том, что Кабарда будто бы находится под российским покровительством и издавна посылает в Москву аманатов. Действительно, отношения России с Кабардой были установлены, как уже отмечалось, еще во второй половине XVI в. Москву посещали кабардинские посольства. В свое время дочь кабардинского князя Темрюка Мария была выдана замуж за царя Ивана Грозного. В княжеских семьях у кабардинцев и у некоторых иных северокавказских племен было в обычае, что старшие сыновья оставались при отце, а младшие уходили искать свою судьбу в другие земли, чаще всего в Крым, Стамбул, но бывало, что и в Москву и польско-литовские владения. Поступая там на службу, они даже меняли религию, что не считалось предосудительным. У того же Темрюка старшие сыновья оставались в Кабарде и были мусульманами. Дочь и сопровождавший ее в Москву брат приняли православие. Также крестился племянник князя,

---

¹ . . . . 39.

² . . 45.

приехавший в Москву чуть позже, в 1578 г., с очередным кабардинским посольством. Этот племянник стал родоначальником рода князей Черкасских, оставивших свой след в российской истории. Договорными (шертными) грамотами обменивались с Россией многие кавказские владетели. Такие связи не противоречили традициям приграничных отношений¹. Как уже было сказано, это были особые, принятые в этом регионе и Османской империи вассальные отношения. Россия их принимала и до поры до времени не требовала более четкого разграничения владений. Теперь же и Неплюев, и московское правительство начинают относиться к этой проблеме иначе. Россия выходит из сферы традиционных связей и начинает придерживаться европейских взглядов на государство и его границы. Прежняя «зыбкость» границ ее не устраивает. Османская империя несколько позже попыталась внедрить в отношения с Российской империей так называемую систему барьеров. Это вытекало из ее прежних представлений о границах и приграничье, но, как мы увидим далее, в европейских межгосударственных отношениях такие представления не прижились. Неплюев, как выученик европейской дипломатической школы, ввязался в спор о Кабарде, плохо представляя суть вопроса². Более того, его совет силой воспрепятствовать прохождению татарских войск через Кабарду оказался невыполнимым. Татары разбили русские войска у крепости Святого Креста и прошли в Ширван, чем поколебали российское влияние не только в Кабарде, но и в Дагестане. Донося своему правительству об этих событиях, Неплюев сокрушался: при султанском дворе «баснословят, что русские не только против турков, но и противу татар стоять не могут». Он продолжал уверять, что России необходимо как

---

¹

XVI–XVIII

, 1948;

//
²

. . 272–294.

/19. . 273–275, /20. . 369–370.

можно скорее начать войну против Османской империи, «мстить, пока еще время», не упустить «момент, когда представилась возможность свести последние счета с самою “гибнущею” Турцией»¹.

Посла поражало, что при султанском дворе в это время вместо «повышенного тона» в отношении России он встречал «умеренность и ласкательство». 31 июля 1733 г. он писал: «От везира одна лесть». И настойчиво пытался внушить своему правительству «не верить прилганной хитрости турок»². Он оставался убежденным сторонником войны и всячески советовал воспользоваться временем, пока Османская империя занята персидскими делами.

Но была ведь и другая сторона проблемы – дела в Европе, без которых невозможно понять отношения России и Османской империи к событиям в Персии.

В последние дни своей жизни Петр I лелеял надежду на заключение дружеского союза между Францией и Россией. Более того, на князя Б. И. Куракина, дипломата, находившегося тогда в Париже, было возложено поручение сосватать цесаревну Елизавету за французского короля Людовика XV. Этого сделать не удалось. Король, как известно, женился вскоре на Марии, дочери Станислава Лещинского, претендента на польский престол, явного противника Петра, в свое время бывшего ближайшим сподвижником Карла XII. Но эти события произошли уже после смерти Петра I. Сам же российский император, «говорят, умирал с хартией французского “альянса” в руках»³. Его наследники и тут пошли иным путем. 6 августа 1726 г. был подписан договор России с «австрийским цесарским и королевским католическим величеством»⁴. В европейской расстановке сил

1

... . 57.

2

. . 56–57.

3

. . 6.

4

.: J. du Mont. Corps universel diplomatique du droit des gens. T. VIII, part II. La Haye, 1731; .

. . 1.

, 1876. . 32–44; . . 7. 4946.

Россия оказалась в антифранцузском лагере. Предложенная Остерманом антитурецкая направленность сыграла в этом не последнюю роль.

Габсбургская Австрия была давним противником османов. В их последнем военном конфликте (1716–1718) она одержала несколько ярких побед. Это и битва под Петервардином, где погиб до того удачливый османский полководец Дамад Али-паша, и дерзкий штурм и взятие Белграда Евгением Савойским. По Пожаревацкому мирному договору Австрия получила тогда Белград и Смедерево, ряд территорий в Валахии и Боснии. К. Финкель, оценивая этот договор, пишет, что после таких потерь Османская империя превратилась в «обороняющуюся сторону», которая в дальнейшем «вряд ли могла замышлять по собственной инициативе дальнейшую агрессию в Европе»¹. Австрия как союзник в намечавшейся антиосманской войне, конечно, была для России очень желательна.

Иное дело Франция. Неодолимым препятствием для союза с ней стала именно остермановская политика, направленная на войну с Турцией. Как сообщал Куракин, французский государственный секретарь Морвиль говорил ему: «...Франции полезна дружба султана, с какой бы европейской державою Франция ни находилась в союзе, союз ее с Турцией должен быть не нарушим; надобно вспомнить, какие выгоды получили мы в прошлые годы от Турции против Австрийского дома; кроме того, треть королевства Французского получает свое благосостояние от торговли производящейся во владениях султана; король не может согласиться ни на какие условия, которые могли бы дать хотя малейшее подозрение Порте»².

Необходимо, правда, иметь в виду, что, говоря о союзе, и Морвиль, и руководитель тогдашней внешней политики кардинал Флери имели в виду суть отношений, а не формально заключенный союз. В этом было отказано уже упо-

---

¹ . . . . ., 2009. . 405.

² . . . . . /19. . 25.

минавшемся посольству Йермисекиза Челеби Мехмеда эфенди во время переговоров 1720–1721 гг. в Париже. Союз со страной ислама воспринимался бы в Европе как некое отступление от христианских ценностей.

Расстановка сил в Европе тогда оказалась такова, что союзом с Австрией Россия стала противницей не только Франции, но и всего Ганноверского союза (Франции, Англии, Пруссии). При решении назревавших проблем – польского наследства (ожидавшаяся кончина Августа II и соперничество претендентов на польский престол – саксонского курфюрста Августа III и Станислава Лещинского) и австрийского наследства (принятие Прагматической санкции, т.е. признание за дочерью австрийского цесаря Марией Терезией права на наследование престола), Австрия и Россия были едины. В прочих же европейских проблемах Австрия поставила себя в такое положение, что «осталась одна с Россией»¹. России же были интересны лишь два вопроса – турецкий и польский. Оба они были связаны между собой, так как османские власти Прутским договором, где содержалось положение, что царь от Польши «руку отнимает»², считали себя обязанными не допускать усиления российского влияния в этой пограничной для них стране.

Европейские конфликты того времени С. М. Соловьев объясняет следующим образом: «После борьбы религиозной, окончившейся в XVII веке Тридцатилетнею войною, в Европе начали господствовать чисто светские интересы. Усилить себя, расширить свои владения и не дать другому усилиться – вот основание политики европейских держав от Вестфальского мира до конца XVIII века. В это время важное значение имели вопросы о наследстве, возбуждаемые прекращением династий, когда вследствие кровных связей государства могло соединиться под одной властью или под одною, по крайней мере, династией и таким обра-

---

¹ . . . 171.

² . . .
. XI. . 1. . 332–324.

зом нарушать политическое равновесие. Неудивительно, что в это время мы видим три войны за наследство»¹. В это время Россия и Османская империя пытаются войти равноправными членами в семью европейских народов, чтобы дипломатией, а то и коалиционными войнами участвовать в решении общих европейских проблем, а попутно охранять и свои государственные интересы.

Россию в европейский дом вел в это время Остерман, считавший наиболее выгодным и приемлемым для нее путь через союз с Австрией. Напомним, однако, что были в российском обществе и другие настроения, не связанные с присоединением к той или иной коалиции. Вокруг П. И. Ягужинского складывалась так называемая русская партия, считавшая, что России выгоднее «во что бы то ни стало сохранить мир, необходимый при скудости финансовых средств страны, и не для того спешили покончить персидские дела с уступкой Петровых приобретений, чтобы вмешаться в совершенно чуждые для России дела западные»². Договор с Австрией 1726 г., однако, этого требовал, и русский 30-тысячный вспомогательный корпус был отправлен на западные границы Габсбургской империи для участия в ее конфликте с Францией и Испанией³. Для изучаемой нами проблемы договор интересен тем, что имел «секретнейший артикул» о совместных действиях двух стран в случае начала у одной из них войны с Турцией.

При Петре I Россия своей победой над Карлом XII и утверждением на востоке Балтики уже обозначила себе достойное место в европейском сообществе и тем включилась

---

¹ . . . /19. . 278.

² . . 276. . . 81. ., 1892. . 10–11;

. . //

, 1860. . IV.

³ . V. . . /19. . 276–278.

в большую европейскую политику¹. Стокгольмским трактатом 1724 г. Россия вступала в союзнические отношения со Швецией. «Секретным артиклем» этого трактата обе страны обязывались совместно действовать в отношении Польши. Знаменательно, что речь тогда шла лишь о сохранении российского влияния в этой стране, а не о каких-либо территориальных притязаниях. Россия вместе со Швецией выступали гарантами сохранения польского государственного устройства, шляхетской республики². В период последней болезни Петра русские дипломаты в Вене пытались привлечь к Стокгольмскому русско-шведскому союзу и Австрию³. Речь, следовательно, тогда шла о широком сотрудничестве с европейскими странами и, возможно, о поисках для России некой надблоковой позиции. В первые месяцы правления Екатерины I ее правительство также пыталось одновременно вести переговоры о союзе и с Францией, и с Австрией, но очень скоро остермановские проавстрийские настроения взяли верх. Уже 14 октября 1726 г. французскому послу в Москве Ж. Компрадону были даны указания от его правительства прекратить переговоры о франко-российском союзе⁴. Тогда же французский посол в Стамбуле получил распоряжение не содействовать претворению в жизнь турецко-персидского разграничения 1724 г.⁵, подписанного при французском посредничестве.

Договор с Австрией сделал Россию противником Франции и ее союзников. К тому же австрийская дипломатия не желала связывать свой союз с Россией какими-то обязательствами в отношении Швеции, что подтолкнуло послед-

---

¹ . . . (1647–1917). . . , 1958; . . . . . , 1832. . . 102.

² . . . 1725–1739. . . , 1976. . . 19.

³ . . . 85; . . . , 1832. . . 102.

⁴ . . . 64. . . , 1888. . . 169.

⁵ . . . 267.

нюю к активности в направлении ее ранее начавшегося сближения с Ганноверским блоком¹. Так Россия, попав в самую гущу европейских дипломатических интриг, утратила имевшуюся у нее ранее свободу маневров и буквально обрекла себя на желаемую Остерманом войну с Турцией.

Вместе с А. И. Остерманом эту войну готовили И. И. Неплюев и А. А. Вешняков, вначале помощник, а затем и преемник Неплюева на посту российского посла при султанском дворе (1734–1735, 1739–1745). Именно эти дипломаты создали у российского правительства представление об Османской империи как об умирающем, разваливающемся государстве, война с которым должна принести России легкую победу, значительные территориальные приращения и авторитет в европейской межгосударственной среде.

Послы составили для себя очень неприглядную картину того, что происходило в Османской империи, которую они рассматривали только как объект предстоящего завоевания, мало интересуясь и вдумываясь в ее устройство и происходящие в ней в это время перемены, хотя порой в донесениях и проглядывают некоторые замечания и детали, позволяющие увидеть и более объективную картину, к сожалению не привлекающую внимания самих послов.

Главные их наблюдения: у турок уже «нет того прежнего марциального духа, которым воодушевлены бывали, ни тех максим, которые им служили за начала содержания их правления, по которым учинились столь сильны. Но живут, яко твари, вне элемента своего и единым только дезордером» [фр. *desordre* – непорядок], «ни солдатства, ни воевождев достойных не имеют, а которые были или есть, погублены прежним и нынешним правлением, а достойные ныне из света изженуты»; «...во время бывшего везира [т.е. Ибрахима-паши Невшехирли], который им показал путь к чувственному веселию жития, ... вкусили покойного и слабого

---

¹

... 85;
... 57.

жития и через то потеряли охоту воевать, как то видим, что никто на войну иттить не хочет, больше же не хотят оставить своих великих домов и всяких веселий, устроенных может быть к их погибели. Через многие лета почти всякий воспринял состояние, имел свое рукоделие, и живет в покое, не хочет искать всех тех бед и нужд, которые суть плоды военные». И далее выводы: турки «внутренне зело слабы», казна «в крайнем истощении», «правление ежедневно народного волнения опасается», «курды волнуются, между арабами смятение, а недавно и в Бошне [Боснии] был бунт между народом», «... по тому неизреченному их малодушию и полтронству [фр. poltron – трус], при первом случае все сами себя изрубят без великой к тому внешней помощи». И еще: в ответ на «слух о войсках в. имп. в-ва, что при их границах... громогласно кричат, что конец их беззакония приходит и... доказывают, что в. имп. в-во имеет их искоренить». Потому-то посол призывает: «Да сподобит Всевышний свою божественную благодать излить над в. имп. в-во и сие в действо произвести высокоумнейшим в. имп. в-во правления в бессмертную славу и честь вашего имени». Все подобные оценки сопровождаются многими уничижительными эпитетами (типа: «беззаконное их общество», «ехидное порождение» и т.п.)¹, что еще раз заставляет поразиться тому контрасту, который выявляется при сравнении этих описаний и призывов с тем серьезным анализом положения и политики Османской империи, который содержался в донесениях П. А. Толстого Петру I. Тогда посол стремился к «лучшему и состоятельнейшему... мира охранению», теперь же целью была именно война. Османская империя рассматривалась лишь как противник, ее внутренние проблемы и самобытное устройство послов не интересовали.

---

¹ . . . 89. . . . 1, 1731, . 6–8, 1732, . 7–9, 1733, . 5–7, 1734, . 5–6. 1735 1736, . 5–7, 1737, . 2.

Даже утверждение, что османы «совершенно потеряли охоту к войне»¹, подавалось А. А. Вешняковым не как определяющее новый внешнеполитический курс, которого Османская империя хотела бы придерживаться, а лишь как слабость, которой следует воспользоваться.

Неплюев и Вешняков уже в 1732–1733 гг. активно побуждали российское правительство к началу войны. А. Кочубинский так пишет о позиции посла после столкновения русских и татарских войск в Кабарде: «Война и война, вот задача минуты, твердил Неплюев, не будучи в состоянии примириться с мыслью о безнаказанности оскорбления достоинства России со стороны каких-то татар и это в момент, когда, как ему казалось, представлялась возможность свести последние счета с самой “гибнущей” Турцией!»².

Поведение посла, его неумеренные протесты и угрозы побудили великого везира Хаким-оглу Али-пашу поинтересоваться у Тальмана, посла дружеской России Австрии, «собой ли Неплюев, человек умный, войны меж их империй желает, или русское министерство того ищет». Даже Остерман вынужден был притушить рвение своего посла: «На Порту не налегать», в российских интересах, «чтобы Порты надолго была обязана персидской войной»³.

В Европе в 1733–1735 гг. разразился конфликт вокруг Польского наследства. Против Августа III, кандидатура которого была поддержана Россией и Австрией (последней с некоторыми колебаниями), за польский трон боролся Станислав Лещинский, ставленник Франции. В поддержку своего кандидата Россия ввела в Польшу войска. Дело дошло до военного столкновения, но проблема в конце концов решилась в интересах России⁴.

---

¹ . . 89/1, 1737, . 2. . 18.

² . . . . 57.

³ . . 60, 54.

⁴ . . . . 1733 . . . , 1862;

Проигравшая Франция с особым усердием продолжила антирусские происки в Османской империи, надеясь все-таки составить блок – Турция, Польша, Швеция – который бы отгородил Россию от Европы, превратил ее в «знакомую, безобидную Московию».

При султанском дворе с 1728 г. работал французский посол маркиз де Вильнёв, сыгравший значительную роль в развязывании и ходе войны 1735–1739 гг. Французская дипломатия на Босфоре издавна имела сильные позиции. Еще в петровское время послы Ферриоль и Дезальер явно стремились поднять Порту на войну с Россией и поддерживали Карла XII¹. Эта позиция в свое время удивила П. П. Шафирову, оставленного Петром I в заложниках для подписания мира с Турцией в 1712 и 1713 гг. Занимая в Москве пост вице-канцлера и зная европейскую расстановку сил, Шафиров с удивлением писал царю, что в Европе его королевское величество французский с царским величеством имеет дружбу, здесь [в Стамбуле] вражда². О французском после Дезальере он постоянно писал: «Злодей он вашему величеству», «за шведа по разрыву сего мира пуще самих шведских служителей старается»³.

Тогда ситуация с французской политикой была такова: надеясь на возможную русскую помощь в войне за испанское наследство, французское правительство послало в Россию в 1710–1711 гг. посла Балюза, с которым в России и имел дело Шафиров⁴. Но, заигрывая с Россией, Франция не сбрасывала со счета и Турцию и Швецию. Позднее начало пере-

¹ XVIII . . . , 1971. . 82–90; 173–176.

² . . . 89, . . . 1, 1712, . . . 6. . 260.

³ . . . 141 . . . 169. . . . :

⁴ . . . 1681 . . . 1718 . . . // . . . 34. . . . , 1881.

1681 . . . 1718 . . . // . . . 34, . . . , 1881.

говоров с Англией, появившаяся надежда на сепаратное перемирие с этим главным противником по войне за Испанское наследство сделали для Франции не столь нужной помощь России, возможность получения которой, кстати, была весьма проблематичной. Стало возрастать значение Османской империи, традиционного союзника Франции в борьбе с Австрией. Россия же, укрепляясь на Балтике, начинает внушать опасения. Франко-русское соперничество уже тогда отражается на решении проблемы Польши, где Петр I поддерживал избранного польским королем саксонского курфюрста Августа II (отца Августа III, претендента на польский престол в 30-е гг.), а Франция связывала свои интересы с тем же Станиславом Лещинским, который продолжал борьбу за польский трон и в 1732–1735 гг. В 1711–1713 гг. свои интересы Франция, Польша, Швеция надеялись удовлетворить с помощью Османской империи, победившей тогда Россию. В бумагах П. П. Шафирова сохранился «экстракт трактата, заключенного между Францией и Швецией в Бендерах 1 сентября 1712 г.»¹. Мы не располагаем какими-либо другими сведениями об этом соглашении, возможно, оно осталось лишь проектом, но объекты дипломатического торга того времени этот документ показывает весьма четко. Франко-шведская дипломатия рассчитывала на продолжение русско-турецкой войны (на стимулирование турок к этому выделялись «довольные суммы»), которая должна была помочь удовлетворить интересы короля шведского (бежавшего, как известно, после Полтавы на османскую территорию и находившегося в крепости Бендеры), поддержать Станислава Лещинского, который, став королем Польши, отдаст на вечные времена Османской империи отторгнутые у нее по Карловицкому миру «город и крепость Каменецкую и всю сию сторону Подолии, которая есть от страны полудня», а османы должны будут «принудить царя московского отдать Речи Посполитой Польской

¹ ... , 1713, . 7, . 214 – 215; . : . .
- ... . 174–175.

княжество и провинцию, город и крепость Киевскую со всеми принадлежностями и все места, которые есть на правой стороне Днепра». И еще: «Порта Османская принудит обязаться царя московского, чтоб впредь не мешался никоим образом в дела польские и казацкие украинские». Итак, тогдашний российско-шведско-османский конфликт Франция надеялась решить так, как ей представлялось для себя наиболее выгодно, добиться новой расстановки сил турецкими руками и прежде всего за счет России. Турок предполагалось склонить к этому варианту развития событий обещанием Подолии, которую она должна была компенсировать Польше Украиной. Если принять во внимание это соглашение, то становится понятным неожиданное, вызвавшее недоумение у русских переговорщиков требование османской стороны об «отнятии руки» от Украины, что означало включение Османской империи в ту дипломатическую игру, которую разыгрывали Франция, шведский король и Станислав Лещинский. До новой русско-турецкой войны ни в 1712 г., ни в 1713 г. дело так и не дошло. Но при заключении Адрианопольского мира пункт об «отнятии руки» России от Украины и Польши был сохранен, что вовлекало Османскую империю и в 30-е годы в конфликт по поводу Польского наследства. Правда, вспоминая об этом обязательстве, говорилось обычно не о повторении этого пункта в последующих договорах, а о первоначальном Прутском договоре, связанном с турецкой победой и потому наиболее почетно звучащем для турецкой стороны.

Во время борьбы за Польское наследство (1732–1735) Неплюев не раз сообщал своему правительству, что «французский посол... склоняет Порту, дабы она... вступила в польские дела в фавор Лещинскому»¹. В связи с введением тогда русских войск в Польшу французские дипломаты напоминали Порте, что этим «трактат [имеется в виду Прутский] нарушен, вольности попораны...»². Сами поляки (укрывав-

---

¹ . . . . 33.

² . . 77.

шиеся тогда в Стамбуле сторонники Лещинского) жаловались: удивляемся, «что Порты молчит... не домогается как о нашей обиде, что нас безвинно отягощают, так и о нарушении... трактата, под Прутом... под гарантией Порты учиненного»¹.

Как уже отмечалось, польско-российско-османская конфронтация начиная со второй половины XVII в. развивалась именно в этой тройной увязке, на что указывал еще Ордин-Нащокин, считавший, что конфликтность в русско-османских отношениях во многом исходила не от османов, а провоцировалась польскими интригами². В 1712–1713 гг. и с 1732 до 1735 г. французы пытались разыгрывать ту же карту.

Османская империя, однако, не поддавалась на эту провокацию. Как объяснял Неплюев, после введения российских войск в Польшу «французский посол коварные старания употреблял, дабы Порты с Вашим величеством в войну вступила или хотя б движение с протестациями показала. Во весь народ толковали пользу турок и честь, чтоб в Польше свою креатуру королем иметь, а курфюрста не допускать». «В турецком уме стояло на весах: с одной стороны, правда и трактаты, а с другой, их честь и интерес. В таких делах более обычайно интересы важат. Везирь, видя себя обязанным бесконечной и тягостною войной с Персией, рассудил за полезное в польские дела не вмешиваться»³. Напомним, кстати, что менее чем через полвека две победоносные для России и трагичные для Османской империи русско-турецкие войны екатерининских времен были начаты османами как раз из-за их вмешательства в российско-польские дела.

В начале изучаемого нами времени французский посол де Боннак, находившийся в Османской империи с 1716 по

---

¹ . . . 70.

²

XVII . //

. IX. ., 1961. . 191–220.

³

... . 64–65.

1724 г., поддерживал дружеские отношения с российским послом и российским командованием в Персии, был посредником при заключении российско-турецкого договора в 1724 г. Именно при нем было отправлено во Францию посольство Йермисекиз Челеби Мехмеда эфенди, а сам он доносил королю, что и к его посольству, и французским торговцам, которые ведут торговлю в Леванте, выказывается от турецких властей особое уважение, и «торговцы в Леванте имеют самые лучшие условия, чем где бы то ни было»¹. Следовательно, дружеские отношения с Россией никак не вредили османо-французским отношениям.

После того как началось сближение России с Австрией и был заключен союзный договор 1726 г., русско-французские отношения резко обострились. Неплюев пишет по этому поводу: «Французы не только отступились, но и в неприятеля обратились»². Прибывший в Стамбул в 1728 г. посол Франции маркиз де Вильнёв имел от своего правительства задание разжигать неприязнь и склонять Порту к войне с Россией³. Главным методом воздействия на османские правящие круги Вильнёв избрал запугивание российской угрозой: «Если Порты не объявит войну России, то цесарь, Россия и креатура их, Август, выгонят турок из всех европейских провинций». Как и Неплюев, Вильнёв считал момент благоприятным для начала османо-российско-австрийской войны, которая отвлекла бы эти страны от европейских дел и позволила Франции установить в Европе нужный ей порядок. Любопытно его замечание: «Никогда обстоятельства не были так благоприятны для того, чтобы заставить исламизм послужить нашим на-

---

¹ Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople par le Marquis de Bonnac, publié avec un précis de ses negociations à la Porte Ottomane par Ch. Scheifer. P., 1894. . 144, 160.

² . . . С. 16.

³ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Vol. 29. Turquie, 1969. . 277–323.

мерениям и направить на обоих наших противников этот выходящий из берегов поток»¹.

Агитация Вильнёва, его стремление втянуть Турцию в войну, как это не парадоксально, перекликались с позицией русских дипломатов. А. Кочубинский так характеризовал ситуацию: «Французский посол требует от Турции войны с Россией, русский – требует от России войны с Турцией. Франция пугает снова нашествием русских, а русский посол пишет – идти, воевать, не пропускать удобных обстоятельств в поправление столь предосудительного трактата и намерение вечно достохвальной памяти Петра Великого совершить»².

Деятельность французского посла А. Кочубинский и французские исследователи А. Вандаль и Я.-А. Лежье очень подробно описали в своих книгах. Для нас сейчас важно лишь общее представление об обстановке в дипломатическом корпусе Стамбула и реакция на антироссийскую агитацию французов в султанском окружении и османском обществе.

Напомним, что после появления общей границы России и Османской империи (по договору 1681 г.) между двумя странами установились стабильные отношения. Они были нарушены лишь завоеванием Азова Петром I, появлением на Азовском море российского флота, требованием России на Карловицких (1699) и Стамбульских (Константинопольских, 1700) переговорах права на плавание русских кораблей по Черному морю. Явное нежелание Османской империи лишаться монопольного владения Черным морем и сознание того, что с моря, с севера, может быть нанесен удар по ее столице Стамбулу, породили у турок новое отношение к России, хотя им тогда не очень верилось в силу этого поднимающегося государства. На этой базе и зиждилась анти-

---

¹ Vandal A. Une Ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du marquis de Villeneuve 1728 – 1741. P., 1887. . 159;

... . 7–10.

2 ... . 13.

российская агитация Вильнёва. Он сам писал в своих донесениях в Париж: «Туркам внушается уже при рождении, что они должны ненавидеть австрийцев и москвитян, и это то, к чему сводятся все их сведения»¹.

Реляции русских дипломатов Неплюева и Вешнякова весьма подробно описывают, что такие настроения действительно бытовали в султанском окружении того времени. Объясняют их послы исключительно французским влиянием. Порты в их глазах была лишь объектом европейских дипломатических интриг. Хотя некоторые замечания о собственных действиях и интересах ее в сообщениях послов и проскальзывают (что мы и покажем дальше), но им не придается значения. А между тем у страны были свои цели и задачи, и она была не столь беспомощна в построении отношений с европейскими странами, как представлялось ратующим за войну российским послам. Даже Вильнёв, плетя свои дипломатические интриги, явно рассчитывал на силу Османской империи и ее способность сказать свое слово в решении европейских межгосударственных вопросов.

Бунты 1730–1731 гг., или, как их назвал Неплюев, «общая революция янычар и улицы»², показали непопулярность персидской войны. «Народ во время своего замешания вопил, чтоб, оставя персидские дела, войну начать против России или цесаря». Поскольку именно это было целью Вильнёва, русский посол писал, что «вопли» улицы спровоцированы призывами французского посла³. Однако следует обратить внимание и на то, что война с Персией действительно не сулила Порте каких-либо выгодных приобретений, войска шли туда неохотно, и не было желающих селиться, получив в завоеванных районах султанские пожалования. Получалось нечто похожее на то, что происходило с разрушенной предыдущими внутренними смутами Украиной после приобретения османами Подолии. Для завоева-

---

¹ Vandal A. Une Ambassade française... . 159.

² . . . . 31.

³ . . . 31–32.

ний более привлекательным был «гяурский рай», как его характеризовал сияхдар Фындыклылы, то есть обихожённые австрийские земли.

Агитации Вильнёва в стамбульском дипломатическом корпусе придавалось намного большее значение, чем изучению собственных османских настроений. А ведь уже в мае 1732 г. о новом великом везире Хекимоглу Али-паше Неплюев сообщал: «Един он все правит, и наружно, в политических делах, посторонних внушений не слушает никаких; все внушители кредиту у него ни малого не имеют»¹. Однако персидская война продолжалась. Потому-то «турки от покою весьма отделены на долге время и по той тягости на себе не могут ни о чем другом мыслить»². Это действительно было тем фоном, который определял все иные нюансы османской политики.

Вместе с тем османское правительство, не ограничиваясь контактами с находившимися в Стамбуле европейскими послами, пыталось само разобраться в тогдашней международной обстановке. В 1730 г. в Вену с извещением о восшествии на престол нового султана было отправлено торжественное посольство Эмирзаде Хаджи Мустафы эфенди, составившее подробный отчет не только о своей миссии, но и о международных отношениях в Европе, начиная с войны за Испанское наследство³. В 1731–1732 гг. в Россию посылался Мехмед Саид эфенди, сын Йермисекиз Мехмеда эфенди, ездивший в свое время с отцом во Францию, знавший французский язык и в России весьма тесно контактировавший с европейским дипломатическим корпусом. Миссия Саид эфенди⁴ была явно разведывательной. Ему поручалось

---

¹ . С. 60.

² . . 63.

³ Unat F.R. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968. . 69–70; XVIII . . 183.

⁴

узнать о состоянии армии, системе управления страной, охране границ, о казаках-запорожцах. Тогда Порту интересовал прежде всего персидский вопрос и российская позиция в отношении Персии¹. Даже запорожцы интересовали Порту именно в этом плане, так как как раз в это время стало известно, что в Закавказье для поисков союзников в антирусской (а возможно, и в антитурецкой) борьбе был отправлен сын Ф. Орлика, ставшего тогда лидером мазепинцев, ушедших после Полтавы на османскую территорию². Интересно, что, сопровождавшему турецкого посла в России капитану-поручику Ф. Ушакову на его вопрос, что предпринял бы Саид эфенди, если бы стал великим везиром, тот ответил: «...чужестранных министров бы из Царьграда всех выслал, понеже наши иные министры того в месяц не сведают, а они в один день знают и уведомляют в свое государство»³. Очевидно, в султанском окружении чувствовали и пытались противостоять вмешательству иностранной дипломатии в их дела. Не верили в Порте и крымскому хану. Неплюеву в связи с сообщением хана о скоплении вооруженных сил на юге России было отвечено везиром: «У хана нашего много ветру в голове». Российский посол вынужден был констатировать, что Порта «не хочет и не может персидские позиции покинуть», а потому стремится «быть безопасной с европейской стороны», несмотря даже на «подозрительный» проход русских войск через Польшу. А. Кочубинский, ставивший на первый план в определении политики султанского правительства антирусские интриги Вильнёва, констатировал, что после потрясений 1730–1731 гг. французский посол так и не получил «желанных плодов: все по-старому – все Персия и мир, не Австрия, не Россия,

---

186).

¹ Unat F.R. Osmanlı sefirleri... 184;

² ... 34.

³ ... 42–45; 72–73.

³ ... 152.

не война»¹. Это сообщение отражает суть настроений при султанском дворе, но истоки их видятся послами лишь в европейских интригах. Какие-либо собственные представления османского правительства в этих описаниях османской жизни в расчет не принимаются.

Наблюдать за состоянием дел в Европе Порты между тем не переставала и позднее. Вскоре после возвращения из России Саид эфенди был отправлен с посольской миссией в Швецию. Причем послан он был через Польшу, где как раз решался вопрос о Польском наследстве. Вешняков писал тогда, что Саид поехал, чтобы разведать «генерально о состоянии всех христианских государств»².

В июне 1733 г. обострились уже упоминавшиеся нами ранее проблемы с Кабардой. Был турецкий запрос к России о Польше: в силе ли Прутский трактат и не нарушает ли его Россия? Русскому послу грозили высылкой. Сам он, по-прежнему желая войны, считал, что «к покою надежды не остается», и запрашивал свое правительство: «Зачем же нам медлить?» И далее: «Чего же не воспользоваться нам минутой? Тогда все пойдет иначе и в самой Турции, несмотря на всяческую поддержку Франции, будет беда». Только, подчеркивал посол, нужна «атака, а не оборона»³.

Интересны два письма из французской дипломатической переписки, которые Неплюеву удалось получить от одного из служащих французского посольства⁴. Отправленные Остерману, они по приказу последнего не были даже дешифрованы и держались в величайшем секрете. Первое из них содержало планы раздела России – земли, отвоеванные Петром, вернуть Швеции, Смоленск и Киев – полякам, изгнать русских с берегов Каспийского моря. Эти планы связывались с тем, что в России возможна внутренняя распря между «русскими и чужестранными, имеющими

---

1 . . . . 35.

2 . . 45.

3 . . 58, 62, 66.

4 . . 68.

участие в правлении». Второе письмо сообщало, что турецкая сторона требовала от Франции «письменного союзного трактата, которым бы Франция обязалась без них мира не заключать». По предположению А. Кочубинского, автором этих документов был француз Александр Клод де Боневаль¹, валь¹, талантливый военный специалист, служивший во французской армии, затем перешедший на австрийскую сторону, где воевал против турок. Он считался одним из главных руководителей победного для австрийской армии сражения под Петервардином. Позднее из-за очередного конфликта он покидает и австрийскую службу. Какое-то время живет в Венеции. Там лелеет надежду отомстить Австрии, вынашивая план расчленения этой страны силами заключивших между собой договор Франции и Османской империи. Из Венгрии, Трансильвании, Валахии Боневаль предлагал создать новое государство, подчиняющееся османскому султану. В 1729 г. он перебирается на территорию Османской империи, где устанавливает тесные связи с послом Вильнёвом. Вместе с ним начинает строить планы раздела и Российской империи. Все эти международные проекты были некими «мысленными экспериментами», относящимися к области фантазии², но в посольских кругах они явно обсуждались и даже вызывали опасения как в Австрии, так и в России. В Османской империи Боневаль, принявший ислам и известный как Ахмед-паша Хумбараджи-баши, оставил о себе память как специалист, который создал в турецкой армии «бомбардирный корпус», первое регулярное подразделение, отвечавшее современному для того времени техническому уровню, и военно-инженерную

---

¹ . . . . . » // . . . . . 1888. . 33. . 644. . . . . , ...

² . . . . . XVIII . . . . . // . . . . . . 18–20 . . 2011. . 1. . . . . 2011. . 144–151.

школу (хендисхане)¹. Его военно-тактические разработки оказались полезными и в последовавшей вскоре войне с Австрией и Россией.

Что касается межгосударственных переделов, то эти авантюристические намерения явно не входили во внешне-политические планы тогдашних великих держав. Франция еще раз отказалась связывать себя договором с Османской империей, ссылаясь на то, что союзный трактат с мусульманами, иноверцами, многие европейские дворы оттолкнет от нее самой. По предположению А. Кочубинского, требование об официальном оформлении франко-османского договора везир осознанно выдвинул как невыполнимое, прекрасно понимая ситуацию во Франции (уясненную Портой еще после посольств 1720–1721 гг.) и не имея подобных прецедентов в собственных внешнеполитических контактах с европейскими странами. Он был «в душе против войны, в виду дел Персии»². Во французских предложениях, высказываемых Порте Вильнёвым, было рациональное зерно – заключить с Персией мир «хотя бы с отдачей всего» и переключить свое внимание на Европу. «Вместо тамошних пустых мест Порты может получить от слабого цесаря знатные авантажи в Сербии и Венгрии». Россия же, как внушал французский посол, не страшна. Против нее достаточно татар и недовольных Россией запорожцев³.

Первое из этих предложений, любой ценой заключить мир с Персией, Порты претворила в жизнь. Этот факт, однако, нельзя рассматривать, как это делали русские дипломаты, а за ними и А. Кочубинский, как следование французским внушениям. Мир с Персией был нужен самой Османской империи. Что же касается европейских дел, то разразившуюся вскоре австро-российско-турецкую войну развязала не Турция.

---

¹ . . . . . 179–180.

² . . . . . 70.

³ . . 72.

Это было детище остермановской политики и его понимания роли России как некоей составляющей общеевропейских межгосударственных отношений. Именно так был заложен Восточный вопрос, в последующие полтора века приковавший Россию к этому направлению ее территориального расширения. Он выгодно для Европы отвлекал Российскую империю от активности в делах европейской политики и, казалось бы, сулил самой России большие выгоды – выход в Средиземноморье, византийское наследство, миссию освободителя христианских народов. Но нельзя забывать, что возможен и другой взгляд на проблему.

Благодатное Черноморье и Средиземноморье толкнуло бы Россию на «новую азиатскую дорогу»¹. «Центр тяжести переместился бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией»². «В Царьграде, который по своему положению среди двух знаменитых морей, по всем окружающим его очарованиям природы, искусства и воспоминаний исторических – имеет полное право быть столицей великой империи, православные русские цари исчезли бы для России за стенами султанского Серая, вновь обращенного во дворец византийских властителей»³.

Приняв с милостивого поощрения Европы роль передового борца с Османской империей, Россия многое потеряла в своем национальном развитии, положив большие жертвы, средства и возможности государственного самобытного развития на алтарь европейской политики. В силу особенностей своего становления, состава населения, менталитета, наконец, сложившегося у русского народа, зачастую без государственного поощрения заселявшего огромные пространства от «Дикой степи» Причерноморья до Тихого

---

¹ . . . 15 . . 14. ., 1995.

² . 347.

³ . . . ., 1934.

³ . 80.

. . . (1845) // ., 1867. . 1411–1414.

океана, селившегося чересполосно со многими иными, Россия не могла воспринять от Европы роль крестоносца и борца с полумесяцем. Но идея славянско-православного возрождения ею была воспринята и продержалась до 1878 г., после которого она была отодвинута на задний план, и не самой Россией, а освобожденными ею балканскими народами. О чем, как уже говорилось, еще в 1876 г. предупреждал Ф. М. Достоевский¹.

Итак, парадоксальная картина: два противоборствующих в Европе лагеря, Венский и Ганноверский, были едины в желании развязать османо-российскую войну, воздействуя на разные стороны предстоящего конфликта. И больше всех этого хотело само российское правительство, рассчитывая на легкий успех и возможные территориальные приобретения.

А. И. Остерман был искренне убежден в необходимости этой войны, ее выгоды для России и выполнении этим заветов Великого Петра. Это был, бесспорно, «умнейший и опытнейший государственный человек»². С. М. Соловьев, характеризуя так Остермана, отнес его к плеяде иностранцев, «усыновивших себя России, неразрывно соединивших свою славу с ее славой, благоговейно чтивших память великого человека [т.е. Петра I], давшего их России»³. Ярый поклонник Остермана, А. Кочубинский напоминает и такой факт, что в 1740 г., т. е. уже в елизаветинское время, один из главных противников вице-канцлера Бестужев в ответ на замечание Остермана, что он ведь нерусский, поправил его: «Вы не только русский, но русский, который стоит двадцати других»⁴. Проблема действительно состояла не в национальности. Его активнейшие помощники И. И. Неплюев и

---

1 . . . . 14. . 353–354.

2 . . . . /19. . 255.

3 . . 261.

4 . . 5 1740 . . 85. . 327;

... . 525.

А. А. Вешняков были русскими. Но все они выученики европейской дипломатической школы (Вешняков был прислан в Стамбул в помощь Неплюеву после работы в Испании). Их взгляды и на выгоды России и на судьбы и возможности Османской империи были порождены сложившимися в Европе представлениями о месте этих стран в европейском мире. Их искреннее желание послужить России сводилось к тому, что они хотели сделать Россию своей в Европе. Потому-то они и стремились к участию в европейских коалициях и были озабочены поиском союзников. Эту боязнь оказаться в стороне от европейских внешнеполитических отношений российский дореволюционный историк Н. Д. Чечулин назвал «суетливой» политикой, когда «русская дипломатия словно торопилась обнаружить свою слабость и несостоятельность», не только не проявляя умения действовать среди сложных европейских интриг, но и демонстрируя «какое-то особенное равнодушие к русским интересам», «непонятную уступчивость перед Австрией», искренне ставя выше интересы западноевропейского сообщества, чем интересы России¹, не понимая величия России и ее подлинных потребностей. К сожалению, излишне проевропейские взгляды и соответствующие оценки происходившего в 30-е годы XVIII в. присутствуют и в современной российской историографии. Так, в недавно изданной (2010) книге С. Г. Нелиповича утверждается: «Россия стала нуждаться в поддержке Австрии из-за политической изоляции, ставшей результатом силового курса Петра I» (?! – С. О.)², и еще: «Недовольство в Европе Ништатским миром поставило Россию в дипломатическую изоляцию», а «молодой российской дипломатии, направляемой экспансионистским характером Петра (выделено нами. – С. О.), было трудно разобраться в сложной системе европейских международ-

---

1

II. . . ., 1896. . . 10–22.

2

XVIII . . ., 2010. . . 21.

ных отношений»¹. Я бы не стала называть политику Петра I «силовой» и «экспансионистской» с тем негативным оттенком, который звучит в этой книге. Что же касается неприязненного отношения и политической изоляции, то их проявление как раз и было усилено союзом 1726 г. с Австрией, которая враждовала тогда чуть ли не с половиной Европы. России же в то время «не угрожала никакая близкая война, ибо войны с Турцией вполне можно было избежать»². Изоляции от Европы не было, да и не могло быть после петровских внешнеполитических успехов. Более того, она, возможно, была бы благом для России, так как позволила бы ей добиться внутренней стабильности, определить собственный путь развития без коренной ломки утвердившихся ранее устоев. Сравним с Соединенными Штатами Америки, которых океан уберег от ранних тесных контактов с Европой и позволил развиваться, строя свою государственность с использованием европейского опыта, но учитывая свои геополитические особенности. Россия же, ведомая А. И. Остерманом, вынуждена была пойти по иному пути.

* * *

Признав войну с Турцией одной из ближайших целей российской политики еще в 1726 г., А. И. Остерман до 1735 г. сдерживал воинственные порывы российских дипломатов в Стамбуле и решал другие внешнеполитические проблемы страны – персидскую, польскую, шведскую. К тому же России было необходимо «отдохнуть от войны и сильного преобразовательного движения»³ и постараться обеспечить себя союзниками в антитурецкой войне. При всех радужных перспективах, рисуемых русскими послами, сохранялись и воспоминания о Пруте и о неудачных попытках Петра I найти поддержку в Европе для войны с Османской им-

---

¹ . . 14–15, 9.

² . . . . 11.

³ . . /19. . 258.

перией (это было первоначальной задачей Великого посольства 1697 г.).

В 1726 г., как уже было показано, выбор союзника пал на Австрийскую империю. Это государство, однако, было прежде всего занято тем, чтобы добиться от крупнейших государств Европы признания Прагматической санкции и уладить свои конфликты с Францией, в которых в середине 30-х годов дело доходило до военных столкновений. В Стамбуле же Вильнёв уверял турок, что «цесарь за Россию не вступится, опасаясь европейских держав». Австрийский посол Тальман не отказывался от заявлений перед Портой «о близости австрийских интересов России, но не более». Неплюев не раз требовал от своего австрийского коллеги «не лукавить, а держать себя сообразно с требованием смыслов союзного договора 1726». Более того, он говорил о «неискренности и фальши» в поведении австрийских дипломатов, а позже советовал своему правительству действовать самостоятельно: «... и без венского двора хуже не будет»¹.

* * *

Итак, с 1726 г. российские власти считали своей целью войну с Османской империей. Однако «осторожный» (как его характеризуют А. Байов и А. Кочубинский)² Остерман, сам провозгласивший эту цель, почти десять лет удерживал страну от начала военных действий, желая до того обезопасить ее от всех других противников. Еще в 1734 г. русских послов в Стамбуле остерегали из Санкт-Петербурга: «Не показывать противности, чтобы время получить к окончанию польских дел». Порту поручалось уверить, что «мы с нашей стороны к начатию против ея войны намерение весьма не имеем и начинать не будем, ежели с ея стороны разрыва не учинится».

---

¹ ... . 86.

² ... . 1. . 182; ... . 102.

В марте 1735 г. был заключен второй трактат России с Персией. Россия окончательно освободилась «от “тягостей” владения югом каспийского побережья». В том был и дополнительный расчет, который Остерман так изложил Неплюеву: смотреть, «не поддастся ли случай, чтоб Порта... в персидскую войну себя углубила...»¹. Правда, были и опасения на этот счет, тем более что, как стало известно Неплюеву, уже 25 апреля 1735 г. «тайное сборище» у везира предписало крымскому хану идти на Кавказ «для занятия уступленного [Россией] Персии Каспийского побережья»². Протесты послов по этому поводу результата не имели, а их угрозы привели к тому, что османские власти попытались апеллировать, как говорил везир, «ко всем дворам Европы». В пересказе Неплюева известно, что при встрече с австрийским резидентом везир и его кега (в русских текстах кехайя или кегая, по-турецки кетхуда – помощник) Осман говорили о враждебности России к их государству: «... наипаче кехайя, со многим злословием и великим поношением... точно сии слова: Россия становится ныне быть зело несносна в надежде на алианцию цесаря, без чего толико никогда дерзать не посмела»³. Подобные рассуждения задевали честь России, и послы еще более активно ратовали за войну: «... наказание их бесчисленных дерзостей сего лета учинить – вступлением в Молдавию, взятием безоборонных магазинов (на Дунае)». При этом послы понимали, что «тогда бессумнительно нас в заточение засадят»⁴ (т.е. вспоминали арест П. А. Толстого и его пребывание в Семибашенном замке Едикуле во время Прутского похода).

Российский Кабинет министров реагировал на эти сообщения следующим образом: послам было выражено неодобрение за то, что они пытаются ускорить события. Отмечено, что приглашение наших войск к вступлению в ту-

---

1 ... . 100.

2 . . 102.

3 . . 108.

4 . . 109.

рецкие границы (в Молдавию) может повредить умиротворению Польши. Пока следует проводить политику «усыпления» Порты: «...прежде совершенного окончания польских дел от полного разрыва с турками по всякой возможности убегать». При этом следовало поддерживать и Персию: «... по вступлению хана в Персию учинить незапное нападение на Крым и Перекоп и, ежели возможно, овладеть полуостровом», т.е. «над татарами... сперва свое отмщение искать,... не вступая еще с турками самими в явный разрыв». Выражалась надежда, что «турки, усмотря сие, сами опамятуются и, не получа еще с персидской стороны свободные руки, за такое над татарами отмщение в войну не вступят». Таково было общее мнение российских правящих кругов, зафиксированное в протоколе Тайного совета, подписанное А. И. Остерманом, П. И. Ягужинским, А. М. Черкасским, А. И. Ушаковым, Н. Ф. Головиным, П. П. Шафировым и утвержденное Анной Иоанновной¹. Остерман миролюбиво ответил и на весьма воинственное («угрозительное», по оценке Неплюева) письмо великого везира, поскольку, по определению А. Кочубинского, план российского Кабинета состоял в том, чтобы «застать турок врасплох, не готовыми», «заботливо поддерживать у Порты обман, что о войне у нас ниже в мыслях». Он же констатирует: «Очевидно, и Porta была притворно настроена, смотрела сквозь пальцы и показывала вид проводимой. Шла таким образом долго и долго игра в нехитрый взаимный обман»².

В сентябре 1735 г. в российском посольстве произошла смена руководителей. И. И. Неплюеву, давно жаловавшемуся на нездоровье, было разрешено вернуться в Россию. В Стамбуле остался А. А. Вешняков³.

¹ . . 110–112. . . . 89/1, 1735, . 15; . . . .

1735 – 1736 . //

² . III. , 1973. . 25.

³ . ... . 113.

1496–1891. . . ., 1891.

Ко второй половине 1735 г. польский вопрос был окончательно решен. Швеция еще на 12 лет продлила договор с Россией. Франция и Австрия пришли к мирному соглашению. Поражение в Персии привели османов к примирению с Надир-шахом, хотя и с такими уступками, которые в будущем породили еще одну османо-персидскую войну.

В июле 1735 г. фельдмаршал Миних был переведен из Польши и получил приказ готовить операцию против Азова. В октябре российские войска выступили за Дон и в направлении Перекопа. В Порте это вызвало естественную озабоченность, хотя, по сообщению А. А. Вешнякова, «для чего сие – не понимают». Посол продолжал, «дабы их не принудить на генеральное движение»¹, уверять, что эти действия направлены лишь против татар.

Планы российского командования на 1735 г. оказались нереальными («...торопливый поход в такое необычное время, как осень, в страну, которая была совершенно неизвестна»). Фактически не начав военные действия, армия, двигавшаяся в Крым, от бескормицы и болезней потерявшая почти треть своего состава, вынуждена была отступить. «Вместо отмщения, гибели Крыма – гибель своего войска»². Даже А. А. Вешняков заговорил о возможности договориться с Портой, ограничив свои требования лишь Азовом, без «погибели всея Оттоманской империи»³.

Российский Кабинет министров, однако, продолжал готовиться к войне. 24 января 1736 г. Остерман обратился к графу Остейну, послу Австрии в Петербурге, с напоминанием об австрийских обязательствах по договору 1726 г. Австрия хотя и окончила к этому времени войну с Францией, но совсем не готова была к новой войне. Лучшим выходом из создавшегося положения австрийские власти сочли предложить свое посредничество в улаживании российско-

---

¹ . . . . . 125–126.

² . . . 135.

³ . . . 138.

османского конфликта¹, что и было сделано Тальманом 18 апреля 1736 г. на аудиенции у великого везира. По сообщению венецианского дипломата Н. Эрizzo, австрийский посол заявил, что свои посреднические функции он будет выполнять вместе с послами морских держав (т.е. Англии и Голландии), и надеется, что совместными усилиями они сумеют между Россией и Османской империей «несогласие прекратить». Тальману было предписано его правительством всячески оправдывать поведение России и настаивать, что за антирусские татарские происки (прежде всего имелось в виду движение хана в Дагестан) ей положено некое удовлетворение².

12 апреля 1736 г. Остерман обратился к великому везиру с письмом, в котором изложил причины начинавшихся военных действий. По сути дела, лишь этот документ можно считать официальным объявлением войны³. Потому-то в историографии присутствуют разные начальные даты этой войны – 1735 г. и 1736 г., т.е. одни исследователи говорят о фактическом начале военных действий, а другие – об официальном извещении о войне, исходившем от российских властей, которые до этого, как уже говорилось, проводили политику «усыпления» Порты и всячески подчеркивали, что они действуют только против крымского хана, но не самой Турции. Теперь же, надеясь получить австрийскую помощь, России требовалось доказать *casus foederis*, т.е. то, что было нарушение мира со стороны турок. Так, с появлением некоего оправдательного документа война начинает входить в рамки международного права.

Начало официальной войны при этом сопровождалось и началом переговоров о заключении мира. Турецкая сторона приняла эту двойственность, доказательством чего

¹ ... 33. ..., 1881. ... 464.

² *Fontes rerum Austriacarum*, XXII. ... 178–179. ... :

... 147.

³ ... 147–148, «
- », 1890. ... 123.

служит тот факт, что русский посол А. А. Вешняков не был посажен в Едикуле, а был взят везиром с собой и вместе с османской армией привезен к российской границе. В везирском ответе на письмо Остермана от 12 апреля говорилось, что «у границы мы от мира не отречемся». Остерман также соглашался на переговоры о мире, но ставил условие – начать «трактацию» немедленно. Выдвигался даже срок, в течение 14 дней. Местом переговоров предлагался Очаков. Посредниками должны быть лишь австрийцы, от услуг морских держав предлагалось отказаться. За всеми этими заявлениями не стояли ни с той ни с другой стороны какие-либо действительные желания. На письмо везира Остерман ответил лишь в августе (т.е. тогда, когда время для переговоров уже было упущено). В новом послании, по определению А. Кочубинского, он защищал корректность России, ее право на войну, ее долголетнюю терпеливость. Императрица, как подчеркивалось, могла своей армии «в турецкие границы, без всякого объявления войны повелеть вступить», но этого она не сделала, а объявила войну письмом его, Остермана, от 12 апреля¹.

Внутри страны немецкие генералы российской армии явно были одержимы предвкушением быстрой и легкой победы. Фельдмаршал Миних, переведенный в 1735 г. из Польши и назначенный командующим армиями во вновь начинающейся войне на юге избрал для начала военных действий два направления – на Азов и в Крым. Дальнейшие же планы его, изложенные в одном из писем к Бирону накануне открытия кампании 1736 г., состояли в следующем:

«На 1736 г.: Азов будет наш. Мы станем господами Дона, Донца, Перекопа, владений ногайских между Доном и Днепром по Черному морю, а, может быть и самый Крым, нам будет принадлежать.

1

На 1737 г.: подчиняется весь Крым, Кубань, приобретает Кабарда. Императрица – владычица на Азовском море и гирл между Крымом и Кубанью.

На 1738 г.: подчиняется без малейшего риска Белгородская и Буджакская орды по ту сторону Днепра, Молдавия и Валахия, которые стонут под игом турок. Спасаются и греки под крылом Русского орла.

На 1739 г.: знамена и штандарты Ея Величества водружаются... в Константинополе...»¹

Петербургские власти были более осторожны и предлагали в кампании 1736 г. ограничиться лишь осадой Азова, часть же армии оставить при границах, откуда она могла бы, в случае необходимости, произвести ту или иную диверсию, чем предотвратить могущие быть случайности. Кабинет, однако, не настаивал на своих предложениях², а Миних, получив ранее от императрицы разрешение действовать, когда, как и где он найдет лучшим, уже в апреле приказал активизировать осаду Азова и начать движение в Крым³.

Осадой Азова руководил П. П. Леси, который за успешный Рейнский поход против французов, предпринятый в поддержку Австрии (одно из обязательств России по союзному договору 1726 г.), был, как и Миних, пожалован чином фельдмаршала. Азовская крепость капитулировала и была взята русскими 21 мая 1736 г. Оставив там гарнизон, армия Леси двинулась в Крым, где должен был находиться Миних. В начале августа, однако, поступило известие о выходе армии Миниха из Крыма и приказ расположиться на зимние квартиры в районе российской границы у р. Донец.

Крымская кампания оказалась для русской армии менее удачной и более трудной. Фельдмаршалом Минихом был разработан, как оценивает его с военной точки зрения

---

1 . . II. . 509.

2 . . ... . 200.

3 , 1736–1738 . //

- . . XIV. ., 1904.

А. Байов, детальнейший план операции. Однако он «не имел никаких сведений о противнике и совершенно не знал, в каких условиях, по отношению к противнику, придется ему совершать поход»¹. Как иронизировали позже участники этой экспедиции, движение армии являло собой «картинку немецкого парада в глухой татарской степи». Но, тем не менее, «изнуренная, измученная болезнями и немецкими боевыми приемами армия в конце мая дотянулась до Перекопского вала»². Перекоп был взят почти без потерь. На военном совете 22 мая 1736 г. большинство генералов высказалось за то, чтобы не предпринимать дальнейшего наступления вглубь полуострова. Дать армии отдохнуть, а пока совершать небольшие рейды вглубь Крыма для разорения этого края. Миних не принял этого предложения. А. Байов оценивал ситуацию следующим образом: «Миних, влекомый честолюбием и славолубием, решился действовать вопреки мнению большинства – ведь никто еще из русских не вторгнулся в Крымский полуостров! Надежда на дешевые лавры затемняет способность правильно оценивать обстановку и действовать менее эффектно, но более соответственно обстановке»³. Русскими был взят сожженный и разграбленный Козлов (Гёзлев, Евпатория), Бахчисарай, Акмечеть (Симферополь), но своей главной целью Миних считал турецкую Кафу (Феодосию). Однако к концу июня началась сильная жара, армия испытывала недостаток в воде и продовольствии, почти треть ее состава оказалась больной, а остальные «были так утомлены, что многие едва передвигали ноги». Продолжать наступление было невозможно. Миних вынужден был покинуть Крым. 90-дневный Крымский поход оказался неудачным. Пришлось оставить и Кинбурн, взятый отрядом Леонтьева, отправленного от Перекопа. Армия снова отошла к российской границе.

---

1 ... . 240.

2 ... . 160.

3 ... . 256–258.

После этих событий императрица Анна Иоанновна обратилась с письмом к А. И. Остерману, в котором констатировала: «Нам одним Турецкое государство вовсе разорить или сгубить невозможно будет, и нынешнего году довольно это показало наше войско. ... Пруцкий трактат был великий вред и бесчестие нашему государству, который в ту пору от нужды был делан, и ежели такой способ найдется, чтоб этот трактат уничтожен был, так же старые наши границы присовокупить – то лучше ли войну прекратить, только как в том деле зачинать, то мы на ваше искусство и верность надеемся»¹. Письмо это широко известно и цитируется во всех работах об этой войне и вообще времени Анны Иоанновны. Однако, как отметили в своих примечаниях историки, готовившие к последнему изданию «Историю России» С. М. Соловьева, в архивах оно не найдено².

* * *

Военные действия 1736 г. велись главным образом между русскими и татарами. С турками русские имели дело лишь в Азове и у Перекопа, где их небольшой отряд совместно с крымцами защищал проход в Крым. Великий везир с османской армией стоял за Дунаем. 22 октября 1736 г. Вешнякова, находившегося в визирском лагере, отпустили в Россию. Перед отъездом он имел беседу с молдавским господарем Гикой и переводчиком Порты (также Гикой, братом господаря). Оба вели с ним разговоры о возможности заключения мира с Россией, заверяли посла, что Порта по-старому «дружить желает с Россией, но донныне не имеет и не знает кому говорить»³.

---

¹ . . . /20. . 401–402.

² . . 693.

³ . . . 169.

ГЛАВА III

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Османская империя, утверждаясь на ранее христианских, прежде всего византийских, землях, позиционировала себя исключительно как исламское государство. Именно ислам стал той консолидирующей силой для завоевателей, которая позволила им выделить себя из массы завоеванных народов и создать свою имперскую государственную структуру.

При Мехмеде II Фатихе, после взятия Константинополя и окончательного сокрушения Византии, в империи сложилась так называемая миллетная система, которая регулировала отношения между мусульманами и иноверцами. Она опиралась на кораническое предписание о том, что с «людьми Писания» (ахл ал-китаб) можно заключить договор (зиммет), по которому они «дадут откуп своей рукой», после чего могут проживать в стране ислама (дар аль-ислам), где их личность и имущество будут находиться под защитой¹. Такими людьми договора (ахл аз-зимма, или зимми) первоначально стали православные христиане, армяне-григориане и иудеи. Их общины – миллеты (рум миллети, эрмени миллети, яхуди миллети) – в Османском государстве получили определенную правовую автономию. Членам миллетов предоставлялось право исповедовать свою религию, соблюдать свои обряды, им гарантировалось, что у них не будут отбирать их храмы, а сами они не

---

¹

будут насильно обращены в мусульманство. Главы миллетов (т.е. религиозные лидеры) – миллет-баши – считались духовными и юридическими руководителями своей паствы и представляли ее интересы перед государством. Все общины обладали судебной автономией. Все, что касалось браков, разводов, наследования, религиозного имущества находилось в их компетенции. Руководители миллетов решали эти вопросы без вмешательства государства. Сами же они фактически становились для своей общины представителями имперской администрации¹.

С введением миллетной системы общество распалось на отдельные религиозные ячейки. Все немусульмане – зимми, как жители исламского государства, во всем остальном помимо прав, предоставленных миллетной автономией, должны были подчиняться государственному и исламскому законам. Главным из предписаний этих законов было то, что вместо военной службы зимми обязаны были платить подушный налог – джизье. Считалось, что его платят за то, что государство гарантирует им защиту и при этом освобождает от военной службы. Некоторые другие налоги они также платили в больших размерах, чем мусульмане². Не могли зимми и занимать какие-либо должности в имперском государственном управлении. Миллетной системой они как бы отстранялись от любых общегосударственных управленческих функций и продолжали жить в своем обособленном мире. К XVIII в. миллетной системой были

---

¹ . . . 1. . ., 2006. . . 265–269; 357–390; 435–440; Gibb H. Boven H. Islam Society and the West. T 2. L., 1969. . . 212–213; 221; Bilâl E. Osmanlı Devletinde Millet Sistemî. Istanbul, 1992; . . . : . . .

44. // (Oriens) 2008, 6. . 33–
²

.. // . . . , III. . ., 1974. . . 161–234; Kabarda Y. Système fiscal de l'Eglise orthodoxe dans l'Empire Ottoman. Brno, 1969; Inalcık H. The Status of the Greek Orthodox Patriarch under the Ottomans // Turcica. T. XXI-XXIII. P., 1991. . . 421–428.

охвачены не только вышеупомянутые три наиболее распространенные конфессиональные общности. Такой же статус постепенно получали католики и различные протестантские группы.

На первых порах существования Османской империи миллетная система защищала само мусульманское сообщество, находившееся тогда в меньшинстве. В Румелии (европейской части империи) иноверцев было до 80% населения. Лишь после присоединения арабского региона общее количество немусульман в стране стало составлять примерно 25%. Но по отдельным регионам иноверческое население по-прежнему распространялось крайне неравномерно¹. Тем не менее, по всей империи мусульмане были объявлены «миллет-и хакиме» – господствующим миллетом. Именно они строили свое государство, отодвинув все иные конфессии и принадлежащие к ним народы на второй план, отстранив их от политической и государственно-управленческой жизни.

В условиях средневековой европейской религиозной нетерпимости османская структура общества и власти выглядела вполне привлекательно и восхвалялась многими деятелями религиозной реформации в христианском мире². Но, как и любая строго изолированная и регламентированная система, она со временем стала оковами, сдерживающими общественное развитие и мешающими различным общественным группам учиться и понимать друг друга.

Такой же конфессиональной обособленности придерживались османы и в международных отношениях. Существовал мир ислама (дар уль-ислам) и мир войны (дар уль-харб). Жители этого второго мира – харби – были гяурами,

---

¹ . . . XVI – XVIII . // . , 1992, . 6; . . . . ² . . , 2008. . 322. . « » XVI . . . . , 1910; . (1517 – 1574). . , 1984, . 2- , 2001. . 22–28.

неверными. Их, по исламским канонам, положено уничтожать или обращать в рабство. Возможно было еще чисто-сердечное раскаяние и принятие ислама. Такова теория исламского видения мира¹. На практике все выглядело значительно сложнее.

Османские завоеватели были приверженцами ислама ханифитского толка, самого гибкого мазхаба из всех четырех правоверных мусульманских правовых школ. Более того, как отмечал Н. А. Иванов, они придавали положениям исламского священного закона самую «мягкую интерпретацию»². Это во многом объясняется той гетерогенной исламской средой, опираясь на которую османским правителям приходилось строить новое государство. Тюркские переселенцы в Малую Азию в XIII в. были вынужденными мигрантами, гонимыми на Запад монгольским нашествием. Они искали на этой окраине исламского мира новую страну обитания, новую родину. В отвоевании ее для себя они видели высшую справедливость – адалет³. Сами же они разнились между собой этнически (при явном преобладании тюрок были также персы, арабы и др.), социально (не только кочевники, но и горожане, земледельцы, т.е. в своем большинстве люди, склонные к оседлости) и даже в религиозном плане (не только ортодоксальные сунниты, но и приверженцы иных исламских толков и даже люди, слабо усвоившие ислам и предводительствуемые различными племенными бабá). Всех их надо было сплотить и направить к единой цели. Идея справедливости новых завоеваний стала главной в менталитете османов. Еще Григорий Палама, побывавший в плену у турок, где, как он сам утверждал, «узнал образ их жизни» и вел беседы с исламскими богословами в кругах, близких к османскому бею Орха-

---

¹ .: D'Osson M. Tableau general de l'Empire Ottoman. P., 1824;

Özel A. Islâm Hukukunda Ülke Kavramı, Dârülslâm – Dârülharb. Istanbul, 1988.

² ... . 323.

³ Ahmedi. Iskandernâme (ne r. Y.Ünver). Ankara, 1983, . 65 – 66 .

ну, писал, что все они «вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия»¹. Конечно, ислам был для тюркских завоевателей объединяющим фактором, вдохновляющим на войну с неверными, но целью их завоеваний было не распространение ислама (ила-и келиметул-лах), а освоение новых территорий, с населением которых им надо было ладить. Османы видели в византийско-балканском регионе дар уль-джихад – земли, которые можно завоевать и установить там исламские законы. Завоеванными и подчиненными себе они считали лишь те области, куда были назначены кадии (мусульманские судьи). Они начинали утверждение в новых землях с того, что проводили переписи населения, возможных объектов налогообложения и иных доходных поступлений. На основании этих данных составлялось канун-наме каждого отдельного района, учитывавшее его возможности и особенности. Оно оформлялось как предписание новых османо-исламских властей. Они строили свое государство на аграрной хозяйственной основе, используя сложившуюся еще до них рентную практику. Отсюда заинтересованность в сохранении населения и его включении в структуру государства. Сохранялись многие старые социально-управленческие традиции, но поставлены они были в новые условия исламского государства. Отсюда и миллетная система, охраняющая неверных, подчинившихся исламским завоевателям, а также ненасытное стремление к новым завоеваниям и масса людей, считавших себя военным сословием и мечтающих о тимарном испомещении на новых обихоженных землях. В справедливости своих завоеваний они были уверены почти до конца XVII в.

Поражение под Веной в 1683 г. было поворотным пунктом в отношениях Османской империи с Европой не только из-за разгрома армии и начала тяжелой борьбы с коалицией европейских держав. Поход Кара Мустафы под Вену был

---

¹

обставлен всеми мусульманскими ритуалами войны с неверными: были сделаны заявления о причинении зла мусульманам на венгерско-австрийской границе, получена фетва шейх уль-ислама, одобряющая предстоящую войну. Перед осадой к населению Вены было сделано обращение, призывающее его принять ислам¹. Поражение при таких обстоятельствах стало для османского общества особенно впечатляющим.

Последовавшая за этим шестнадцатилетняя война со Священной лигой, когда военные действия шли на четырех фронтах и не на территории противника, что сулило новые приобретения, а в пределах собственных границ, не была привлекательной даже для безземельного анатолийского населения. Началось массовое дезертирство, а сама Анатолия, где все еще сохранялось большое число людей, продолжавших считать себя военным сословием, стало логовом разбойников². Анатолийцев не увлекала и война с Ираном, где враждебно настроенное шиитское население также не могло служить базой для земельного испомещения³. Нужно было как-то иначе строить свои отношения с соседями. Менялись традиционные взгляды на межгосударственные отношения. Идея вожденного «красного яблока» – Кызыл эльма, т.е. того легендарного места, которое должно было бы стать конечной точкой и целью османской экспансии⁴, отступает на задний план. До этого каждый султан, вступая на трон, опоясывался мечом пророка, одаривал янычар значительными денежными суммами и провозглашал: «Встретимся в Кызыл эльма», т.е. как бы обещал, что скоро

¹ Kara Mustafa pod Wiedniem. Źródła muzulmanskic do dziejow wyprawy wiedeńskiej 1683 roku. Krakow, 1973. . 29–30, 58, 59, 328–329.

² Akdag M. Genel çizgileri XVII yüzyıl Türkiye tarihi // Tarih ara tirmalar dergisi. T IV, 6–7. Ankara, 1968. . 233–235.

³ Olson R.W. The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations. 1718–1743. Bloomington, 1975.

⁴ .
(XIV – XVI .) // . ., 1996. . 28–30.

поведет их на новые завоевания. Это был старый обычай, глубоко укоренившийся в османском сознании¹, хотя уже хронист Печеви (начало XVII в.) писал, что происхождение легенды о Красном яблоке неизвестно, а место нахождения его связывали вначале с Константинополем, позже с Римом и, наконец, с Веной². Знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби, побывавший с турецким посольством 1665 г. в Вене, оставил описание этого города, восхищаясь им, выражая пожелания, чтобы это «яблоко» как можно скорее упало в руки мусульманских гази³. Вообще до конца XVII в. в османском обществе царила «несгибаемая вера... в собственные силы и нежелание считаться с противником»⁴. После венского разгрома эти настроения исчезают. Даже официальный хронист Наима стал предостерегать от чрезмерного самомнения и высокомерия, подчеркивая, что неприятеля нельзя считать бедным и слабым⁵.

* * *

Османская империя хотя и вела многочисленные и, как правило, победоносные войны в Европе, но имела с европейскими странами и торговые связи, регулируемые, начиная с XVI в., особыми соглашениями, называемыми капитуляциями (от слова капитул, глава, раздел, параграф)⁶.

¹ Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 3, 1828, Pest. С. 475.

² Silandar tarihi T. 1. Istanbul, 1334 (. . .). . 28.

³ m Reich des Goldenen Apfels. Des türkische Weltenbummlers Evliya Çelebi denkwürdige Reise in das Giaurenland und in die Stadt und Festung Wein, anno 1665. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Richard F. Kreutel. Graz – Wien – Köln, 1957. . 61, 282.

⁴ Abrahamowicz Z. To polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedenskiej Kara Mustafu // Kwartalnik Historyczni. W., 1983. 90/1. . 46.

⁵ Naima tarihi. Istanbul, 1281, (. . .). . 343.

⁶ Belin M. Das capitulations et des traites de la France en Orient. P., 1870; :

Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. 4 vols. P., 1897–1903; Muahedât-i mecmuası. T. 1–5. Istanbul, 1294–1298 . . (. . .); Testa de, L. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. 8 vols. P. 1864–1896; Erim N.

По мусульманскому праву, они считались имтиязат, т.е. привилегиями, даруемыми неверным¹. Капитуляции регулировали положение иноверных торговцев в странах ислама. Они приезжали из страны войны, из христианского мира, но воспринимались не как вообще харби, гяуры, в отношении которых Коран призывал: «Сражайтесь с ними – накажет их Аллах вашими руками»². Купцам-гяурам гарантировалась некая безопасность, обещанная другим положением Корана: «А если кто-нибудь из многобожников просил у тебя убежище, то приюти его, пока он не услышит слово Аллаха. Потом доставь его в безопасное для него место. Это потому, что они – люди, которые не знают»³. Именно из этой суры шариатом выводилось такое понятие, как «аман»/«эман» – милосердие, защита⁴. Оно обещало безопасность иностранцам, пребывающим с какими-то удобными османскому обществу делами в дар уль-ислам. В отношении них применяли термин мюстемен. В отличие от зимми, т.е. иноверцев, постоянно проживавших в дар уль-ислам и имевших с мусульманской общиной постоянное соглашение, мюстемен'ы получали от султана лишь временные гарантии безопасности. Им давался особый документ из серии так называемых ахд-наме. Польский исследователь Д. Колодзейчик обращает внимание⁵, что европейцы все соглашения с османами называют договорами, т.е. некими двусторонними договоренностями. У османов же было несколько иное понимание таких международных документов. Само слово «ахд-наме» состоит из двух частей – первое, персидское, означает «клятва», «обещание»,

---

Devletlerarası Hukuk ve Siyasî Tarih Metinleri (Osmanlı Imparetorlu u Anla maları). Ankara, 1953 .

¹ Inalcık H. İmtiyazat // The Encyclopaedia of Islam, III. Leiden, 1971.

² IX/14.

³ IX/6.

⁴ Encyclopaedia of Islam. 2- . T. 1. Leiden, 1960.

⁵ .: Kolodziejczyk D. Ottoman Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century). An Annotated Edition of Ahdnames and Other Documents. Leiden – Boston – Köln, 2000. . 3.

второе – «наме» – «письмо», «документ». При этом клянутся в нем не перед теми, кому адресован документ. Это султан, издавая его, клянется перед Богом, что выполнит свои обещания. В ответ на эту клятву не только не ожидали какого-то ответа от христианских правителей, но он был вообще нежелателен. Ахд-наме означало, что султаны сами, по своему желанию, благодетельствовали тех, кого считали нужным. Потому-то и составлялись они обычно только на турецком языке и их официальных переводов на другие языки не существовало¹. Если сравнивать их с другими международными документами, то по своему типу они близки тем шертным грамотам, которые были распространены среди мусульманских владетелей Причерноморья и Северного Кавказа и устанавливали клятвенно-вассальные отношения с Османской империей, а в XVI–XVII вв. и с Россией, которая использовала тогда в этом регионе не европейские, а исламо-османские договоренности, основанные на иных принципах международных отношений.

Термин «ахд-наме» относился не только к соглашениям о торговле, но и к некоторым документам политического характера. В этой сфере наряду с «ахд-наме» используются также термины «муахедат», «мюсалеха-наме», «анлашма». Несколько позже мы дадим по этому поводу некоторые пояснения, пока же рассмотрим тот вид ахд-наме, который вошел в историю как капитуляции, т.е. соглашения, дающие определенные «привилегии» торговцам европейских стран.

В последнее время в переводах на русский язык исторических сочинений по османистике традиционно принятый (в том числе и в европейских языках) термин капитуляция стали заменять термином концессия. Хотелось бы обратить внимание на то, что это не только не точно, но и, на наш взгляд, искажает смысл, европеизирует саму суть отноше-

---

¹

ний, складывавшихся и развивавшихся на основе этих соглашений.

Как отмечает турецкий профессор Х. Иналджик, документы о торговых привилегиях появились в мусульманском мире еще в доосманский период. Они носили различные названия – *fusul*, *şurut*, *mersun*, *aman*, *kitab aman*, иногда *sulh*. И уже тогда они были не договорами (в европейском смысле), а скорее некими обычаями, подтвержденными указами (*merasum*) правителя. Тогда же сложилось представление о консульской юрисдикции. При этом консул воспринимался тогда как нечто вроде заложника, отвечающего за поведение своих соотечественников¹.

Османь восприняли эту практику. Есть смутные свидетельства, что какие-то льготы торговцам давались уже в период установления османской власти в Анатолии, а после взятия Константинополя как плата за политическую лояльность временно и поочередно предоставлялись венецианцам, флорентийцам, генуэзцам. Первым же известным документом такого рода, исходящим от османских султанов, была капитуляция 1517 г., дарованная Селимом I Венеции и подтверждающая те льготы, которые существовали у венецианских торговцев в мамлюкском Египте. Этот документ не имел, однако, общеимперского значения. Он касался лишь Египта и его порта Александрии. Аналогичный документ, также касающийся лишь Египта и Сирии, в 1528 г. был дан Франции, и он также подтверждал торговые традиции, сложившиеся там в мамлюкский период². Очевидно, эти прецеденты способствовали тому, что в феврале 1535 г. был

---

¹ Inalcık H. İmtiyazat. С. 1178–1179. -

1899
1899.

² Testa L. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. T. 1. P., 1864. . 23.

составлен новый подобный документ, касающийся уже всей Османской империи.

Составителями новой капитуляции предположительно считаются шевалье мальтийского ордена де ла Форэ и великий везир Ибрахим-паша, который до этого выполнял поручение султана Сулеймана по подавлению мятежа в Египте, а затем восстанавливал там порядок. Следовательно, он не мог не знать египетских реалий, в том числе был осведомлен о той выгодной торговле, которую Египет издавна вел с Европой. Отсюда, естественно, желание поощрить торговую активность и в других районах империи.

Текст капитуляции 1535 г. со ссылкой на сокращенную (10 статей из 16) французскую публикацию М. Флоссана был переведен на русский язык Н. А. Смирновым¹. Полный французский текст приведен у Сен-При². Новейшая английская публикация этого документа осуществлена Хуревичем³.

Хотя по османской классификации капитуляции относятся к категории ахд-наме, т.е. султанским пожалованиям неких привилегий неверным, документ 1535 г. явно отличался от других трактатов такого рода прежде всего тем, что в нем содержались элементы двустороннего соглашения. Так, статья 15-ая предусматривала, что льготы, предоставляемые французским купцам в Османской империи, должны распространяться и на османских подданных, ведущих торговые дела во Франции. Однако такое провозглашение было лишь декларативным и не конкретизировало то, как должны были действовать французские власти по

---

¹ Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française on de la politique de la France depuis de la foundation de la monarchie, jusqu'a la fin du règne de Louis XVI. Par M. de Flassan. Paris, 1811. T. 1. . 367–370;

XVI – XVIII //

. . 11, . . , 1938. . 165–166.

² Saint-Priest A. Mémoires sur l'ambassade de France en Turquie et sur le commerce des française dans le Levant. P., 1877.

³ Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. Documentary Record 1535–1914. T. 1. Princeton, 1956. . 1–5.

отношению к османцам, что было четко прописано для французских купцов. Это может рассматриваться как подтверждение того, что документ был явно османского происхождения и отражал прежде всего османскую реальность. Об этом же говорит и имеющийся в нем призыв к королю Франции обратиться к папе римскому и королю Англии и Шотландии (который назван братом и союзником французского короля) с предложением присоединиться к этому документу.

Статья 16-ая капитуляции содержала указание на то, что соглашение должно быть подтверждено французским королем и его предписано распространить среди купечества Стамбула, Александрии, Марселя и других городов и портов обеих стран (т.е. здесь явное проявление двусторонности обязательств!).

Капитуляция начиналась тем, что провозглашала мир и согласие между двух правителей. Это положение содержалось и во всех последующих таких соглашениях и было неким обязательным предварительным условием его составления.

Подданные французского короля после уплаты пошлины, которая не должна была быть больше, чем платили местные торговцы, получали право производить торговые операции с любыми товарами, незапрещенными для торговли, и свободно передвигаться по всем территориям, принадлежащим султану.

Франции предоставлялось право назначить в Стамбул своего консула, который бы имел полномочия решать все гражданские и уголовные конфликты, возникавшие между купцами и другими подданными короля Франции, по законам своей страны. Подчеркивалось, что османские власти не имеют права вмешиваться в такие процессы.

Если же конфликт возникал между подданными султана и подданными короля, то он мог быть разбираем лишь при наличии письменных документов и в присутствии переводчика французского консула.

Даже при тяжких преступлениях суд над французскими гражданами не должен был вершить рядовой шариатский суд. Такие дела было положено препровождать в Высокую Порту, где в присутствии великого везира или его заместителя полагалось выслушать показания местных жителей против подданных короля.

Особо подчеркивалось отсутствие коллективной материальной ответственности среди французских коммерсантов. За какие-либо невыполненные обязательства подданного короля, покинувшего владения султана, ни консул, ни другие французские купцы ответственности не несли. Лишь король Франции мог удовлетворить требование истца к ответчику, если таковой обладал собственностью на французской территории.

Французских подданных нельзя было принуждать против их воли к службе османскому султану.

Предусматривалось также освобождение французов, попавших в неволю и находящихся на османской территории, в том числе и во владениях османских вассалов, а также помощь при кораблекрушениях, охрана товаров купцов, пострадавших при этом.

Корабли Франции, прибывшие в Стамбул и уплатившие там пошлину, не должны были подвергаться дополнительному осмотру и платить какие-либо дополнительные пошлины.

И еще (сугубо османское положение), любой подданный короля Франции, который не провел на территории Османской империи полных десяти лет без перерыва, не должен был платить джизье (т.е. он не считался зимми).

Мы сочли нужным столь подробно изложить содержание этого документа, так как он дает некую отправную точку, чтобы сравнить, как развивались капитуляционные отношения, и понять, что нового было внесено после войны 1735–1739 гг.

О самом же этом соглашении в туркологии идет дискуссия¹. Есть точка зрения, что оно не только не было превращено в жизнь, но и не было тогда подписано султаном. Первая же официальная капитуляция была дарована Франции лишь в 1569 г. Действительно, некоторые статьи рассмотренного нами текста, говорящие о двусторонних обязательствах, форма обращения к королю Франции и некоторые иные детали этого документа позволяют предполагать, что перед нами не султанское повеление, а лишь некий его проект. Однако именно с него начинаются попытки регулирования османскими властями европейской торговли.

Несмотря на свои огромные территории, Османская империя не была экономически самодостаточным государством. Через нее шли потоки караванной торговли пряностями и шелком. С Запада она получала серебро, ткани, предметы роскоши. Таможенные пошлины всегда были заметным вкладом в государственную казну. Европейским торговым контрагентом азиатской торговли традиционно была Венеция. Османы с первых лет утверждения своей империи активно противостояли венецианскому господству в левантийской торговле, поддерживали их соперников, вначале генуэзцев, затем флорентийцев и рагузинцев. Франция пыталась вклиниться в эту торговлю уже в Египте, но начать более успешно замещать венецианские позиции она сумела лишь после османо-венецианской войны 1570–1573 гг. Ранее же мы видим лишь политическое сближение Османской империи с Францией, связанное с общей борьбой с Габсбургами. В 1534 г. в Стамбул прибыл первый французский посол с дружескими предложениями. В 1536 г.

1

XVIII . ., 1985. . 50.
: . . 142; : Matuz J. Über die Rechtsgültigkeit der Osmanisch-Französischen Kapitulation des Jahres 1536 // Be inci milletler arası türkoloji kongresi. Istanbul, 23–28 Eylül 1985. Tebli ler III Türk tarihi. T. 2. Istanbul, 1989. C. 439–448.

между двумя странами была достигнута договоренность о совместных антигабсбургских военных действиях, а переговоры о льготах французским купцам в Османской империи, очевидно, были лишь начаты и форма их документального оформления еще не устоялась¹. Тем не менее, если даже и на тридцать лет позже, важно, что именно Франция стала той западноевропейской страной, которая первой получила торговые льготы в Османской империи.

Так как подобные льготы предоставлялись на основании документов из разряда ахд-наме, то все даруемые привилегии связывались с милостью определенного султана. При смене правителей их зачастую приходилось заново подтверждать. Французские капитуляции давались в 1569, 1581, 1597, 1604, 1673 гг. и, наконец, в 1740 г., о чем речь будет идти далее. Такие же торговые условия позднее были предоставлены Англии и Голландии. Австрия, считавшаяся постоянным врагом Османской империи, вынуждена была торговать с этой страной под венецианским флагом. Свою капитуляцию она получила лишь после 1718 г. Россия, уже при первом контакте с османами в 1492 г. ставившая вопрос о защите своих торговых людей, также не имела торговых привилегий. П. А. Толстой, усиленно добивавшийся такого документа, не раз получал согласие на его составление, но, как он сам писал, частая смена властных фигур в султанском окружении никак не позволяла ему успешно завершить это дело. Не зная того, что торговые льготы и политические взаимоотношения османские власти четко разделяли, правительство Петра I очень настороженно относилось к попыткам посла получить от Порты торговый договор. Ф. А. Головин предостерегал Толстого, как бы, начав говорить о торговле, турки не поставили вопроса о пересмотре и всего мирного договора 1700 г., который вполне устраивал тогда российскую сторону². Русским послам не

1

2 . . ., 1992. . 151.

2 . . . III. . 79–80, 85.

раз приходилось вести переговоры о завышенных торговых пошлинах и даже защищать своих подданных от османских попыток заставить российских купцов платить джизье¹.

Давая капитуляцию той или иной стране, османские правители исходили, как правило, из каких-то политических мотивов. Та же французская капитуляция была как бы платой за то, что Франция, как и османы, боролась с Габсбургами². Капитуляции Австрии и России в XVIII в. были получены лишь в результате военных поражений империи.

По капитуляциям немусульманские торговцы получали личную и имущественную безопасность и, уплатив определенную таможенную пошлину, право заниматься торговлей на всей территории Османской империи. Еще при Баязиде II было установлено, что немусульмане платят 5%, немусульмане – подданные империи – 4%, мусульмане – 2% стоимости ввозимого товара. Позднее размеры пошлин могли меняться, что фиксировалось в очередных капитуляциях, но их соотношение сохранялось. Французские специалисты Р. Массон и Р. Монтран, исследовавшие торговлю в Леванте, утверждают, что в XVII в. не было государства, которое бы проводило более либеральную политику в отношении иностранных купцов, чем Османская империя. Объясняется это тем, что по мусульманским канонам правителям страны предписывалось заботиться прежде всего о насыщении внутреннего рынка. Считалось, что дефицит чего-то необходимого может спровоцировать волнения подданных. Поэтому-то полагалось поощрять прежде всего ввоз, экспорт же ограничивался. Импортные пошлины варьировались в размерах 2–5%. Меркантилистских соображений османские власти тогда не имели. Да и временный характер капитуляционных льгот не ставил страну в какое-то зависимое положение. Это действительно были султан-

---

¹ .^ Inalcik H. *Bursa and Commerce of the Levant* // *Journal of the Economic and social History of the Orient*, IV, 3–4. Leiden, 1960. . 140.

² *The Ottoman State*... . 56.

ские пожалования, которые по своему желанию он мог и отменить¹.

Иностранные консулы, а затем и посланники-резиденты, приезжавшие в Османскую империю из европейских стран, рассматривались местными властями как заложники, пребывание которых гарантировало соблюдение купцами принятых в османских пределах правил торговли и поведения, и не имели того почетного статуса, которым они должны были располагать по европейским понятиям². Потому-то в случае войны их и сажали в Семибашенный замок.

* * *

В историографии сложилось мнение, что до конца XVIII в. Османское государство не знало дипломатии в том смысле, как ее понимал Запад³. Однако в той же монографии «История Османского государства, обществ и цивилизации», переведенной на русский язык в 2006 г. (книга подготовлена турецкими историками и издана Исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры. Стамбул, 2001 г.), откуда цитируется вышеприведенное утверждение, есть определение того, что такое дипломатия: это искусство управления международными отношениями. Если исходить из этого определения, то можно поспорить с турецкими учеными. Османы не были участниками каких-либо коалиций. Они сами намечали цели своих завоеваний, сами заключали мирные соглашения, когда им это было нужно. Как подчеркивает там же М. Инширли, «не будучи связаны по рукам политическими и дипломатическими играми и обязательствами», они имели «возможность свободы действий»⁴. Этой свободой они обладали, разумеется, в

---

¹ Inalcık H. İmtiyazat. . 1179.

² . . ., 1880.

³ . . . 1. ., 2006. . 154.

⁴ . . 153–154.

рамках дипломатических отношений, принятых в исламском мире. С европейскими же правилами им пришлось столкнуться не в конце XVIII в., а почти на век раньше. Их победоносная экспансия в Европе была остановлена, и начался, как определяется в турецкой историографии, так называемый «период отступления» («риджат деври»)¹. Начало этого периода взаимоотношений с Европой было ознаменовано Карловицким миром в 1699 г.

В османском правительстве тогда не было еще, правда, специальной структуры, отвечающей за внешние связи. Ими продолжала заниматься канцелярия реис уль-куттаба, но руководитель ее стал уделять этой сфере гораздо большее внимание². К внешнеполитическим делам привлекаются и другие высокопоставленные деятели османского правительства. Так, по спорным вопросам с российскими послами П. А. Толстым и И. И. Неплюевым вели переговоры капудан-паши, имевшие для этого специальные поручения. И главное, у Порты не было постоянных посольств в других странах, но перечисленные в предыдущих главах множество посольств, направлявшиеся в первое тридцатилетие XVIII в. в Европу с явно информационно-разведывательными целями, держали османское правительство в курсе всех проблем европейской политики. Более того, Османская империя сама стала предлагать Европе союзные отношения. Это было внове для османской внешнеполитической практики. Напомним, что во время пребывания шведского короля Карла XII на османской территории, когда по всей Европе прокатились слухи о союзе шведского короля с Османской империей, переводчик Порты А. Маврокордато на запрос П. А. Толстого ответил, что такие союзы не приняты в османской внешней политике. На этом же обманулась и шведская дипломатия, рассчитывая на турецкие обещания о совместных действиях в войне с Россией.

---

¹ Tarih, T. III. Istanbul, 1931. . 253.

² ... . 388.

Накануне войны с Россией 1735–1739 гг. Османская империя вела себя совсем по-иному. Она сама искала союзов, посредников, обращалась ко всем европейским монархам, надеясь не допустить ее начала.

* * *

Чтобы почувствовать настроение, бытовавшее тогда в османских правящих кругах, обратимся к османскому источнику, о рукописи которого мы говорили во введении к данной книге.

Прежде всего исправим те ошибки, которые были допущены при его описании в каталоге тюркских рукописей, составленном в 1965 г. Л. В. Дмитриевой, А. М. Мигуновым, С. Н. Муратовым под редакцией академика А. Н. Кононова. Там говорится: «Сочинение... представляет собой отчет о совещании представителей Турции, Египта и Сирии по вопросам русско-турецких и австро-турецких отношений в период войны 1711–1713 гг., которую вела Россия в союзе с Австрией, Польшей и Венецией против Турции. Война завершилась в 1713 г. Прутским мирным договором, по которому к Турции отходил Азов. Вопросы об Азове, Астрахани, Прутском мирном договоре и последующих событиях 1126/1714 г. и явились содержанием описанного в отчете совещания»¹. Исторические неточности, имеющиеся в этом тексте, очевидны: война велась тогда между Россией и Османской империей, а не теми странами, которые перечислены в «Описании». Коллективное антитурецкое выступление этих государств, так называемая «Священная лига», имело место, но относилось оно к 1684–1699 гг. Дата войны, завершившейся Прутским миром, 1710–1711 гг. Сам Прутский мир был подписан в 1711 г., а не в 1713 г.

Датируют авторы «Описания» эту рукопись не ранее 1126 (1714) г. Этот вывод был сделан, очевидно, на основании

1

Л. В. Дмитриева, А. М. Мигунов, С. Н. Муратов, 1965. С. 190–191.

называющей эту дату приписки, более поздней, чем сама рукопись, имеющейся на свободном от текста листе 1а.

При первом знакомстве с рукописью, занимаясь тогда изучением истории русско-турецких отношений начала XVIII в., я также приняла эту датировку, предположив, однако, что в рукописи речь идет о событиях, связанных с началом войны Османской империи с Венецией (1714), когда османским властям было важно уяснить будущие позиции бывших союзников Венеции по антитурецкой Священной лиге, т.е. Австрии и России, о которых и идет речь в данном сочинении¹. Дальнейшее знакомство с этим текстом показало иное.

Речь в нем идет о русско-турецкой войне, начавшейся в 1735 г., и возможном вступлении в эту войну Австрии, имевшей с Россией союз, заключенный в 1726 г. События подаются следующим образом: излагается разговор трех лиц – египтянина, сирийца и представителя Высокой Порты. Термин Высокая Порта написан с явной ошибкой. Если исходить из написанного, то получается не Баб-и Али, а что-то вроде Бабили (пропущена буква, и слово можно понять как вавилонянин). Однако контекст, сочетание со словом хюкюмет (правительство) и неоднократная замена его в тексте на Девлет-и Алийе, Великое государство, т.е. Османская империя, заставляет предполагать здесь простую опisku. Итак, три человека обсуждают международные отношения, которые оценивают по-разному, спорят, даже ссорятся по этому поводу. Жителей России и Австрии они называют московлу и немче. Констатируют, что Россия начала войну с османцами, хотя до этого у нее с османским государством был мир, вследствие которого не сразу, но была уточнена граница владений двух государств, после чего «дружба, установившаяся между османами и Москвой, продолжалась несколько лет» (л. 2 об.).

---

¹

Далее вспоминают и о том, что после длительного периода «походов и сражений» османцы и немцы также подписали мир и свои подписи скрепили печатями и клятвами, соответственно отвечающими требованиям мусульманской и христианской религий (л. 2, 2 об). В дальнейшем, однако, между москвитами и немцами был заключен союз (ittifak), направленный, как подозревали собеседники, против османцев. Возмущаясь таким вероломством, собеседники пытаются предположить, как могут сложиться отношения между этими тремя государствами (т.е. Россией, Австрией и Османской империей) в условиях уже идущей османороссийской войны.

Москву обвиняют, что она нарушила Прутский мир, который ею в свое время был подписан «со слезами и кровью сердца». Она забыла свои обязательства, просьбы, мольбы о спасении и слезы (л. 15). Этот фрагмент текста невольно вызывает в памяти приведенную во второй главе нашей книги (сноска 90) оценку позиции России, данную в разговоре с Тальманом кетхудой великого везира Османом Халисой. Русский посол сообщает, что, по свидетельству того же Тальмана, Осман эфенди говорил далее, что Россия стала «зело несносна». «Припомнила бы прежнее свое бесчестие, а наипаче Прутское дело иметь им быть беспрестанно перед глазами, а не возноситься»¹.

В рукописи представитель Высокой Порты почти в тех же словах осуждает Москву, которая своим нарушением былой договоренности о мире показала себя «злодеем, осуждение которого предписывают все религии». Выступление против нее необходимо, это будет «мстью мусульман и долгом всех османцев» (л. 15 об.). Пока же, как констатируется, успех на стороне России. Ее войскам удалось взять Азов (л. 15), что, как мы знаем, произошло в мае 1736 г.

Говоря о русско-турецких отношениях, собеседники вспоминают прежде всего Прутский мир 1711 г., хотя позд-

---

¹ .. . 108.

нее договора с Россией заключались еще не раз – в 1712, 1713, 1720, 1724 гг. Именно условия Прутского мира, по мнению османской стороны, соответствовали действительной расстановке сил между двумя государствами. Россия после него воспринималась страной побежденной, неопасной. Войны с ней не боялись. Соглашения с Россией, заключенные после Прутского договора, собеседниками воспринимались лишь как такие, которые «определяли и укрепляли границу», а не затрагивали самой сути отношений.

Далее обсуждается вопрос об отношениях Османской империи и Австрии, союз которой с Россией гораздо более волнует собеседников, чем сама Россия, и расценивается как антиосманский акт. В тексте разбираемого сочинения подчеркивается, что этот союз не был просто юридическим актом, он уже стал реально действующим (л. 10). Выполняя его предписание, «московская царица помогла цесарю против французов» (л. 23). Естественно, собеседников занимает вопрос, возможно ли такое же военное союзничество Австрии с Россией в уже идущей антитурецкой войне. Не будет ли австрийское правительство, в благодарность за недавно полученную помощь против Франции, обязано включиться в эту войну. Собеседникам известно, что австрийский цесарь предложил свое посредничество для заключения мира между Россией и Турцией, а потому обсуждался вопрос, следует ли этим посредничеством воспользоваться (л. 19).

Конкретика, которая анализируется в тексте, свидетельствует о хорошем знании собеседниками происходивших тогда в Европе событий, так что к австрийскому предложению о посредничестве они вначале отнеслись весьма сдержанно. Зная о союзе между Австрией и Россией (1726) и о мирном договоре Австрии и Османской империи (Пожаровецком, 1718), они пытаются уяснить, какой из договоров австрийское правительство сочтет для себя более важным и почему это двойственное положение могло сложиться. Отсюда, естественно, разговор переходит на выяснение принципов тогдашних международных отношений в Европе,

или, как говорят собеседники, среди христианских государств. В связи с этим особое значение приобретает состав участников беседы. Они характеризуются как «обладающие знаниями арбитры от двух стран, являющихся ревностными приверженцами Османской империи», а именно Египта и Сирии, а также представитель Высокой Порты (л. 1 об.). Любопытно, что сириец заявляет о себе как о знатоке религии христианских народов и обычаев христианских государств (л. 3 об.). Эти качества признает и Высокая Порта, представитель которой подчеркивает, что сириец (шами) «хорошо знает качества христианских государств, души христианских народов, понимает суть отношений немецкого и московского монархов, а также в курсе последних событий между Москвой и османцами» (л. 18). Он, следовательно, выступает здесь как консультант по европейским делам. Египтянин же объявляется знатоком мусульманского права и традиций (18 об.). Их дискуссия, сопоставление точек зрения должны помочь Порте найти истину, «двумя глазами посмотреть на дело» (31 об.).

Далее разбираются различные варианты возможного развития событий. В этом обсуждении лидирует сириец, который считает возможным три варианта – Австрия будет помогать России в войне; сама начнет военные действия против османцев; попытается установить мир между Россией и Османской империей. Уточняя мысль сирийца, представитель Порты специально подчеркивает, что в данном случае проблема не ограничивается двумя вариантами – или мир, или война (л. 17), т.е. он принимает во внимание возможность дипломатического решения конфликта. И это знаменательно. Ведь мы уже писали о том, что после Карловицкого мира в отношениях с европейскими странами, как отмечал еще П. А. Толстой, османы «политику познали и возлюбили»¹, а, следовательно, стали стремиться приобщаться к использованию принятых в европейской среде

---

¹ , . 89, 1703, . 2. . 252.

норм и правил дипломатии. Дискуссия же по этому поводу возникла потому, что в исламской практике международных отношений не существовало такого понятия, как договор (т.е. взаимные обязательства друг перед другом). Рассматривая, согласно исламским канонам, земли христиан как дар уль-харб, т.е. страну войны, османские правители знали с ними лишь соглашения о перемириях либо торговые капитуляции, пожалованные султанами. Если же намечалось в той или иной форме какое-то сотрудничество с другими странами (чаще всего военное), то османская дипломатия рассматривала его не как взаимные обязательства, а как отношения типа вассальных, когда Османской империи за военную помощь (или ненападение) платили дань, чаще всего в денежной форме. Именно так воспринимались отношения с Францией, приведшие в середине XVI в. к дарованию ей первой капитуляции. Как данники в османских источниках называются в отдельные периоды не только Франция, но и Священная Римская империя, Польша и др., не говоря уже о России, которая платила дань не самой империи, а ее вассалу крымскому хану. Считалось, что лишь покорностью и уплатой подати неверные могут купить мир с мусульманами¹, стать не дар уль-харб, а дар уль-сульх (т.е. не страной войны, а страной мира).

В анализируемом нами сочинении звучит новый подход к проблеме. Сириец поясняет, что «союзы между правителями христианских государств – это их обычай». «Бывают ситуации, когда два государства, враждуя между собой, оба поддерживали дружеские отношения с третьим. А это третье может помогать обоим враждующим государствам одинаково» (л. 4). Недоумения по этому поводу, высказываемые его оппонентами, сириец объясняет лишь их незнанием «обычаев государств и политики владык» (4 об). Египтянин, апеллируя к исламской практике и шариаду, всячески пытается обвинить Россию и Австрию в веролом-

---

¹ Inalcık H. İmtiyazat. . 1179–1189.

стве, хитрости и явном намерении неожиданно для османцев начать с ними войну. Начинается бурная дискуссия, в ходе которой представители Порты и Египта анализируют некие жизненные ситуации, касающиеся трех лиц, условно названных ими Амр, Зейд, Бакр, которые, с их точки зрения, напоминают отношения России, Австрии и Османской империи. В этой дискуссии много эмоционального, апелляций к здравому смыслу. Нарушения клятвы и дружбы объявляются «поступками, осуждаемыми народом и богом», а то, что сириец считает «христианскими обычаями» – противоречащими «общечеловеческим отношениям», нарушением правил, «которые должны соблюдаться даже животными» (л. 5–7 об.).

В тексте не раз подчеркивается смелость сирийца, который в, казалось бы, самой проигрышной ситуации продолжает отстаивать христианскую точку зрения, пытаясь разъяснить ее своим собеседникам, т.е. автор явно находится на стороне сирийца.

Антихристианский пафос египтянина и старание всячески возвеличить исламские традиции межгосударственных отношений приводят его к забвению тех исламских предписаний, касающихся сходных событий, когда соображения выгоды и государственные потребности (как их понимали правители) брали верх и над ранее данными обещаниями и клятвами, в нарушении которых наши собеседники обвиняли европейцев. Напомним, например, классический пример, на который ссылался Кятиб Челеби, оправдывая фетву шейх уль-ислама Эбуссууда эфенди, данную им перед завоеванием Кипра (1567). Там говорилось, что мирный договор с Венецией не является препятствием для начала новой войны. Объяснял он это прецедентом из жизни Пророка, который заключил мирный договор с жителями Мекки на десять лет (о чем было дано ахд-наме), но через два года Мекка была завоевана¹. Очевидно, что здравый смысл и

1

клятвенные обещания не всегда работали и в исламском и христианском мирах.

В конкретно обсуждаемом случае российско-австрийско-османских отношений у собеседников проскакивают характерные для османской политики предшествующего периода воинственные нотки. Особенно явно это звучало у египтянина: «Османское государство готово к войне и естественно тянется к ней» (л. 19 об.)... «мусульманские государства всегда побеждают», «... разве это легенда, немецкие цесари платили... деньги в казну нашего государства» (л. 24 об.). Однако общий тон обсуждения миролюбив. Все участники обсуждения подчеркивают: «Мир всегда предпочтительнее войны» (сириец, 18 об.), османское государство «не должно отказываться от справедливого мира, и надо принять дружеское посредничество цесаря с большой благодарностью» (египтянин, 19 об.), «мир – это хорошая и нужная вещь. Народ будет доволен» (представитель Порты, л. 20 об.). И общий вывод из всех рассуждений: «Умный человек без причины не выберет путь войны» (л. 26). Все это свидетельствует о том, что в своих внешнеполитических устремлениях «единственная подлинно военная держава средневековья» явно меняла свою ориентацию.

О миролюбивых высказываниях в султанском окружении не раз сообщали и русские послы И. И. Неплюев и А. А. Вешняков, но они, желая войны с Турцией, комментировали их как турецкие хитрости, желание обмануть и т.п. Судя по анализируемому нами источнику, можно утверждать, что настрой на мирные отношения с соседями, на заключение мира с Россией действительно присутствовал в османских правящих кругах. Автор этого сочинения явно происходил из самых верхних слоев османской элиты. Он был хорошо осведомлен о европейских делах. Так, в сочинении упоминаются Прагматическая санкция Карла VI и перспективы наследования австрийского престола (л. 23, 26 об.), разбирается родство царствующих домов России и Австрии (л. 16–16 об.), проблемы, связанные с притязанием

Августа III на польский престол и участием Франции в войне за польское наследство (л. 23), высказываются надежды на возможное привлечение недовольного австрийской властью венгерского и славянского населения Священной Римской империи на османскую сторону (л. 29 об.).

Австрийский цесарь, как отмечено в памфлете, является «между христианами самым крупным государем» (л. 22 об.), «его слова имеют вес для других владык» (л. 19). Потому-то там делается вывод, что и переговоры с Россией при его посредничестве могут быть успешными.

Известно, что австрийский посол М. Тальман¹ весной 1736 г. действительно поставил перед Портой вопрос о возможном посредничестве его страны в русско-турецком конфликте. Суть этого австрийского предложения официальный османский хронист Мехмед Субха передает в выражениях очень близких к разбираемому нами сочинению: «У нас [австрийцев] дружба с османцами, однако, и Россия наш союзник в войне и мире, а потому, в случае войны мы должны воевать вместе. Если османское правительство этим недовольно, давайте обсудим вопрос о достойном мире»².

Проблема посредничества и возможных условиях мира широко обсуждалась в османских правительственных кругах. Султанское правительство согласилось на австрийское посредничество, хотя предложение выехать к армии везира, остановившейся у Бабадага на Дунае и, как известно, в 1736 г. так и не начавшей военные действия, было сделано и послам Англии и Голландии. Возможно, правда, оно было отправлено не столько из-за собственных турецких колебаний в выборе посредника, сколько потому, что сам Тальман первоначально говорил о таком тройном посредничестве. В конце концов для мирных переговоров с Россией была создана по султанскому хатт-и хумаюну (рескрипту) пред-

---

¹

..

), 1977.

² Tarih-i Sami ve akir ve Subhi Istanbul, 1198 (.). . 95 .

ставительная делегация в составе известных тогда османских государственных деятелей: реис уль-кюттаба Мустафы эфенди, рузнамчи Мехмеда-бея, мектуби Рагиба и силахдар кятиба Йермисекиз Челеби-заде Саида Мехмеда эфенди¹. Провести мирный конгресс, после того как отпали предлагаемые ранее города Очаков и Сороки, решили в небольшом приграничном местечке Немиров, куда в апреле 1737 г. и выехала турецкая делегация.

Проблема австрийского посредничества стала волновать османские власти не ранее апреля–мая 1737 г. Очевидно, именно тогда и было написано разбираемое нами сочинение. Когда было решено принять австрийское предложение и начать мирные переговоры, вопрос был решен, и обсуждать эту тему было уже не актуально. Так мы уточняем возможные временные рамки написания памфлета.

В турецких правящих кругах инициатором мирных переговоров выступал ближайший помощник великого везира кетхуда Осман Халиса эфенди. За них ратуют и собеседники разбираемого нами сочинения. Очевидно, что его автор был среди тех, кто поддерживал этого государственного деятеля, находился в его окружении. Заканчивается рукопись словами, что участники разговора передадут мнение, сложившееся в результате обсуждения, Дивану (л. 66), т.е. текст предназначался для распространения в правительственных кругах.

Разбираемое нами сочинение интересно для изучения тогдашних настроений в османских правящих кругах и с несколько иных точек зрения.

Наиболее близким к нему по форме и содержанию является еще одно известное сочинение того времени. Его опубликовал турецкий историк Ф. Р. Унат². Датируют его обычно 1718 г. Это тоже памфлет, в котором излагается разговор мусульманина с неким безымянным «христианским

---

¹ .: Uzunçar ılı G.H. Osmanlı tarihi IV/l. Ankara, 1956. . 259.

² Unat F.R. Ahmed III devrinde ait bir islahat takriri // Tarih vesikalari, Ankara, 1941. T. 1. . 107–121.

офицером» о причинах неудач Османской империи в только что закончившейся тогда войне с австрийскими Габсбургами. Турецкий историк Н. Беркес писал, что в этом сочинении «содержатся в зародышевой форме дебаты всего XVIII в. о реформах» в османском обществе и возможных заимствованиях им европейских достижений¹.

О памфлете 1718 г. существует большая литература, что вполне справедливо, так как именно в нем впервые в османской публицистике проявился интерес к состоянию дел в христианских странах. Ранее османское общество было «традиционалистским по своей внутренней жизни, герметически закрытым от связей с Западом... считавшим себя более высоким, чем христианское общество»². Потому-то все преобразования, которые осуществлялись в Османской империи на протяжении второй половины XVI, XVII и начала XVIII вв. оценивались османским общественным мнением как некое возвращение назад, в «золотой век» Селима I Явуза и Сулеймана I Кануни. Огромная памфлетная литература того времени (рисале, или так называемые «дидактические трактаты»)³, говорившая о необходимости исправить общество постановлениями сверху, а потому адресованная султанам (или их приближенным для докладов тем же султанам), всю свою критику недостатков, злоупотреблений, вредных нововведений, считавшихся харам, т.е. недозволенными с точки зрения шариата, сводила к призывам восстановить былые порядки и справедливость и тем вернуть стране время благоденствия, славы и побед. Известно, что после Сулеймана I Кануни (1520–1566) османские султаны не издавали больше канун-наме (законоположение), а ограничивались адалет-наме (указами справедливо-

---

¹ Berkes N. The Development of Secularization in Turkey. Montreal, 1964. . 30.

² Tüncel M.B. L'influence de "Lumières" sur l'Empire Ottoman // Turcica, Paris-Strasbourg, 1969, 1.

³

сти)¹, призванными не создавать что-то новое, а сохранять и восстанавливать утрачивающие со временем четкость государственные порядки и дисциплину. Теперь же (сочинение 1718 г. доказывает это) появился интерес к окружающему миру и современным новшествам.

Конечно, знания о Европе накапливались в османском обществе постепенно. Так, один из авторитетнейших культурных деятелей середины XVII в., «величайший полигистр османов, знания которого распространялись на все мыслимые области»², знаток арабо-персидско-турецкой литературы Кятиб Челеби (известный также как Хаджи Халифа) уделял большое внимание и изучению европейской культуры и литературы, привлекая как переводчика бывшего французского монаха, принявшего ислам, шейха Мехмеда Ихласи³. Географическое сочинение Кятиба Челеби «Джихан-нума» В. В. Бартольд считает первой попыткой сопоставить данные европейских и мусульманских наук, причем подчеркивает, что в европейской географической литературе в это время таких произведений не было⁴. Некоторые работы Кятиба Челеби еще во второй половине XVII в. переводил секретарь французского посольства А. Галлан⁵. Французские и венецианские дипломаты, проявляя большой интерес к Османской империи, не только находили для себя информаторов в османской среде, но и во многом способствовали тому, что знания об их странах исподволь проникали в стамбульское придворное общество. Интерес французских дипломатов к Османской империи был тогда

---

¹ Inalcık H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // Archivum Ottomanicum, I. Leiden, 1962.

² Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz. 1937. . 196–197.

³ . . 4. . – ., 1957. . 601, 615. //

⁴ . . 6. ., 1960.

⁵ . 104.
.: Wurm H. Der osmanische Historiker Hüseyin B. Ga'fer, genant Hezarfenn und die Istanbuler Gesellschaft in der zweiten Hälfte der 17 Yahrhundert. Freiburg im Breisgau, 1971. . 85–86.

официально поощряем из Парижа, в частности такие распоряжения давал руководитель французской внешней политики Ж. Б. Кольбер. Работники посольства собирали тогда в Стамбуле восточные рукописи, составляющие в настоящее время основу богатейшей восточной коллекции французских архивов. Из стажеров посольства вышли известные французские востоковеды¹. Французские дипломаты, как явствует из их донесений, традиционно имели особенно многочисленных информаторов из среды османского общества, где, так же традиционно, Франция воспринималась как друг Османской империи. Об этом неоднократно сообщали французские послы конца XVII в. Нуантель² и Гийера³, а турецкий автор того времени, Х. Хезарфен, тесно общавшийся с французскими дипломатами, говорил о своем желании в будущей жизни стать французом, что для мусульманина более раннего времени было немыслимым⁴ и свидетельствует о новом настрое самих османцев. Наиболее известное сочинение Х. Хезарфена «Телхис эль-беян фи каванын-и ал-и осман» («Краткое изложение законов османской династии») сохранилось во многих европейских архивах. Очевидно, автор сам передал его европейским дипломатам, интересовавшимся внутренней структурой османской империи. Сведения из этого сочинения явно были заимствованы ими для их донесений своим правительствам⁵, а также дали материал для первых научных трудов о струк-

¹ .: Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient au XVIIe et XVIIIe siècles. T. 1. P., 1902. . 27; Joujet C.P. Mémoires historiques et littéraires sur le Collège Royal de France. T. 3. P., 1758.

² Vandal A. Odyssée d'un ambassadeur. Les voyages du marquis Nointel (1670–1680). P., 1900.

³ Mantran R. Monsieur de Guilleragues, ambassadeur de France à Constantinople et le commerce français du Levant // Varia Turcica, III, Istanbul-Paris, 1986. . 59–72.

⁴ Wurm H. Der osmanische Historiker... . 122.

⁵ . . . XVII .

//

туре Османской империи, опубликованных на Западе¹. При всем этом, однако, отношение официальных османских властей к иностранным послам, даже наиболее дружественно настроенным, как, например, к тем же французам, не всегда было ровным. Так, во время Кандийской войны (1645–1669) прошел слух, что некие французские отряды воюют на стороне венецианцев, после чего в Порте наблюдался всплеск антифранцузских настроений. Посол Нуантель в связи с этим был уже во время первой аудиенции подвергнут унижениям и затем до самого конца своего пребывания в Стамбуле (1679) ни разу не был приглашен к султанскому двору². Та же ситуация была и с находившимся при султанском дворе с 1699 по 1710 г. Ш. Ферриолем, но он сам отказался снять шпагу перед аудиенцией у султана, покинул дворец и ни разу после этого не получал аудиенции³. Это, однако, не мешало французскому послу активно участвовать в тех дипломатических интригах, которые плелись тогда в Стамбуле и были направлены на разрыв мирных отношений между Россией и Турцией⁴. Любопытное наблюдение по этому поводу высказал П. А. Толстой: «Французы обыкли терпеть обиды от турок, взаимно и турки от них терпят так же»⁵.

Взаимный франко-османский интерес базировался на общей вражде с Австрией и давних торговых связях, но дипломатическая корректность явно не соблюдалась ни с той ни с другой стороны. В этом плане значительный шаг на встречу друг другу был сделан во время пребывания в

¹ „ : [ ]

... 1–2. 1737.

² Vandal A. *Odysée d'un ambassadeur...* . 338–339.

³ [. – .]

// , LI. 1955, 6. . 96–99.

⁴ XVIII . (1700–1706) // , 1959. . 65;

XVIII . . 82–89.

⁵ . . 86.

Стамбуле французского посла маркиза де Боннана (1716–1724). По мнению турецкого историка Ахмеда Рефика, посол не только успешно выполнял свои обязанности, но и сумел стать близким другом великого везира Ибрахима-паши Невшехирли¹. Не случайно именно тогда было направлено в Париж то необычное посольство Йермисекиз Челеби Мехмеда эфенди, которому было поручено «разузнать о средствах цивилизации и образования Франции и сообщить о тех, которые можно применить [в Османской империи]»². Посольское сефарет-наме³ стало, по сути дела, книгой для чтения⁴, явно расширявшей кругозор османского общества. Само же по себе оно явилось первым собственно османским «опытом показа достижений европейской науки и культуры»⁵. При этом знания эти были приобретены не из книг (как у Кятиба Челеби), а в результате личного ознакомления, и касались тех сфер незнакомой османцам жизни, где могли найтись примеры для собственных внутренних преобразований.

И разбираемый выше памфлет 1737 г., и документ 1718 г., и сефарет-наме 1720–1721 гг. – все это свидетельства нового интеллектуального настроения османского общества. Авторство посольского отчета известно. Два же других сочинения предстают перед нами как анонимные. Происхождение сочинения 1718 г. исследователи связывают со средой эмигрантов-протестантов из Венгрии и Франции, нашедших убежище в османском государстве. В это время там находился Ференц II Ракоци, руководивший в 1703–1711 гг. анти-австрийским восстанием венгров, а после его разгрома ук-

¹ Refik Ahmet. Tarih simalar. Istanbul, 1331 (. . .). . . : . . . 68.

² . . . 69.

³ . . . : Relation de l'Ambassade de Mohammed Efendi (texte turk). P., 1841. . . .

(. . .) 1720–1721 .) // . . . , 1976, 4. . 123–128.

⁴ . . . . . 74.

⁵ . . . (. . . XVIII – . . .). . . , 1985. . 31.

рывшийся на турецкой территории. Есть сведения о том, что именно князю Ракоци великий везир Али-паша (1713–1716) предлагал создать в рамках османской армии корпус регулярных войск из христиан и мусульман, для руководства которым венгерский князь и был приглашен в империю¹. Исследователи отмечают близость некоторых мыслей сочинения 1718 г. идеям, высказанным Ф. Ракоци в его наставлении сыновьям, написанном примерно в это же время².

В настоящее время точка зрения, что памфлет 1718 г. исходит из среды иностранцев, выступавших во втором десятилетии XVIII в. консультантами османского правительства в деле реорганизации армии, считается общепринятой³. Среди иностранных консультантов, глубже всего вошедших в османское общество, был Ибрахим Мютеферрика (1674–1745). И. И. Неплюев писал о нем в 1725 г., что этот «эфенди, который был прежде венгренин и с молодых лет обасурманился», подал кяхье великого везира свое сочинение, в котором, наряду с другими вопросами, описал, что «нужно регулярное войско и какое оно оное плод принести может»⁴. А. В. Витол сопоставил сочинение 1718 г. с трактатом, написанным Ибрахимом Мютеферрикой – «Основы мудрости в устройстве народов»⁵, и пришел к выводу, что между этими

¹ .: Horn E. François Rákóczi II Prince de Transylvanie. P., 1906. . 372; . . . 52.

² Rákóczi F. Reflections sur les principes de la vie civil et la politesse d'un chrétien // Testament politique et morale du Prince François II Rákóczi. Budapest, 1984. . . .

XVIII . . 176–177.

³ . . . 86–99; . . .

... . 175–178.

⁴ , 1725, . 6. . 49; . . .

XVIII – XIX .

// . 6. ., 1980. . 55–56; . . . 177.

⁵ brahim Mutaferrika. Usul al-hikam fi nizam al umam. Istanbul, 1144 (. .).

сочинениями есть не только сходство взглядов, но и текстуальные совпадения. Это позволило ему сделать предположение, что, возможно, обе работы вышли из-под пера одного автора – Ибрахима Мютеферрики¹, прославившегося еще и тем, что он стал турецким первопечатником².

Итак, османское общество через посольские отчеты и сочинения европейских ренегатов и эмигрантов к 30-м годам XVIII в. было знакомо со многими сторонами европейской жизни и начинает понимать необходимость изменений в своей управленческой структуре и особенно в армии. В конкретной политике, государственном и военном строительстве эти знания только начинают использоваться. В военной сфере это вылилось в создание корпуса бомбардиров (хумбараджи), обучавшегося и организованного по европейскому образцу (1732), и военно-инженерной школы (1734). Эти новшества были связаны с уже упоминавшимся ранее А. К. Боневалем. Ему были предоставлены плацы, бараки и мастерские, набрано «магметан... три тысячи человек» для обучения «военному регулу» ренегатами-французами³.

Разбираемое нами сочинение 1737 г. также свидетельствует о новом общем настрое османского общества – нельзя игнорировать успехи европейской цивилизации. Осман-

1144

1730 . . . . .

1777. . . . .

« . . . . . » (« . . . . . ») //

. 121–154. . . . . 1976–1977. . . . . 1984.

¹ . . . . . 94, 121.

² . . . . . (1729–1908). . . . . 1972; . . . . . 1973.

³ . . . . . 178–180.

ские правящие круги поняли к тому времени, что дипломатия – особое искусство, которое может решить спорные международные вопросы: в частности, в начавшейся войне следует принять посредничество Австрии для скорейшего достижения мира. По форме этот текст близок к другим распространявшимся тогда сочинениям, сравнивающим европейские и османские порядки. Консультантом наших собеседников выступает сириец как знаток Европы и христианства. Это, кстати, не оригинально. Известна политическая брошюра французского посла Фериоля «Мюкаммати мыси ве шами» – разговор египтянина-мусульманина и сирийца-христианина¹. Очевидно, наш автор заимствовал эту готовую форму, но наполнил ее новым содержанием, касающимся периода середины 30-х годов. Французская подсказка относительно Сирии была неслучайной. Именно там в это время особенно активно работали французские миссионеры, а весь Левант был той территорией, откуда издавна шел основной торговый поток во Францию. Франции было выгодно, чтобы сведения о состоянии дел в Европе поступали от христиан именно этого региона.

Главное же отличие сочинения 1737 г. от других похожих по форме и содержанию публицистических произведений этих лет состоит в том, что оно пыталось решить конкретную дипломатическую задачу, стоявшую перед османским правительством – принимать ли австрийское посредничество в переговорах о мире с Россией и можно ли верить Австрии при таких условиях. Следовательно, перед нами не умозрительные соображения о необходимых стране реформах, а некая самостоятельная попытка усвоить европейскую дипломатическую практику и решить свои проблемы новыми, европейскими, методами. Попытка эта оказалась неудачной, что будет показано нами в следующей главе. Пока же отметим, что согласие османского правительства на австрийское посредничество и надежда на ско-

---

¹ . . .

рое заключение мира с Россией привели к началу русско-турецких переговоров в тогда польском городке Немиров.

Знаменательно то, что собеседники разбираемого нами сочинения провозглашают необходимость мира между христианскими и исламскими странами и заявляют, что этот мир надо беречь (л. 32–32 об.). Это новая установка для внешней политики Османской империи и явная попытка вхождения в европейскую систему международных отношений. Даже для России, с которой тогда шла война, собеседники в ходе обсуждения находят довольно объективные оценки. Начав с явной враждебности, провозглашая, что Москва настолько вероломна и непонимающа, что говорить с ней о мире все равно, что «дебатировать с полоумным женским народом о науках геометрии, техники и логики» (л. 38), они в конце концов соглашаются, что «все не так просто» (л. 23), за странами стоят силы, которые сталкивают их и подстрекают к войне (л. 16, 23 и др.).

Эти выводы базируются на анализе конкретного развития отношений с Россией, пограничных конфликтах, данных о взаимном ущербе (см. л. 38 об. – 64). Отношения, как в итоге соглашаются собеседники, нарушались с двух сторон (л. 60 об.). Причиной стычек бывали, как правило, «местные события, в которых ни то ни другое государство заинтересовано не было» (л. 60 об.). С турецкой стороны виновником конфликтов признается «беспощадный, суровый, мстительный народ татары» (л. 42 об. – 43), с российской – казаки и калмыки, «воры и разбойники, не подчиняющиеся никакой власти» (л. 43 и след.). Много внимания уделено кабардино-черкесским делам, которые волновали в это время оба государства (см. л. 51–57 об.). Из всего этого можно сделать вывод, что османская сторона не хитрила, как уверяли российские послы, а действительно хотела мира с Россией и была готова к переговорам.

ГЛАВА IV

НЕМИРОВСКИЙ КОНГРЕСС – АПОФЕОЗ ВЗАИМНЫХ ОШИБОК

Как констатировал А. Кочубинский, у России была «неудачная увертюра и первый год войны»¹. Успешно начинавшиеся военные действия дважды завершались тем, что взятые было места русские войска вынуждены были оставлять и возвращаться на границы с «почти разоренной армией»². Причина этого – совсем не противодействие противника, а непривычный климат, отсутствие воды, фуража, болезни, неумение организовать военную кампанию в степных условиях, отсутствие карт местности и даже представления о тех расстояниях, которые армиям предстояло преодолеть. По образному выражению современного историка Н. Петрухинцева, главным противником России тогда были не турецкие и татарские части, а пространство – обширный пояс девственной маловодной степи. Об этот «степной барьер» и разбивались все усилия регулярной, по-европейски организованной армии³. К новому геополитическому разграничению в Юго-Восточной Европе Россия пока еще не была готова. Недаром, уже планируя эту войну, российские власти свою внешнеполитическую позицию определяли, прежде всего исходя из возможности получить союзника в борьбе за реванш петровского поражения на Пруте. Союзная помощь России явно требовалась. Уже с ян-

---

1

... . 197.

2

. . 163.

3

// , 1998, 5–6. . 63–

64.

варя 1736 г. Остерман стал настойчиво напоминать австрийцам об их обязательствах по договору 1726 г.¹

В Австрии, обессиленной только что закончившейся французской войной, внутренними проблемами, видящей своей главной дипломатической целью признание Европой Прагматической санкции, отношение к новой войне было неоднозначным. Не было денег, сказывались трудности с формированием армии, но там также были силы, считавшие, что для османов наступил роковой час, что они будут не в силах сопротивляться соединенным силам Австрии и России, что долг «католического государя – истребить турок, как врага христианства»². Очевидно, именно эта убежденность в необходимости очередного крестового похода против турок как естественной задаче европейской цивилизации владело и российскими немцами, и другими европейскими выучениками, направлявшими политику России в царствование Анны Иоанновны. Увлечение Петра I морем (очарование морскими южными просторами, ставшими доступными после взятия Азова, строительство флота, личное участие царя в морском походе до Керчи при проходах миссии Е. И. Украинцева в Стамбул) было взято как руководство к действию. Между тем Петр не был столь односторонне направлен: он смог, по соображениям политической целесообразности, переключить свою политику с южного направления на Балтику, заинтересовался Каспием, в Европе не связывал себя с каким-либо одним противостоящим блоком, пытался вести дела и с Австрией и Францией, возглавлявшими тогда борющиеся коалиции. У немецких «птенцов гнезда петрова» не было такой широты взглядов, и они хуже чувствовали тогдашние возможности и потребности России.

---

¹ ... . 143–145.

² de Keralio. Histoire de la guerre des Russes et des Impériaux contre les Turcs en 1736– 1739. P., 1780. Т. 1. . 87; ... . 174. (. 163) ,

Желая оттянуть начало военных действий и, в то же время, контролировать российские дипломатические усилия, австрийские власти посчитали выгодным для себя предложить посредничество в урегулировании османороссийского конфликта.

Напомним, что посредничеством нейтральных послов морских держав – Англии и Голландии – Османская империя впервые вынуждена была воспользоваться при заключении со странами Священной лиги Карловицкого мира. Затем этой же услугой она пользовалась при переговорах о мире с Россией в послепрутское время (в 1712–1713 гг.), при заключении Пожаревацкого договора с Австрией (1718) и русско-турецкого договора об иранском разграничении 1724 г. Следовательно, в первой трети XVIII в. она фактически не заключала соглашений с европейскими странами самостоятельно. Все ее формально двусторонние договоры оказывались под контролем европейского сообщества. Принятие этой традиции сопровождалось вовлечением Порты в европейские дипломатические интриги, а порой и утратой возможности самой диктовать условия своих взаимоотношений с европейскими странами.

Цесарская Австрия, одержав победу над Османской империей и начав превращаться после 1718 г. в балканскую державу, не желала российского продвижения в балканскую сторону. Остерман в своих переговорах с союзниками говорил о возможности расширения австрийских границ в сторону Боснии, но собственные цесарские интересы распространялись и на Валахию, а частично и на Молдавию. Более того, даже российское желание получить Азов М. Тальман (австрийский посол в Стамбуле) пытался свести к наименьшей выгоде для России. Еще до официального объявления войны он уговаривал турок уступить этот район, предварительно разрушив крепость. Остейн же (австрийский посол в России) убеждал Остермана, что расходы

на удержание Азова и Крыма в руках России превзойдут «уповаемую пользу»¹.

Как уже говорилось, при первом заявлении в Порте об австрийском посредничестве (18 апреля 1736 г.) Тальман допускал возможное участие в нем трех послов Австрии, Англии и Голландии, то есть предполагалось поставить проблему русско-турецкого примирения под широкий международный контроль. При этом следует обратить внимание, что сделано это было еще до того, как в Порте было получено письмо Остермана от 12 апреля, которое считается официальным объявлением войны. Посол Венеции в Вене Н. Эрицо расценил эти действия следующим образом: Австрия не отказалась от своих обязательств о помощи России, оценив события 1735 г. как истинное нарушение мира со стороны турок (имеются в виду татарские набеги и проход крымского хана в Дагестан по землям, якобы принадлежащим русскому государству). Тальману было приказано всецело оправдывать поведение России, доказывая, что в связи с татарскими бесчинствами ей необходимо от Порты некоторое «удовлетворение». Порте следует согласиться с этим, так как иначе цесарь, как союзник России, будет поставлен перед необходимостью разрыва отношений с Османской империей. Эрицо сообщает, что вначале, выполняя это указание, Тальман говорил и о жалобах своего двора в связи с пограничными инцидентами на австро-османской границе, но из Вены ему дали указание не затрагивать этой темы, чтобы не помешать туркам избрать посредником именно Австрию как настроенную нейтрально по отношению к развивающемуся конфликту².

Османские власти приняли австрийское посредничество. Морские державы в этом качестве отпали из-за возражения России. Однако по везирскому указу английский и голландский послы были приглашены в везирскую армию,

---

¹ ... . 145.

² ... : *Fontes rerum Austriacarum*, XXII. ... 175–179. ... :
... . 147.

позднее еще было до десятка рескриптов, уточнявших, усиливавших или, наоборот, смягчавших российские предложения.

А. Кочубинский характеризует требования России, изложенные в «Инструкции полномочным министрам», как «мост, переброшенный от идей Петра к восточной политике Екатерины II, катехизис нашей южной политики XVIII столетия: XIX-е привело его к настоящему осуществлению и затем повело дело логически дальше»¹. И еще: «Немиров – грязное местечко подольской губернии, но оно имеет право занять почетное место в истории развития южной политики России, в длинной цепи попыток разрешения великого вопроса, известного под названием Восточного»².

Из этих оценок, по сути своей, как нам представляется, справедливых, можно сделать вывод, что план продвижения России на юг, выдвинутый Остерманом, был долговременной программой, которая никак не могла быть реальной основой для конкретных переговоров о заключении мира в той войне, которая велась с 1735 г.

В Инструкции Остермана, конечно, не было того шапкозакидательства, которое звучало в цитированном уже письме Миниха Бирону и предполагало за четыре года изгнание турок из Европы, овладение Константинополем и утверждение креста на Святой Софии. А. И. Остерман мыслил более реалистично и понимал необходимость для России надежной границы на юге, а потому неизбежность размежевания территории с другой империей – Османской. (Кстати, по наблюдениям Кочубинского, именно Остерман своими рескриптами ввел в официальный русский язык слово империя в женском роде.)

Итак, послам предписывалось требовать, чтобы границами двух империй были, с одной стороны – Кубань, с другой – Днестр. Далее утверждалось, что «постоянное и твердое соглашение о мире» между обеими империями невоз-

---

¹ ... . 211.

² . . 205.

можно, пока кубанские и крымские татары, «сии беспокойные, грабительские народы между обоими государствами в середине будут». Для решения этой проблемы предлагалось несколько вариантов. Первый – «Кубань и остров Крым со всеми народами и жителями передать в вечное подданство всероссийской империи». Это предложение сопровождалось комментарием, что «туркам самим от сих народов не токмо никакой прибыли», но еще и «великие убытки, беспокойства и тягости происходят». И обещанием, «что татары при своих правах и обычаях ненарушимо содержаны будут».

Другой вариант – татары «по желанию» могут выселиться в Турцию: «в самом крайнем случае обещать крымским татарам за их недвижимость однажды завсегда заплатить со 100 и до 150 тыс. рублей, смотря по негоции».

Понимая, что согласие турок на уступку Крыма маловероятно, Остерман допускал и вариант, по которому бы «Крым за турками остался», но хотел добиться того, чтобы татары «оттуда по другим областям турецким, от границы довольно отдаленным, переведены были». Заселить же Крым предлагалось «не природными турками, но другому закону подданные турецкие тамо поселены быть могли».

Принципиально важным было то, что в Инструкции подчеркивалось:

«Дабы туркам всякую опасность отнять», послы должны были обещать, «что в Крыму корабельного военного флота со стороны всероссийской империи содержится не будет» и что будет «туркам в Крыму свободно купечество свое отправлять позволено». И самый последний вариант – Керчь и Еникале оставить за Россией, «чтобы таким образом, хотя малая на сей своевольный народ узда была».

Все вышеизложенное говорит о том, что пока Крым рассматривался российской стороной как желаемый «запрос» с очень малой надеждой на исполнение. Поэтому-то Остерман предупреждал послов: «Из-за татар войны не

продолжать»; и им разрешалось обсуждать любые иные предложения по Крыму.

Как видим, петровская мечта о выходе к теплым морям здесь отражена не была. Главное в планах Остермана заключалось в стремлении обеспечить безопасность южных границ страны.

В особом приложении, предназначенном для Анны Иоанновны, Остерман поясняет, почему не следует «из-за Крыма тянуть войну». Присоединение Крыма неминуемо повлечет за собой новую войну, поскольку не только туркам, но и «многим державам такие завоевания иногда для своей коммерции, а иначе, особливо Франции, чтоб турков не вовсе в бессилие привести, весьма противно». Сам же «остров» потребует «великих иждивений», значительного регулярного войска для своего содержания и строительства новых крепостей. Доходов же от этих «пустых земель» явно не ожидали. Любопытно, что и позже во время первой русско-турецкой войны екатерининского времени (1768–1774) при обсуждении крымской проблемы на заседаниях Государственного совета раздавались похожие мнения: с татар никакие «порядочные подати собираемы быть не могут», а обладание Крымом лишь «возбудит [против России]... общую и небезосновательную зависть и подозрение о беспредельном намерении умножения своих областей»¹.

На чем же настаивалось твердо, так это «воссоединение всей Степи, от Дона до устья Днестра», т.е. всего северного побережья Азовского и Черного морей. Татарам для выгона скота предполагалось оставить твердо оговоренные пастбища за Перекопом. «Перекопскую линию разорить и... никакой фортеции не построить». Крепости по Днестру «в вечное владение российской империи» передать. Уступкой (чтобы «туркам тако же де и прочим ненавидующим державам, всякое опасение о каких иных нам приписываемых дальновидных намерениях отнято было») могло быть лишь

---

¹ .: .

. . 1. ., 1869. . 43–44.

обещание «как выше о Крыме: что морских военных кораблей тамо содержится не будет».

В Инструкции¹, а позднее и неоднократно послами на конференциях с турками в Немирове подчеркивалось: «Сии границы требуются не для какого распространения государственного владения, ниже для какой прибыли и доходов, яко от пустых земель доходов ожидать невозможно, но только для безопасности границ, без получения которых и мир учинить напрасно».

Были там и иные статьи – о крепостях, о запрете османским имперским властям вмешиваться при «отражении наездов татарских», о плате «за убытки от татарских разорений» и т.п. В отношении всех этих вопросов подчеркивалось, что в них можно идти на уступки, если «в других кондициях себя склонными покажут», или даже совсем отказаться, «дабы за тем заключение мира не остановить».

В главных же вопросах, как показали последующие рескрипты Остермана, в зависимости от успехов на театре военных действий, предполагалось и возможным усиление давления на османскую сторону – поставить вопрос о расширении российских границ в степной части до Дуная и потребовать политической независимости Молдавии и Валахии.

Инструкция Остермана представляла собой широкую политическую программу, необходимую для развития России, но в тот момент совсем не подкрепленную реальными военными успехами российской армии.

* * *

Для предложенного Остерманом геополитического разграничения двух имперских территорий были предпосылки, постепенно назревавшие и в Османской империи. Усиливались противоречия в отношениях османов с крымскими татарами (об этом см. гл. I). Раздавались даже голоса,

---

¹ .: 89/1, . 9; . ...
. 212–217.

что османам не стоит держаться за свою власть в Крыму. Так, в конце 1736 г. комендант Хотина Ильяс Колчак-паша заявлял, что Порты «татарами недовольна, и никакой от них прибыли не имеет»¹, а А.А. Вешняков из везирского лагеря на Дунае сообщал: турецкие министры говорили ему, что они «не против, если российская армия татар крымских разорит... и Крым весь... под высочайшую Вашего императорского Величества державу покорить повелеть изволит». «Когда татар посреде не будет», мир учинится, который справедливо вечным быть... может»². Недовольством татарами он объясняет и то, что русским позволено «с татарами по своему произволению поступать»³.

Эти настроения османской правящей верхушки не были, однако, настолько сильны, чтобы на самом деле согласиться на уступку Крыма христианской державе. Отдавать свои владения у османов считалось нарушением былых славных традиций. «В обычаях и законах правителей издавна повелось, что если нога коня падишаха окажет честь и вступит на землю страны, эта страна переходит в его владение»⁴. Потому-то так трудно заключались договоры, где османские правители вынуждены были уступать какие-то свои территории, даже слабо освоенные и не приносящие выгоды, а к 1737 г. военные успехи русских были не столь значительны, чтобы побудить османов, хотя и недовольных татарами, пойти на передачу имперской территории, не отнятой силой.

Между тем Миних, с большим трудом и потерями взяв 2 июня 1737 г. Очаков и «приведши в оборонительное состояние» эту, как он выражался, «неприятельскую в ногу занозу», 5 июня двинулся к Бугу. Однако в дальнейшем дожди, степные пожары, позеленевшая вода в реке, вызывав-

---

¹ 89/1, . 2, . 31 .

² . . 32.

³ . . 24 . – 25.

⁴ :
(XIV–XVI .) // :
 . ., 1996. . 33.

шая болезни, уже в августе вынудили его снова отступить. Осенью того же года Очаков сумел выдержать турецкий приступ. Османские войска потеряли тогда более 20 000 человек как от оружия осажденных, так и от болезней, происходивших «от позднего времени года и от непрерывных дождей».

Фельдмаршал Леси с мая до июля 1737 г. совершил еще одно разбойное вторжение в Крым, но также отступил, доложив в Петербург, что иначе ему «без великой армии разорение миновать было нельзя»¹. На фоне этих военных событий и развертывалась работа Немировского конгресса.

* * *

Первый месяц после прибытия послов фактически ушел на организационные вопросы. Были проблемы с жильем, снабжением, безопасностью. В районе действовали гайдамаки. Охрану осуществляли хозяева – польская сторона. Как описывал А. Кочубинский: «Городок ничтожный, грязный, еврейский, и все послы разместились по необходимости за чертой нечистоплотной оседлости, в палатках. Но при каждой из трех групп уполномоченных: турецкой, русской и австрийской, было большое число служащих, слуг, вообще масса челяди всякого наименования, как того требовал дипломатический этикет того времени, для пущей пышности, внешнего блеска»². Турецкие министры, как сообщала российская делегация, поселились в полутора милях от них.

Решали вопросы, кто первый должен нанести визит, как министры (т.е. послы-переговорщики) должны сидеть во время переговоров. Консультантом «по европейским обычаям» выступал Тальман.

Хотя в Инструкции Остермана и говорилось, что Австрия не медиатор (посредник), а «союзная и договаривающаяся сторона», Остейн и Тальман пытались держаться

---

¹ . . . /20. . 414–418.

² . . . . 201.

обособленно, подчеркивая, как сообщали российские делегаты, что мы «еще не суть объединились в войне, потому мы с ними цесарскими министрами наружно еще не в равном состоянии против турок»¹.

Первыми свой визит туркам нанесли российские «полномочные министры». Сделать это их убедил Остейн, поскольку турецкая делегация приехала к месту переговоров первой. Все эти протокольные проблемы русской делегации приходилось осваивать внове, так как опыта таких переговоров у нее не было. Лишь 29 июля был сделан первый визит, 31 – ответный. При встречах и с австрийцами, и с турками российская делегация усиленно подчеркивала, что Россия «главная воюющая сторона», поправляя Остейна, который на первой конференции хотел показать себя главой конгресса, обращаясь как медиатор и к туркам, и к русским². Российская делегация ждала цесарского манифеста о войне, чтобы быть «в равном состоянии»³.

* * *

Попробуем выяснить теперь, с каким настроением прибыла в Немиров турецкая делегация. Еще в июле Тальман получил несколько писем от великого везира, где говорилось о подозрительном движении цесарских войск и вступлении их в валашские и молдавские границы. Везир писал, что турецким властям непонятны причины этого. Напомнилось, что сам Тальман, получив полномочия на посредничество от Блистательной Порты и поехав для заключения мира, многократно обещал привести это дело к благополучному окончанию⁴.

У османского руководства все еще была надежда, что Австрия не вступит в войну. Последнее письмо везира датировано 27 июля. Лишь в нем он сообщает Тальману, что

---

¹ 89/1 1737 . 14, . 81 – 113.

² . . 156–161 ., 300 . – 308.

³ . . 158.

⁴ . . 95, 120–128.

из-за событий на австрийской границе его армия вынуждена перейти Дунай, так как иначе возможны «народные нарекания». Тогда же дошли слухи, что везирский кетхуда Осман Халиса эфенди притворился больным и отошел от дел¹. События, однако, оказались значительно серьезнее. Великий везир Сияхдар Мехмед-паша был снят со своего поста, а его помощник, кетхуда, казнен (август 1737 г.). Турецкие надежды на то, что Австрия останется лишь посредником и не начнет войны, провалилась. В турецких хрониках того времени², а затем и в современной исторической литературе говорится обычно, что казнь кетхуды Османа Халисы была связана со взятием русскими крепости Очаков³. Возможно, действительно известие об этом всколыхнуло стамбульские низы, и, чтобы их успокоить, султан пошел на смену высшего руководства страны. Но причина отставки, как нам представляется, была иной, особенно кетхуды великого везира. Ведь не кетхуда везира отвечал за военные поражения. Осман Халиса эфенди был связан не с военными событиями, а с общей выработкой позиции Османской империи во внешнеполитических делах. Именно он был сторонником новых дипломатических подходов к отношениям с Европой. Порта была шокирована той ошибкой в предвидении внешнеполитических событий, которую он допустил.

В разбираемом в предыдущей главе памфлете 1737 г., который, как мы предполагаем, исходил из кругов, близких к Осману Халисе эфенди, участники описываемого разговора вначале сдержанно отнеслись к австрийскому предложению о посредничестве в русско-турецких переговорах о мире. В ходе обсуждения, однако, они пришли к соглашению, что это предложение стоит принять. Война же Османской империи с Австрией, как они предполагали, не предвидится (л. 27 – 27 об.). Этим-то прогнозом, который, как

---

¹ . . . 282–290.

² Tarih-i Sami ve akir ve Subhi (. . .). . . 96–97.

³ Uzunçar ılı J.H. Osmanlı tarihi, IV/l. . . 265.

мы видим, не оправдался, и руководствовался Осман Халиса эфенди. Политическая линия, которую он вел и которая отразилась в памфлете, завершилась крахом.

Османское руководство, хотя и включилось в 30-е годы XVIII в. в активные дипломатические сношения с европейскими странами, все же сознавало, как это отмечено и в цитированном памфлете, что пока «находится в стороне от изменений, которые происходили в Европе» (л. 34 об). Расстановку сил это сочинение 1737 г. оценивает следующим образом: французский посол явно подстрекает Османскую империю на войну против России (л. 34 об.) и Австрии (л. 33 об. – 34), послы Англии и Нидерландов внушают ей промосковские настроения (л. 33 об. – 34). Австрийский император, «слова которого имеют вес для других владык» (л. 19), хочет мира. Даже мобилизация австрийской армии, ее движение к границам воспринимается там на первых порах как военная демонстрация, цель которой – устрасшить Османское государство и насильно принудить его к миру (л. 26 об., 27 об.).

Уверенность в мирных намерениях Австрии в окружении великого везира бытовала до второй половины июля 1737 г. Это видно по той переписи, которую великий везир Мехмед-паша вел с руководителем военного ведомства Австрии графом Кенигсеком вплоть до самого начала конгресса. Выписки из нее сохранились в нашем архиве и широко цитируются А. Кочубинским. Везир обвинял Россию в «непристойных поступках», нарушении «алмазной дружбы». Ее поведение на протяжении последних 40–50 лет толкало Порту к тому, чтобы с ней «беспрерывную войну производить». Лишь настояние «дружественной» Австрии побудило Порту «открыть мирную негоцию на конгрессе»¹.

Османский хронист того времени Субхи подтверждает, что надежду на австрийскую помощь пропагандировал именно Осман Халиса. Он рассчитывал на скорый мир и

1

потому отверг, например, предостережения бендерского сераскера (военного коменданта) Абдуллаха-паши и очаковского Яхьи-паши о том, что в их крепостях недостаточно снарядов и провианта, а им грозит наступление москвитов. Эти сведения были объявлены «ложью и татарской напраслиной». Он же сам, кетхуда, «не сидит сложа руки, а во все стороны направляет свои глаза и уши для наблюдения. Если же злонамерение от неприятеля обнаружится, то комендантам будет оказана помощь». Как известно, Очаков все-таки был взят, а бендерский комендант назначен новым великим везиром. Следовательно, его предупреждение было сочтено правомерным. Субхи обвинял Халису эфенди в том, что он чересчур унижался перед австрийским послом, говорил ему о слабости своей страны и армии¹.

С османской стороны Немировский конгресс явно был детищем Османа Халиса эфенди, но начало его совпало с казнью этого государственного деятеля.

Российский специалист по истории Османской империи этого времени М. С. Мейер отмечал, что сановники Порты уделяли значительно большее внимание «новациям во внешней политике, чем в других сферах жизни». Естественно, что «сдвиги в расстановке сил на международной арене были осмыслены раньше и полнее, чем процессы деформировавшие структуру управления. Отсюда и четко обозначившийся к началу XVIII в. интерес верхушки столичной бюрократии к христианскому миру, стремление понять причины быстрого роста могущественных европейских держав и использовать опыт гяуров для восстановления мощи империи». Более того, внешняя политика оказалась самой доступной сферой деятельности для вновь появившихся османских «западников»².

Возможно, что термин «западники» для этой плеяды османских государственных деятелей употреблен пока еще

---

¹ Tarih-i... Subhi. . 94–97. . . . . : . . . . . 2. . . . . 59.

² . . . . . 185–186.

преждевременно, но их попытка найти достойное место Османской империи в мире, в том числе и европейском, и признание достижений этого мира явно имели место.

По донесениям же И. И. Неплюева и А. А. Вешнякова, которые не видели этих новых людей в султанском окружении, складывается мнение, что османские правящие круги в международных отношениях только хитрят, обманывают. Все, что они предпринимают – это лишь внешняя обманная оболочка каких-то иных намерений. С ними невозможны какие-либо союзы и договоренности: «Как можно от такого ехидного порождения нужного соединения ожидать»¹. А отсюда вывод, что и их следует также обманывать и начать войну, фактически не объявив ее. Сама же Османская империя, по мнению послов, – это слабое, разваливающееся государство, которое вот-вот падет под европейским натиском. Такие же взгляды бытовали и в Австрийской империи, где их особенно культивировали иезуитские круги².

* * *

В Османской империи не было специальной службы, занимающейся внешними сношениями. Они находились в ведении главного османского канцеляриста – реис ул-кюттаба (или реис-эфенди), но вести переговоры с послами могло быть поручено разным чиновникам. В сложные периоды к переговорам подключались великие везиры (так, в 1737 г. свои письма-запросы к австрийскому правительству, и даже к австрийскому представителю на Немировском конгрессе, писал именно великий везир Сияхдар Мехмед-паша). Подготовительную работу для дипломатических контактов проводили переводчики, как правило греки-фанариоты. В начале XVIII в. это были отец и сын – Александр и Николай Маврокордато. К 30-м годам выдвинулось семейство Гика – Александр был переводчиком на Немировском конгрессе, а его брат Григорий – молдавским гос-

---

¹ ... . 95–96.

² de Keralio, Histoire... . 1. . 87.

подарем. В османской чиновной иерархии это были самые высокие посты из тех, которые могли занимать немусульмане. Во внешнеполитической среде люди, занимавшие эти должности, были довольно влиятельными, но не они решали принципиальные вопросы политики империи.

В 30-е годы XVIII в. наиболее авторитетным человеком, не формально, а фактически направляющим османскую внешнюю политику, был кетхуда великого везира Осман Халиса эфенди, занимавший этот пост несколько десятилетий¹ и оттеснивший в этой сфере на задний план даже реис-эфенди.

На все высшие должности в государстве в это время назначались люди, кандидатуры которых поддерживал кызлар-ага (глава евнухов султанского двора) Хаджи Бешир-ага (1666–1746). Он тридцать лет находился на своем посту, был фаворитом нескольких султанов, считается, что он привел к власти двенадцать великих везиров². Как свидетельствовал А. А. Вешняков, это был «человек умный», и хотя «по естеству своему» не мог «публично в команду и дирекцию всего вступать», он продвигал на высшие управленческие должности своих назначенцев. «Лучшим ставленником кызлар-аги» считался великий везир Хекимоглу Али-паша, отличавшийся большой самостоятельностью в проведении своей политики. Именно на его долю выпала необходимость положить конец конфликту с Ираном. Отставку его с везирского поста (июль 1735 г.) А. А. Вешняков объясняет причинами французского посла и «сребролюбивостью» кызлар-аги. Но нельзя забывать, что и после отставки Али-паша не был подвергнут каким-либо репрессиям, оставался в элите Османской империи и позднее еще два раза занимал пост великого везира (1742–1743 и 1755)³. Отставка же в 1735 г. бы-

---

¹ Uzunçar ılı İ.H. Osmanlı tarihi. IV/1. . 258–263; . . . 108.

² Hammer Y. Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 7. Pest, 1831. . 627.

³ . . XVIII . . 145, 179.

ла связана, как нам представляется, прежде всего с необходимостью пойти на позорный мир с Персией. Недаром А. А. Вешняков пишет: «Приписали ему в вину все бедствия персидских дел». Кызлар-ага «с великим сожалением» пошел на эту отставку, чтобы «сохранить себя и султана от народного варварства». «Бунташные» настроения 1730–1731 гг. в столице все еще сохранялись. Новый везир Исмаил-паша, как его характеризовали в посольских кругах, был человек «тихий» и «в правлении несведущ». Про султана же поговаривали, что Махмуд I, «природой» бывший человеком «зело крепкого ума», от долгого заключения «помрачился». В этих условиях Осман Халиса, активно участвовавший в дворцовых интригах, оказался «единовластным»¹ вершителем всех внешнеполитических дел империи.

Именно он поддерживал наиболее тесные контакты с европейскими дипломатами, особенно с маркизом Вильнёвом и Тальманом, а также с Боневалем, который сумел создать к этому времени в османской армии инженерные части. Их парады в предвоенные годы, на которых присутствовал султан и его окружение, производили большое впечатление на османское общество и волновали российских послов как некие признаки возрождения умирающей, по их мнению, Османской империи. Недаром тогда возникли планы переманить Боневалю на российскую службу, что не раз обсуждалось российскими послами со своим правительством. Боневалю, кстати, хорошо знал Миних, бывший его сослуживцем по австрийской службе.

Вероятно, что именно Боневаль предложил план предстоявшей войны: не стремиться к активизации военных действий с Россией, сосредоточить основные силы на австрийском фронте (именно там принимали участие и те артиллерийско-инженерные части, которые он пестовал). Антиавстрийский настрой Боневалю оказался особенно уместен после просчета Халисы эфенди, приведшего Осман-

---

¹ .: , 89/1, 1737, . 2, . 19 . – 22 .

скую империю к неожиданной для нее войне на два фронта. Боневаль временами активно сотрудничал со своим соотечественником послом Франции Вильнёвом. Мы отмечали уже антироссийский и антиавстрийский настрой французской политики после 1726 г., но еще более он усилился после прибытия в Стамбул Вильнёва, имевшего специальное указание воздействовать на Порту в антиавстрийском духе¹. Напомним, что до 1735 г. продолжалась австро-французская война. К тому же с 1718 г. (после Пожаревацкого мира) у Австрии появился флот на Средиземном море, которое до этого Франция рассматривала как сферу своего влияния и торговых интересов. Торговые колонии Франции, ее школы, больницы прочно обосновались на Леванте. И именно тогда впервые во французских кругах зародилась мысль (до этого высказываемая еще М. Соколлу) о прорытии канала из Красного моря в Средиземное. С влиянием Франции в этом районе связано, очевидно, и то, что именно сириец выступает консультантом по христианским вопросам в памфлете 1737 г., хотя само по себе это сочинение, как и окружение Османа Халисы, к антиавстрийским французским проискам относилось с осторожностью.

Османской империи, только что избавившейся от войны с Персией («хотя и с убытком», как и советовал Вильнёв), совсем не хотелось воевать с австрийским цесарем, по оценке нашего памфлета, «между христианами самым крупным государем» (л. 22 об.), и она всячески пыталась избежать этой войны. Ее французские консультанты, лучше чувствовавшие настроения в Европе, понимали, что австро-российский союз 1726 г. не позволит Австрии остаться в стороне от османо-российского конфликта и война с Россией не может не перерасти в войну с цесарем². Однако в подстрекательстве Турции к войне на первый план французы

---

¹ .: Recueil des instructions données aux ambassadeur et ministres de France. T. 29. Turquie, 1969.

² .: Vandal A. Une Ambassade française on Orient sous Louis XV. La mission du marquis de Villeneuve. P., 1887.

выдвигали именно Россию. В 1734 г. Боневаль писал везиру: «Московиты своим быстрым ростом изменяют всю систему Европы... Поэтому крайне необходимо и для пользы Турции, и для удержания равновесия в Европе – образовать союз из Турции и Франции, чтобы вернуть, если возможно, московитов в их старые границы»¹. Как видим, эти слова близки тем, что почти в это же время Халиса эфенди говорил Тальману.

Боневаль, плетя свои интриги, шел дальше официальной французской внешнеполитической линии и говорил не просто о союзнических отношениях, что было традиционно и звучало во всех обращениях Вильнёва, а о действительном союзе с документально зафиксированным обязательством как Османской империи, так и Франции.

Хотя османские правительственные круги относительно спокойно приняли отказ Франции в 1720 г. (см. гл. I) от подписания союза с исламской страной, это, бесспорно, отложилось в сознании османских государственных деятелей. Недаром и в памфлете 1737 г. союзы между государствами рассматриваются лишь как «христианский обычай». А в 1732 г. при визите Мехмеда Саида эфенди в Швецию османский посол говорил королю: «Османская империя в своих войнах не нуждается ни в чьей помощи, все наши завоевания и победы добыты нами с помощью собственных мечей. Вы, наши друзья, не должны утруждать себя ни материально, ни физически. Достаточно, что Вы оказываете нам моральную поддержку»². Саид – сын посла, получившего от Франции отказ на османское предложение о союзе. Он был знаком с проблемой и больше не пытался ставить этот вопрос перед европейскими странами. Как известно, Швеция сама в период русско-австро-османской войны активизировала дипломатическую деятельность в Стамбуле и в этом

---

¹ . . . 208–209, 213; . . . . . 10.

² Göçek F.M. *East Encounters West. France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century*. N.Y., 1987. . . . . 92. . . . . 190.

пошла дальше других европейских стран. Ее посланники Э. Карлсон и К. Ф. фон Хенкен сумели добиться от султана капитуляционной грамоты (январь 1737 г.) и пытались, как и во времена Карла XII, вести переговоры об антироссийском союзном договоре. В самой Швеции в это время нарастают реваншистские настроения, явно поощряемые Францией¹, и надежды на совместную с Османской империей войну с Россией. В 30-е годы это так и не осуществилось, хотя опасения такого союза и возможности совместного антироссийского выступления Швеции и Турции в какой-то мере сказались на последующем развитии российско-османских отношений².

Османская империя явно не была склонна к какой-либо войне в Европе. Еще в январе 1735 г. Вешняков утверждал: «Между всеми в разговорах есть, что Порте несходно с христианскими державами, а наипаче с Вашим величеством, войну зачинать»³. О причине этого, как утверждал Боневаль, говорил ему сам султан: война с Персией истощила все силы, все финансовые средства Турции. О том же сообщал Вешняков: «Их государственная казна истощена, лучших военных глав и солдатство изгубили, азиатские свои провинции разорили». И еще: «В казне государственной, которая зовется мири», денег «зело мало находится, понеже персидская война и бывшие визири, також де и другие подчиненные несказанною кражей и беспорядкам в собирании все истощили»⁴. Когда же Россия начала свои военные действия, то «всесильный» кегая (т.е. кетхуда Осман Халиса эфенди) впал в растерянность и «со всех сторон советов и наставников искал». «Чужестранные министры», т.е. послы, французский, цесарский, английский, голландский, советовали «с кротостью поступать» и стараться перевести войну

¹ .: Recueil des instructions... . 2. Suède. Paris, 1880. . 326–332.

² Uzunçar ılı I.H. Osmanlı tarihi. IV/1. . 244;

XVIII . ., 1985. . 48.

³ . . . . 97.

⁴ . . 96; ., 89/1, . 2, . 18 , 24.

в «оборонительное состояние»¹. Тогда-то его и заверили, что австрийский цесарь от военной помощи России воздержится. Ходили слухи, что кетхуда, чтобы проверить это, намеревался с разведывательными целями отправить к венскому двору «ренегата венгерского Ибрахима»². Это последнее сообщение российского резидента из Стамбула (после чего он был отправлен с везирской армией к Дунаю) любопытно тем, что показывает близость высокопоставленного чиновника, фактического руководителя тогдашней османской внешней политики, с той группой венгерских ренегатов, от которой исходили первые проекты реформ, необходимых, по их мнению, для возрождения Османской империи.

Были трудности и с формированием армии. Вешняков свидетельствовал, что в Стамбуле «множеству набежавших и требующих быть записанными» отказали по причине того, что не было денег на жалование. В Адрианополь выступило всего тысяч 25, и тех традиционно деньгами сверх жалования не одарили. Потому-то были «везир и кегал в беспрестанном страхе от восстания своего войска». Правда, командование везирской армией, выступившей из Адрианополя к Дунаю, как сообщал Вешняков, «надеялось, что воевать не придется». Осман Халиса эфенди в переговорах с Тальманом также заявлял, что Порта предлагает приступить к переговорам как можно скорее, «пока войска в кампанию не вступят». Османская сторона надеялась, что можно будет «возтребовать отдачу Азова и Кубани [т.е. поставить перед Россией условие о возвращении этих османских владений], а за понесенные Россией убытки уплатить деньгами «... и в деньгах не прекословить, только бы как возможно покой стараться составить». Против передачи России Азова Осман эфенди решительно протестовал, утверждая, что это вызовет недовольство в народе. Он напоми-

---

¹ , 89/1, . 2, . 23.

² . 22 .

49 89/1, . 2, . 24 .

нал, что Порта еще никогда у россиян мира не просила и в настоящее время то, что «без войны мира просят» – это большой удар по чести и гордости Османской империи. В предстоящих переговорах, как пояснял его позицию Вешняков, «он всецело передает себя цесарю»⁴⁹.

Надежды турецкого кетхуды на возможный торг с Россией уже тогда были тщетны. Еще в марте (т.е. до обнаружения предложения Австрии о посредничестве) из Вены Тальману были даны предварительные указания («не в указ»), по которым Азов предписывалось оставить за Россией и возобновить мир 1700 г. Для себя Австрия объявляла тогда лишь о желании продлить Пожаревацкий мир на 25 лет, подчеркивая, что цесарь никакого «распространения границ не желает»¹.

Вышеприведенные сведения о предвещающих Немировский конгресс настроениях и выдвигаемых условиях свидетельствуют о том, что все участники этого мероприятия плохо представляли свои возможности. К тому же начало конгресса сопровождалось официальным вступлением Австрии в войну, взятием Минихом Очакова и казнью турецкого инициатора начала переговоров. Казалось бы, полный крах мирных инициатив. Однако конгресс продлился еще более трех месяцев, обозначив собой постановку новой общеевропейской проблемы.

* * *

Работа Немировского конгресса началась в обстановке, значительно отличавшейся от той, в которой все три правительства давали своим уполномоченным указания о начале переговоров.

В Османской империи назначен новый везир – бывший бендерский сераскер Мусин-оглу Абдуллах-паша, о котором Неплюев в своей реляции в центр сообщал, что он его знает как человека отважного, который вполне может своими

---

¹

. . 30 – 30 .; . . . 196–197

бендерскими войсками, соединившись с армией бывшего великого везира, стоящей на Дунае, начать наступление на Миниха. В этой связи Неплюев даже запрашивал, «куда нам ретироваться, если турки, разорвав Конгресс, отъедут»¹. Турецкие послы, однако, заявили, что посланы не от везира, а от султана, и потому готовы продолжить переговоры. Российские уполномоченные предположили, что турки будут затягивать переговоры до окончания военной кампании и, как они писали в Петербург, «наша бытность» здесь может до зимы продлиться. Главной целью всех переговорщиков стало не спешить с заключением договора и выведать намерения содоговаривающихся сторон².

Первой о своих условиях для заключения мира, как «главной воюющей стороне», предложено было сообщить российской делегации.

* * *

После взятия Очакова (2 августа) реляции Миниха в Центр и его личные письма Бирону были полны новых грандиозных планов, что вообще свойственно этому фельдмаршалу. Как пишет об этом А. Кочубинский: «Миних, по обычаю своему, далеко занесся в своих планах-мечтах и впереди всего, об открытом-де теперь настужь столичном городе [имеется в виду Стамбул] – иди и бери: но вскоре он поневоле, ввиду действительности, отрезвился и стал даже в противоречие с Петербургом, который был возбужден им же»³.

Действительно, очаковская победа побудила Остермана дать указание немировским переговорщикам начинать свою работу с предъявления туркам требования о распространении российских границ до Дуная и объявления Валахии и Молдавии самостоятельными княжествами под российской протекцией. Под-канцлер понимал, что последнее

---

¹ 89/1 1737, . 14, . 313–314, 317 .

² . ... . 219.

³ . . 228.

требование может вызвать недовольство австрийской стороны, а потому давал такие пояснения: княжества пока цесарем не взяты, а потому российские требования не должны вызвать их подозрения. Они означают лишь то, что мы хотим «их от турецкого ига освободить и оставить их особыми княжениями», что отвечает и цесарским интересам. Российская же «протекция» «чинится не для какой нашей партикулярной прибыли, но токмо по единоверию, желая чтоб обыватели тех княжеств при своем законе и совершенной свободе совести ненарушимо навсегда оставлены были»¹.

В Немирове между тем эйфории от побед Миниха не было. Австрийцы получили сообщение полковника Бренклау, находившегося при русской армии, о больших потерях в армии Миниха и ее дальнейшей малой боеспособности, а затем появились слухи о возвращении Миниха на Украину. С австрийского же фронта сообщалось о взятии Ниша (Нисы), вступлении в Валахию и дани, которую обязалась платить Австрии Молдавия².

* * *

В таких условиях (т.е. при отступлении Миниха и победе австрийцев) российская делегация объявила о своих условиях мира (о своих кондициях, как тогда говорили). Кондиции были представлены в 5 пунктах – об Азове, Крыме, Валахии, Молдавии и Буджаке (землях за Днестром). О Валахии, Молдавии и Буджаке говорилось, что царица их «присвоить» не желает, но они должны быть барьером между странами³. Как явствует из протокола конференции от 8 августа 1737 г., турецкие послы объявили эти кондиции «невозможными». «Еще нет никакого знатного успеха, чтоб

---

¹ . . . 236–237.

² . . . : Mémoires secrets de la guerre de Hongrie pendant la campagne de 1737–1739. Avec des réflexions critiques par M. de Schmettau, Francfurt, 1772; de Keralio, Histoire... T. 1. . . 165–184.

³ 89/1 1737, . 14, . 335 .

все сие претендовать... Потребно и то припомнить, что Порты во время Прутского полезного случая хотя и инако, по тогдашнему состоянию могла бы поступить, но одним Азовым удовольствовалась»¹.

Еще более негативно на русские предложения реагировали австрийские представители, заявившие, что «зря о Молдавии и Валахии упоминают и тем государю их в получении тех провинций ... мешаются, яко первая у них уже вся во владении, а другой часть немалая, которую государь их в прикрытие своих границ присовокупить вовсе пожелает»². Тогда же Остейн и Тальман расспрашивали послов, будут ли они «за Крым стоять или только претензия», и предупреждали, что ни турки, ни государи других держав «завладения» Крымом Россией не допустят. Это будто бы Тальману хорошо известно со слов послов в Константинополе. Если же российская сторона будет настаивать, то «настоящую негоцию [переговоры] разорвет». Остейн приводил и иной довод: его государь хочет «прикрыть свои границы присовокуплением не пустых, но только доходных земель». Россия же, получив Крым, будет «бесприбыльна», а татары будут по-прежнему к ссорам «повод подавать». Азова и Очакова с Кинбурном вместе с ногайскими и кубанскими землями вполне достаточно, чтобы препятствовать выходу татар из Крыма³.

У российской делегации сложилось впечатление, что «турецкие послы к трактованию инструкции не имеют», и если обращать внимание на их возражения, то они даже на один Азов и то соглашаться не станут⁴.

Главными противниками, однако, оказались австрийские сопереговорщики. Встал вопрос о дележе сфер влияния. Цели австрийской монархии шли очень далеко. Она стремилась стать наследницей Османской империи в Бал-

---

1 . . . . 291.

2 , . . 336.

3 . . 336 .

4 . . 337 – 337 .

канском регионе. Еще в 1718 г. Евгений Савойский после своих блестящих побед над турками и перед заключением мира писал великому везиру, что основой переговоров должен стать принцип *uti possidetis*, и дополнительно австрийская сторона настаивала на уступке всей равнины нижнего Дуная, а именно Валахии и Молдавии, хотя и без Бессарабии и ее южного района Буджака. Именно там, т.е. по Днестру, должна была идти, по представлениям Евгения Савойского, граница христианства¹. А. Кочубинский, являясь глубоким исследователем истории балканского славянства, напоминает, что еще в 1710 г. князь Ракоци предупреждал Петра I, что австрийский дом не позволит сделать никаких приобретений в районе Дуная². Тем не менее, А. И. Остерман надеялся, что Австрия устремит свои усилия в Боснию, оставив Валахию и Молдавию если не под российской протекцией, то хотя бы нейтральными. Кроме того, и на это также обращает внимание Кочубинский, в начале XVIII в. наблюдается подъем католического прозелитизма. В Дунайских княжествах активно действовали францисканцы и иезуиты, пропагандирующие Унию³. Бесспорно, это тоже работало в антироссийском духе. Из тех же кругов шло убеждение, что Османская империя находится на краю гибели, и надо не упустить момента, когда возможно будет с выгодой для себя добиться ее раздела. Нам представляется, что именно эти идеи заразили и российских послов И. И. Неплюева и А. А. Вешнякова, видевших в Османской империи лишь «вошиное гнездо», которое надо раздавить.

Что касается вступления австрийских войск в Валахию, то это событие не только расстроило планы Остермана, но и сказалось на настроениях Османской империи. Как писал

---

¹ Histoire de la guerre de Hongrie pendant les campagnes de 1716–1718. Vienne, 1788. С. 215. . . . . 250.

² . . . . 238; . . . . , 1878. . 103;
³ . . . . 1735 // . . . . 1897, . . 519.
. . . . 253–257.

по этому поводу маркиз Вильнёв, везир, ожидавший известия об открытии конгресса, вместо этого получил сообщение о вступлении австрийских войск в Валахию. Надежды на дружеское расположение императора рухнули. Порта вынуждена была просить медиации Франции. Из везирского лагеря на Дунае тогда же сообщали, что при первых слухах о вступлении императорских войск в османские владения кетхуда приказал пригласить г. де-Лария (французского агента, посланного Вильнёвом с визирской армией) и показал ему набросок письма, которое везир намеревался послать кардиналу Флери (руководителю французской внешней политики), прося о французской поддержке. Это письмо не сразу было отправлено, так как еще сомневались в справедливости полученного известия. Но как только слухи подтвердились, оно ушло по назначению¹. В этом сообщении речь идет именно о том кетхуде, которого буквально через несколько дней казнят и взгляды которого изложены в разбиравшемся нами памфлете 1737 г.

Так как в памфлете давался прогноз развития событий, который не оправдался (а именно что Австрия в войну не вступит), естественно, он не получил широкого распространения (хотя, очевидно, для этого предназначался). Тем не менее, он сохранился и даже попал в архивохранилище Санкт-Петербурга. Едва ли возможно проследить более подробно его судьбу, хотя она, очевидно, не менее драматична, детективна и любопытна, чем его содержание, показывающее попытку приобщиться к европейским международным традициям османских государственных деятелей, воспитанных на иных, исламских, представлениях о межгосударственных отношениях.

Сочинение было обнаружено археографической экспедицией, собиравшей восточные рукописи в 1934 г. в Поволжье. Как эта рукопись туда попала – вопрос. Известно, что после войны 1735–1739 гг. в России было много турецких во-

---

¹ Hurmuzaki E. Documente. Supl. I. T. 1,

739, 736.

еннопленных довольно высокого ранга¹. Возможно, кто-то из них в дальнейшем не вернулся на родину, а поселился в Поволжье, сохранив это рукописное сочинение. Во всяком случае, оно именно оттуда попало в руки специалистов².

* * *

Вступление Австрии в войну поменяло внешнеполитическую ориентацию Порты. Она повернулась к Франции, посол которой и раньше предупреждал османское правительство о враждебности цесарской Австрии (и имел от своего правительства задания попытаться, хотя и осторожно, склонить турок к войне против нее)³. Что же касается поведения турецкой делегации в Немирове, то Остерман его оценил следующим образом: «Из протоколов видно, что турецкие министры весьма твердо себя содержат и, не изъясняя себя ни в чем, только наши кондиции выпрашивают. А при всем том видно, что они к примирению склонность имеют». Российской делегации на конгрессе Остерман напоминал, что на подобных международных форумах мир обычно подготавливается не на конференциях, а «в партикулярных разговорах». Поэтому послам предлагалось «без формальной конференции в партикулярные изъяснения с ними [турками] вступать или чрез каких надежных людей»⁴. Позицию же австрийских союзников под-канцлер охарактеризовал как «злючесть» в отношении к России, так как австрийские представители на конгрессе вели себя «чуть не враждебнее турок»⁵. Сохранять это дипломатическое мероприятие стоило лишь для того, чтобы «какой-либо тайный... канал получить... и о подлинном турецком намерении провести»⁶.

---

¹ .: 89/1, 1737, . 27, 29.

²

³ Vandal A. Une Ambassade française en Orient... P., 1887. . 1. . 190–191.

⁴ ... . 294.

⁵ . . 288.

⁶

Уже 3 августа 1737 г. А. И. Остерман посылает в Немиров «Секретнейший рескрипт», где дается указание: «Ежели усмотрите, что турки к первым... кондициям не склонятся, то в таком случае... вам в тех кондициях долго не стоять», а ограничиться лишь требованием «удержания Очакова, Кинбурна, Азова с уездами [т.е. фактически предлагался принцип *uti possidetis*] и ежели к тому турки склонятся, то на тех кондициях мир с ними без отлагательства заключить». Если же цесарская сторона выставит условия, которые турки не примут, то, не обращая на это внимания, «свой мир не отлагая заключить». Послам, следовательно, было дано право пойти на сепаратный мир. Оправданием этого должно было служить то, что «мы главнейшая воюющая партия», «мы чрез два года всю войны великую тягость одни нести принуждены были без малейшего от его цесарского величества вспоможения»; потому-то и можем «мы по натуральной должности о собственной своей безопасности мыслить и потому и поступать и, имея случай к заключению честного мира и к окончанию сей весьма тягостной войны, оный из рук не упускать за потребное находим»¹.

Итак, у высшего руководства России налицо явное разочарование в союзе с Австрией. В отношении же конгресса оставались некоторые надежды.

На конференции 11 августа турецкая делегация заявила, что ей необходимо получить от султанского правительства новые инструкции и потому она посылает за ними к везиру, а затем в Стамбул своего переводчика Гику. На такую поездку уйдет не менее 40 дней. Гика перед отъездом посетил русских послов. Из разговора с ним последние пришли к выводу, что идти на уступки турки не намерены. Единственно, о чем могла идти речь – это разорение Азова и Очакова, и те пустые земли сделать «барьерой» (тогда это слово употреблялось в женском роде) между двумя государствами².

¹ 89/1, 1737, . 13; . . .

IV.

² 89/1, 1737, . 14, . 383; . 15, . 2-2 .

Остерман продолжал настаивать, что с турками надо, «где ввести в дело убеждение, где уступить, где и пригрозить. Сами турки, заслав Гику [имеется в виду визит Гики к российским послам перед его отъездом], ищут такой практики». Немировских послов он упрекает: «С немалым удивлением усмотрели, что вы еще доныне с турками ни в какую партикулярную практику не вступили, но дело едино только в публичных конференциях трактуется»¹. И несколько позднее советует: «Случай к таким фамильярным обхождениям сыскать можно взаимными обедами, подчиваниями и другими партикулярными посещениями, под образом гуляния или под иным каким приличным претекстом чинимыми: они во всех конгрессах звычайны и обыкновенны и основательного подозрения цесарским министрам подать не могут»².

Тогда же в середине августа в работу включился А. П. Волынский, до этого по болезни в переговорах не участвовавший. При его встречах с турецкими послами последние жаловались, что они могли бы с Россией мир заключить без дополнительной переписки с Портой, но проблема с австрийской стороной: «Цесарь нам несносен: пристал со стороны без причины; кроме одного затруднения от них [т.е. цесарских послов] другого не видим и для того принуждены послать переводчика к везиру и султану, а сами остались жить праздно, без всякого инструмента к трактованию с ними». И еще: цесарь «не имел никакой своей законной причины вступать в сию настоящую войну, единственно только по должности союза с Вашим императорским Величеством». Сейчас же они (турецкие переговорщики) не знают, как поступать, ведь и российская, и римско-цесарская делегации на конференции заявляли, что они «друг без друга удовольствованы быть не могут». Волынский в ответ напомнил, что Россия – «главная воюющая сторона», а потому должна быть «удовольствована» первой.

---

¹ . . . . . 301–302.

² . . . 309.

Соглашаясь с этим, турецкие послы предлагали, однако, чтобы «Россия от союза с римским цесарем отстала» или бы объявила, как иначе можно обязательства этого союза «уничтожить».

Переговоры продолжались. Для рабочих сношений Вольнский прислал турецкой делегации взамен уехавшего в Стамбул Гики своего переводчика Муртазу Тевкелева, чтобы можно было вести переговоры помимо «других, представших со стороны». Эти частные переговоры, однако, успехом не увенчались. В Петербург было сообщено, что цель турок поссорить нас с цесарем, сами же они действительной воли к заключению мира не проявляют.

Австрийские переговорщики, на конгрессе начинавшие свою работу с заявления, что они будто бы стремятся лишь к продлению Пожаревацкого договора, позднее, когда начались османо-австрийские военные действия, заговорили о том, что цесарь никогда не уступит того, что взято его оружием. Остерман поддержал свою делегацию в ее осторожности по отношению к союзникам: «Иное дело – союз вовсе разорвать, как турки о том внушают, а иное дело – заключением своего мира привести союзника к умеренным кондициям». При этом он снова подчеркивал: «Мы за цесарскими кондициями продолжать войну весьма не намерены». Да и доверия между союзниками почти не осталось. Поручалось следить за цесарскими министрами (зд. имеются в виду послы, переговорщики), чтобы они «не покусились бы... с турками свой мир заключить»¹.

Австрия со второй половины августа начинает терпеть поражение и свертывает военные действия в Дунайских княжествах и Боснии, а к осени австрийские войска отступают и от Видина, крепости, которая, как считалось, сторожила вход на нижний Дунай. Турки подошли к Нишу, жес-

---

¹

токо расправившись с сербским населением, восставшим в поддержку австрийцев¹.

Еще в начале августа очевидцы сообщали: «Турки... желают мира, понеже видят, что с двумя державами воевать не могут, однако боятся янычар, ибо ежели б не переменили прежнего везира, то... конечно б бунт учинили, потому что янычары говорят, якобы... министры деньгами от россиян закупились, за которые как Очаков, так и Азов продали»². К середине сентября обстановка становится иной. А. Кочубинский по этому поводу ярко написал: «Из рокового для себя 1737 г. Турция, хотя и застигнутая, согласно предположениям Остермана, в “оплошности”, “неготовую”, успела выйти в сохранности... Вопреки еще недавним предсказаниям Вешнякова, “беззаконное сонмище” не “поколебалось”; новый Вавилон остался на Босфоре. Напротив, беззаконное сонмище вынесло огненные испытания для торжества в будущем над обоими своими противниками, которые... без предварительного точного расчета своих сил, уже заранее приготовили для этого сонмища... план его снесения»³.

* * *

Осенние военные успехи турок по-новому определили и судьбу немировских переговоров. 25 августа российские представители в Немирове получили от главы турецкой делегации реис-эфенди их условия для мирных переговоров. А именно – признание императорского титула Анны Иоанновны; предоставление России той свободы торговли, которую имеют другие европейские страны, обязательство поддерживать дружеские отношения с Польшей. Это были те требования, о которых Остерман писал, что они «труд-

---

¹ . . . . 310–319; Schmettau M. Mémoires secrets... . 64–147; de Keralio. T. 1. . 170; Hurmuzaki E. Documente. Supl. I, T. 1, 744, 745 . . . .

² , 89/1, 1737, . 14, . 375.

³ . . . . 320.

ностям не подлежащие». Территориальные же уступки не обещались. Умалчивали об Азове, но подчеркивалось, что Тамань, Темрюк и Очаков оставить России они не желают. Опять утверждалось, что возможно «сыскать способы, чтобы удовольствовать Россию. С ней не столь трудно мир заключить, как с цесарем». Новым было то, что начинали звучать воинственные нотки: «С нарушителями мира они будут войну продолжать не только два или три года, но и больше». И при этом подчеркивалось, что «Порта имеет таких друзей, от которых цесарцы и назад из их земель ретироваться принуждены будут»¹.

Австрийские требования к Османской империи оказались настолько претенциозными, что российские послы, считая их нереальными, отказались присутствовать при их вручении туркам: разорение Видина, уступка Австрии Ниша с прилегающими сербскими землями, значительной части Валахии и части Боснии². И это, по определению Тальмана, «низкие», т.е. легчайшие, условия, при которых Австрия может согласиться на мир. По сообщению российских послов, «турки ответили грубо, что цесарцы хотят им законы предписывать, якобы таким, которые в крайней погибели находились бы». И констатировали, что они «не пяди земли им не уступят»³.

Оставалась еще надежда на возвращение Гики и возможное смягчение ситуации по настоянию Стамбула. Есть сообщение венецианского байло, что будто бы в османских придворных кругах распространялось мнение, что Порта усиленно стремится освободиться от ненужной ей войны, а потому готова отказаться от Азова и Очакова и даже позволить русским свободную торговлю и мореплавание по Черному морю. Императору Карлу же готова уступить Валахию и Молдавию в обмен на Ниш и другие места, занятые це-

---

¹ . . 322.

² . . 323.

³ . . 324.

сарцами в летней кампании¹. Это сообщение А. Кочубинский цитирует, но подвергает сомнению (особенно его австрийскую часть), подчеркивая, что венецианец «ослеплен своими симпатиями к блекнувшей империи последнего Габсбурга»². Очевидно, ослеплен был не он один. В силу и неизбежность военных успехов австрийцев продолжали верить и в османских придворных кругах, расценивая свертывание военных действий осенью 1737 г. как временное явление, вызванное внутренними потребностями цесарского государства. Да и в Немирове, резко отвергнув австрийские кондиции, турецкие переговорщики, как сообщалось в Петербург 9 сентября, «ищут партикулярное свидание с цесарскими послами». Как предполагали сообщавшие, «на обе стороны... опыты чинят о разлучении союза»³. Вывод же о работе конгресса во второй половине августа и первой половине сентября таков: «Бесплодные и тревожные попытки достичь своих личных интересов со стороны каждого из трех членов конгресса». Своя «негоциация», «свой мир» «не вышли не у кого»⁴. Остерман, однако, предписывал своим послам: «По крайней возможности конгресса до разорвания не допустить, и как турецких, так и цесарских министров всяким пристойным образом от того удерживать». Более того, если даже австрийцы уедут, продолжать конгресс с турками⁵. Под-канцлер боялся недоброжелателей России на Западе, где особенно активно распространялось мнение, что у России далеко идущие планы, что Очаков – это путь к Стамбулу, что проникновение России на Черное море – это удар по левантийской торговле. Потому-то он и стремился всячески подчеркнуть умеренность российских требований и оборонительную необходимость новых территориальных приобретений на севере Причерноморья. К тому же следует

---

¹ Hurmuzaki E. Documents T. IX, 773.

² . . . . 325.

³ . . 327.

⁴ .

⁵ . . 330.

иметь в виду, что Россия тогда действительно была не готова к каким-либо торговым поползновениям в Средиземноморский регион. Торговые планы и торговые устремления на юг возникли у нее позже – тогда, когда она сумела освоить Восточно-Европейское Черноземье и Северное Причерноморье. В XVIII же в., даже в екатерининское время, на первый план выступали прежде всего оборонительные проблемы.

* * *

Переводчик Гика, вернувшись в Немиров, в частной беседе с российской делегацией сообщил: везир ожидал, что «кондиции Вашего величества будут умереннее, нежели предложенные», что татарам «отмщение учинено достаточною побывкой русских, и дважды, в Крыму». Россия же обвинялась в солидарности с запорожцами. Оставление Очакова за Россией, по словам Гики, вызовет опасение морских держав, т.е. Англии и Голландии. Из этих сообщений послами был сделан вывод, что турки меняют тон переговоров на более категоричный¹. Действительно, из Стамбула последовал приказ прекратить конгресс и турецким переговорщикам покинуть его первыми. По сообщениям французского посла Вильнёва, в Порте (с его поощрения, как он утверждал) решили не подчиняться тяжелым условиям, налагаемым на нее врагом, и попытать счастья оружием².

Последние контакты российской и турецкой делегаций в Немирове 24–29 сентября 1737 г. ознаменовались тем, что турки выдвинули свою «теорию о безопасности границ», так называемый план 3 барьеров. Они предлагали разорить Азов, возвратить им Очаков и Кинбурн, а для безопасности границы между Бугом и нижним Днестром образовать «барьеру», т.е. превратить эту местность, занятую тогда за-

---

¹ .: 89/1, . 15; . ... . 335–340.

² Laugier M.A. abbé, Histoire des negociations pour la paix conclue á Belgrade le 18.IX.1739 entre l'empereur, la Russie et la Port Ottomane par la médiation et sous la garantie de la France. T. 1. . 81–87.

порожцами и татарами, в пустое пространство, в безлюдную пустыню. Запорожцев из этих мест требовалось вывести и поселить в отдаленных от границы местах России. Сами же они обещали перевести за Днестр татар и поселить их в Буджакской степи. Пограничными городами у этой барьеры должны были стать с русской стороны Киев и Васильков, с турецкой – Бендеры и Очаков.

Вторая барьера – от Днепра на восток, от острова Сечи на севере до границы 1714 г., где следовало провести дополнительные разграничения. Предполагалось, что османские владения будут простирались до вершины реки Берда, которая впадает в Азовское море. Находящиеся в районе этой барьеры города, паланки, деревни должны быть разорены. Живущие там татары переселятся на османскую сторону. Земли же останутся «впусти».

Третья барьера – от донских каланчей до устья р. Берды, где она впадает в Азовское море, и далее по прямой до устья Кубани. От Кубани до вершин, которые пересекают черкесские земли (далее уточняется, что и между горами следует поставить пограничные знаки). Так же, как в других прибарьерных линиях, все городки и паланки предписывалось разорить. Османская империя своих подданных должна была увести за Кубань, Российская – своих калмыков и казаков переселить вглубь своей территории. «Для сбережения ногайских и черкесских народов Блистательная Порта на Кубани, где за пристойно быть рассудит, город построит. А российский двор тако ж по реке Дон из имеющихся донских городков, который за благо покажется, город учинит. И пограничным командиром накрепко прикажут по сим кондициям поступать»¹.

Вся логика обсуждения на конгрессе была нарушена этими предложениями. Каких-либо уступок турецкая сторона не делала. Продуманность же и конкретность предложений о разграничении земель в Северном Причерноморье

---

¹

89/1, . 15, . 45–56; . 45 , . 136–136 .

свидетельствует о том, что проблема эта была ею хорошо изучена и уступать она не была намерена. В этой связи любопытно сообщаемое османским хронистом Субхи мнение крымского хана Менгли Гирея о том, что он не видит особой пользы от владения Азовом: «Все равно гяурам легче брать его, так как он ближе к ним, а мы по дальности расстояния не можем подать ему вовремя помощь, и уж сколько раз они овладевали им! Не может он и служить помехой гяурам, если они захотят выйти в Черное море: это уж доказано раньше, когда Азов был еще в османской власти. Гораздо лучше, если потребные на эту крепость суммы будут обращены на укрепление Тамани, Ачуева, Еникале. Это будет надежней»¹. Если сопоставить эту точку зрения с поведением османских переговорщиков в Немирове, то станет понятно, почему они говорили, что надеются на мир с Россией и могут найти пути ее удовлетворить. Эта мысль как противовес неуступчивости в отношении Австрии постоянно звучала и на официальных встречах, и в частных беседах.

Тщательность в описании барьерных проектов восходит, очевидно, к предложениям Менгли Гирея, который считал необходимым перед заключением новых договоров внимательно рассмотреть и обдумать все предыдущие акты о разграничении – худуд-намелер, географические карты, и все эти материалы сообщить великому везиру².

В Немирове барьерные предложения приняты не были. Российских послов больше всего возмутило то, что при описании первой «барьеры» запорожцы приравнялись к татарам. В ответ было заявлено, что татарину проскочить «барьеру» между Днестром и Бугом не представляется невозможным. Запорожцы же на этой границе единственная сила, способная их остановить. При этом они не только стражи, но и совладельцы этих мест. Признав предложен-

---

¹ Tarih-i Subhi, . 143–144;

² . . 2. . 62.

... 2. . 62.

ные турками условия «несходственными»¹, российская сторона попыталась в конце сентября пойти еще на некоторые уступки – отказаться от Тамани и Темрюка. Однако турецкие переговорщики объявили, что имеют султанский приказ: «Ежели тот план не принят, то им отъехать в свои границы». В ответ россияне выразили свое сожаление, что так много времени прошло бесплодно, и свое удивление, почему турецкие послы свой план пограничного урегулирования не сообщили раньше.

Конгресс закрылся.

В последней российской реляции № 31, отправленной в Москву 4 октября 1737 г., констатировалось: турецкие послы получили указ уехать из Немирова, а сами переговоры показывают, что «турки прямого намерения к восстановлению мира не имеют, а продолжали свой конгресс до окончания кампании, дабы выведать о кондициях вашего величества и цесаря, а между тем ласканием чинили опыты о твердости союза ваших величеств и тем старались нас ссорить с цесарскими послами и, наконец, умышленно нам план барьеры сообщили, ... понимая, что он принят быть не может»².

Такова конкретная история Немировского конгресса. Подумаем теперь, какое же место он занимает в истории русско-турецких отношений.

* * *

Война, которую он должен был завершить, была задумана российским правительством. В частности, главным ее инициатором был под-канцлер Андрей Иванович Остерман, повернувший внешнеполитическую ориентацию России в сторону Австрии. Как отмечали современники, австрийская «дружба с Россией... построена на столь прочном основании, как общий интерес против турок»³. С подачи

---

¹ 89/1, 1737, . 45, . 211–214.

² 89/1, . 15, . 61.

³ . : . ... . 369.

Остермана и российских послов в Стамбуле И. И. Неплюева и А. А. Вешнякова Россия уверилась в том, что Османская империя доживает последние дни и надо не опоздать к де-лежу ее территорий (сравните с инициативой Николая I, надеявшегося вместе с европейским «концертом» прибрать к рукам наследство «больного человека» Европы, а вместо этого получившего Крымскую войну). Россия попала в сети европейской и, прежде всего католической, антиосманской пропаганды и поверила в близкую возможность решить важнейшую для себя геополитическую задачу – опереть свои равнинные границы на естественные водные преграды. Петровские мечты о выходе к теплым морям и российском судоходстве по Черному морю были забыты. Воронежское судостроение было прекращено. В Брянске в небольшом количестве продолжали строить лишь суда, предназначенные для каботажных военных операций в северо-западном днестровско-дунайском углу Черного моря и поддержки крымской операции сухопутной армии. Все российские дипломатические документы того времени полны заверений, что флот, морское судоходство и Черное море не относятся к интересам России. Шла борьба за южные степи.

Традиционный для габсбургской Австрии антиосманский настрой не остановил ее правящие круги от соблазна в союзе с Россией выступить против Османской империи даже в тот момент, когда страна только что выпуталась из длительного военного конфликта с Францией, устала от почти непрерывных войн последнего пятидесятилетия и была ослаблена материально. После побед Евгения Савойского успех в войне с османами казался легко достижимым.

Россия исподволь, занимаясь польскими, шведскими, иранскими проблемами, готовилась к решению главной для российской внешней политики, по мнению Остермана, проблемы турецкой, снятию позора Прутского мира. Как уже было показано, даже начав военные действия в 1735 г., российская дипломатия пыталась завуалировать действительные цели своей страны. Послы России при султанском

дворе И. И. Неплюев и А. А. Вешняков много писали о хитрости, желании обмануть и т.п., исходивших будто бы от Порты. Но не меньше хитрости и обмана шло и с российской стороны. Очевидно, именно в это время в османотурецком обществе зародились традиции не только боязни северного соседа, но и недоверия к нему.

Два первых года – 1735 и 1736 – показали трудности этой войны, неумение российской армии вести военные действия в безводных степных просторах, неготовность и нежелание австрийского союзника поддержать Россию. Требование Остермана о выполнении Австрией обязательств по договору 1726 г. привели к Немировскому конгрессу, попытке дипломатическими усилиями добиться от османов желаемых обеими европейскими странами уступок. Россия тогда хотела достойного мира, Австрия собиралась с силами для новой войны. Османская империя, против воли втянутая в войну, надеялась на австрийскую поддержку и российскую уступчивость. Цели у всех трех участников конгресса, следовательно, были разными, и каждый из них рассчитывал провести другого.

Главным инициатором конгресса, по распоряжению из Вены, выступил австрийский посол в Турции М. Тальман. Выполняя предписанную ему роль, он, однако, с самого начала не верил в успех подготавливаемого им мероприятия. Еще из Бендер на пути в Немиров он писал в Вену, что подготавливаемый им конгресс обречен на неудачу, так как с турками можно говорить только с оружием в руках¹. Это явное проявление свойственного европейцам недоверия и презрения к стране и народу иной культуры и менталитета. Изменения, происходившие в Османской империи, появление там людей, пытавшихся ввести страну в русло иных, не военных, отношений с окружающим миром, пытавшихся приобщиться к европейской дипломатической культуре, европейские дипломаты типа Тальмана не замечали. Отсю-

---

¹

да трагедия кетхуды великого везира Порты Османа Халисы эфенди, который поверил в австрийский нейтралитет и действительное стремление этой страны лишь к посредничеству в русско-турецких переговорах. По российским посольским донесениям известно, что он говорил Тальману: «Порта уже никаким словам [российского]... резидента не верит, как и прочих российского двора министров, но всецело передает себя цесарю»¹. Сказались излишняя увлеченность османского политика европейским международным правом и надежда, что Турция может встать под его защиту. Просчет Османа Халисы в выборе союзника для своей страны привел, как уже говорилось, к тому, что он был казнен, а страна ввергнута в войну на два фронта. Это, однако, не означает, как утверждается в европейской историографии, что Порта теряла свою внешнеполитическую самостоятельность². Да, действительно, она не всегда могла правильно оценить реальную обстановку и расстановку сил в Европе, но она училась, и в этом плане Немировский конгресс – явление знаменательное. Вступление Австрии в войну не привело к прекращению работы конгресса. Он шел параллельно с военными действиями. На нем царили взаимное недоверие, а то и взаимный обман, но он хорошо выявил позиции сторон и те условия, на которых они могли бы договориться между собой. Обе стороны, российская и турецкая, поняли, что их геополитическое разграничение перестает быть делом их двусторонних отношений, а становится проблемой внутриевропейской расстановки сил. За работой конгресса внимательно следили находившиеся при везире в Картале на Дунае английский и голландский послы, а из Стамбула посол Франции, имевший при везире своего агента-разведчика. Роль посла Франции маркиза Вильнёва в этот период действительно возрастает. Он был последовательным проводником антиавстрийской и анти-русской линии еще до войны. Разочарование в Австрии

---

¹ . . . 195.

² . . . : Vandal A. Une ambassade française en Orient.

явно расположило к нему турецкое руководство. Тщательно собранная им информация о внешнеполитических настроениях Порты, ее руководстве и ее немировских послых дает нам возможность лучше понять и почувствовать обстановку того времени. Однако утверждение, звучащее не только во французских исторических исследованиях, но и, например, даже у А. Кочубинского, что прекращение работы Немировского конгресса – дело рук Вильнёва¹, является, на наш взгляд, преувеличением. Ведь даже в цитируемых Кочубинским тогдашних «С.-Петербургских Ведомостях» было и такое сообщение, что турецкие участники Немировского конгресса «в пути [домой] с некоторым сожалением сказывали, что конгресс, по причине воспринятой от нового везира горячности, без действия разорван и что ежели б там еще малое время продолжали, то б мир заключился»². Но не будем гадать, что было бы. Важнее то, что, приехав из Немирова в Картал, где располагались великий везир и его армия, турецкие послы высказывали свое удовлетворение трехмесячной работой в Немирове. Везиру они сообщили о разногласиях, которые наблюдались среди воюющих с ними государств. «Московиты не довольны цесарцами, которые желали воспользоваться их силами для своей собственной пользы». Сообщалось о столкновении интересов союзников в Валахии, о стремлении России в район Кубани и т.д.³ Все это говорит об информационной пользе для них немировского общения.

Школой Немировский конгресс стал и для российской внешней политики. Это не только вылилось в разочарование союзными отношениями с Австрией. Главное было в другом. В Европе продвижение России в южные степи и утверждение на Черном море воспринималось очень остро, почти враждебно. Пугало не оно само по себе, а, как говорилось в тогдашних российских реляциях, «пред-

---

¹ ... . 349.

² ... . 350.

³ Hurmuzaki E. Documente. S. 1. T.1, 748.

будущие намерения», «дальние виды». Как и турки, европейские страны рассматривали возможную перспективу российского продвижения: Очаков – Крым – Босфор – Константинополь. Об этом, в частности, писал кардинал Флери¹: «Очаков в руках москвитян, стало быть, вход в Крым открыт, а далее – угроза Босфору». Об этом же предупреждали Остейн и Тальман, подчеркивая, что опасения исходят не только от них, но и от других государей. В своем рескрипте от 3 октября, одном из последних, отправленных им в Немиров, Остерман обращал внимание на то, что от заявленной австрийскими переговорщиками османо-австрийской границы, которая должна была пройти по линии Ниш-София, гораздо ближе до Стамбула, чем от Очакова². Однако опасения, касающиеся будущих намерений России и возможных русских претензий на Босфор, уже были посеяны. Россия, как и Османская империя, начинает вовлекаться в тот Восточный вопрос, который в последующие полтора века становится одним из постоянно присутствующих в европейских международных отношениях. Этим были ограничены возможности обеих империй самостоятельно решать проблемы геополитического разграничения своих территорий.

Немировский конгресс не принес желаемых результатов ни одной из принимавших в нем участие стран. Война продолжилась. Османская империя, избрав оборонительную тактику в борьбе с Россией и наступательную в отношении Австрии, сумела одержать на австрийском фронте ряд знаменательных побед, доказав европейскому миру, что она остается государством, способным защитить себя на поле брани. На дипломатическом фронте ее победа оказалась значительно слабее. Опыт немировских переговоров не показал ей, как и России, всех подводных камней, которые имелись на пути в европейское международное сообщество. Последующие события войны и завершивший ее

---

¹ . . IX, 1, 745.

² . . . . 333.

Белградский мир во многом были обусловлены теми конфликтами, которые выявились уже во время Немировского конгресса. Без знания перипетий немировских переговоров трудно разобраться в дальнейшей дипломатической и военной истории этого времени.

ГЛАВА V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ И БЕЛГРАДСКИЙ МИР

После Немировского конгресса война длилась еще почти два года. Австрия и Россия, продолжая военные действия, не отказывались и от одновременных поисков возможностей и посредников для заключения мира.

В первые месяцы после окончания Немировского конгресса о продолжении мирных переговоров думала и Османская империя. Напомним, что еще Осман Халиса эфенди, узнав о вступлении в войну Австрии, в своем последнем подписанном перед казнью послании просил о медиации Франции. После закрытия конгресса эту же функцию не прочь был взять на себя молдавский князь Г. Гика. Активность в этом плане он проявлял и перед немировскими переговорами, но тогда его услуги не были приняты. Поэтому А. Кочубинский и назвал его «частным» медиатором¹. Роль медиатора Гике импонировала своими разведывательными возможностями, что приподнимало его авторитет и в турецких, и в российских глазах, и к тому же он был заинтересован уберечь свои владения от их превращения в театр военных действий.

По оценке А. А. Вешнякова, греки-фанариоты, из верхушки которых после 1711 г. в Дунайские княжества, Молдавию и Валахию, Порта стала назначать господарей, были «наши [российские] ненавистники, злее самих турок», и еще он же свидетельствовал «о живых симпатиях к нам христиан, за исключением враждебного греческого гнезда

---

¹

... С. 192.

на Золотом Роге» (т.е. квартала Фанара). Валахи же и молдаване «в крайнем разорении от турок, а паче от князей»¹.

В самом начале войны с Россией османские власти поменяли господарей. Гику, «как опытного слугу Порты», перевели в Молдавию, а в Валахию назначили его двоюродного брата, молодого тогда Константина Маврокордато, до этого занимавшего молдавский престол. Известно, что Константину его отец Николай Маврокордато, долгие годы бывший переводчиком Порты, а затем получивший пост господаря, так разъяснял обязанности правителя османского вассального княжества – повиноваться Порте, выполнять обязанности по отношению к крымскому хану, вести сношения с соседними пашами, сношения с Польшей, сношения с Австрией². Во время войны 1735–1739 гг. к этим обязанностям у молдавского господаря прибавились и сношения с Россией, в рамках которых Гика и предлагал свое посредничество как единовец и как бы сочувствующий российским интересам. Отношение к таким предложениям у российской стороны было двойственным. По наблюдениям Кочубинского, «как не тяготели люди за Днестром к нам», но положение у них было тяжелое, им приходилось «хитрить»³. Миних и Неплюев (после Немирова он был оставлен в Киеве для сбора сведений, приходивших с турецкой стороны) даже старых «приятелей» рассматривали поэтому «как людей сомнительных»⁴. Для Гики положение осложнялось еще и тем, что в российскую армию был вызван Антиох Кантемир, до этого российский посол в Париже. Он был сыном молдавского господаря Дмитрия Кантемира, союзника Петра I, перешедшего на сторону царя в 1711 г., а затем переселившегося в Россию. У российского протезе было больше прав на молдавский престол, чем у фанариота

---

¹ . . . . . С. 141.

² Legrand E. Ephémérides Daces on chronique de la guerre de 4 ans par C. Dapontes. T. 2. P., 1881. . XXIV–XXV. . : . . 97–98.

³ . . . . . 377.

⁴ .

Григория Гики. Это, кстати, делало господаря наиболее активным поборником мира между Россией и Османской империей. В том же духе действовал и его брат Александр Гика, переводчик Порты, участник Немировского конгресса. Их настроения хорошо понял Вильнёв (т.е. новый официальный миротворец), контактировавший с Александром: от скорейшего заключения мира зависело сохранение Молдавии в их семье и его положение при Порте. Вильнёв по этому поводу дает такие пояснения: «Если Молдавия достанется союзникам, управление ею от брата перейдет в другие руки, а повезет туркам и они посадят Ракоци в Трансильвании, сам он, драгоман, потеряет место, которое достанется человеку близкому Ракоци»¹.

Российская сторона использовала молдавский канал для поддержания связей с османскими властными структурами, но всерьез братьев Гика как новых посредников не воспринимала. К тому же уже в декабре 1737 г. в Стамбуле в очередной раз сменился великий везир. Новый везир Йеген Мехмед-паша был полон решимости возобновить военные действия².

Тайные осведомители, писавшие в Вену и в Петербург, сообщали, что в разработке османских планов дальнейшего ведения войны активное участие принимал граф Боневаль. Он имел свою разведывательную агентуру в австрийских владениях и особенно в Венгрии среди сторонников Ракоци. Главным театром военных действий именно он предложил сделать австрийский. Правда, по сообщениям тех же осведомителей, он понимал, что «султану Очаков и поныне так приятен, что едва ли мир без возвращения сего места учинится». Потому-то предполагалось, что в 1738 г. и в этот район будут посланы значительные воинские силы и выделены морские суда для доставки их в Очаков³. Возможно,

---

¹ Hurmuzaki E. Documente ... Supl. I, VI, 761.

² Uzunçar ılı I.H. Osmanlı tarihi, IV/I. 278.

³ ... 372–373; Hurmuzaki E. Documente... S. 1. T. 1. 747.

правда, эти сообщения очевидцев (или, говоря современным языком, агентурные сведения) о роли Боневалья в разработке турецкой стратегии войны несколько преувеличены. Точно известно лишь то, что в конце августа 1737 г. он действительно был вызван в Стамбул и активно пропагандировал свой план военных действий, в котором главное внимание обращалось на освобождение той части Валахии, которая была уступлена Австрии по миру 1718 г. При этом Вильнёв сообщал в Париж, что у Боневалья была надежда на получение от Порты звания трехбунчужного паши и назначение сераскером 40-тысячной армии, которая, как он предполагал, будет послана на австрийский фронт. Этого, однако, не случилось. Боневаль оставался советником, консультантом, но роли Миниха в Османской империи ему сыграть не удалось. Османские правящие круги прислушивались к советам, но командование из своих рук не выпускали. Более того, они обсуждали и другие планы военных действий. Так, Флери предупреждал Вильнёва 10 апреля 1738 г.: «Прошел слух, что турки относительно Венгрии желают держаться оборонительно, чтобы главные свои силы двинуть в Молдавию и Бессарабию»¹ [т.е. против России].

В дальнейшем, как мы знаем, военные действия пошли совсем не так, как намечали стратеги всех трех держав и их французские советчики. Весь 1738 г., как образно выразился А. Кочубинский, «в авангарде турок шла чума», проникая во все новые и новые районы севера и запада². Русские сами были вынуждены оставить Очаков и Кинбурн, гарнизоны которых, отступая, срыли обе крепости. Армия не могла вести свои операции в зараженной моровой язвой местности. Лишь во второй половине 1739 г., пройдя через польскую территорию, русская армия Миниха вышла к Бугу и далее к Днестру. Были взяты Хотин, Яссы, одержана победа над 90-тысячной османской армией под Ставучанами

---

¹ . Т. VI, 293.

² . ... . 369.

(17 августа). Появились планы утверждения российского влияния в Молдавии.

К этому времени уставшая от пятилетней войны Россия стремилась как можно скорее с ней покончить. Английский посол в Петербурге сообщал своему правительству: «Я могу уверить, Россия сердечно желала бы получить мир и за всякую цену, ибо большая нужда в деньгах, а потеря в людях на войне не позволяет наступлений впереди»¹, хотя на турецкую границу шла массовая мобилизация людей «без разбору» от 15 до 40 лет². И еще сообщение иностранного агента: «Деньги так же редки в России, как и сноровка, знание и вежливость. Большая часть пашни остается необрабатываемой. Жители пограничных земель с отчаяния спасаются к соседям. Примером тому – Украина, которая почти совсем опустела. При таком расстроенном положении один, или самое большее два похода (сообщение осени 1738 г.) приведут Россию в смятение, вследствие которого она сама по себе придет в свое прежнее (т.е. в допетровское) состояние»³. Такие свидетельства иностранных наблюдателей невольно напоминают нам описания Османской империи, поступавшие перед войной от Неплюева и Вешнякова. Они правдивы, но это взгляд со стороны. Очевидно, он более трагичен, чем сложившаяся ситуация. У каждой из империй были внутренние резервы, которых сторонние наблюдатели не видели. Положение в стране, однако, действительно было тяжелым. К тому же обострялась международная обстановка: на Балтике Швеция грозила войной⁴. Непокойно было и в Польше⁵.

---

¹ / Т. 80, 162.

² . Т. 10, 7378, 7389, 7982.

³ . Т. 20. 112–113; . ... 425.

⁴ . 277–287.

⁵

Хотя разговоры о необходимости как можно скорее заключить мир шли на протяжении всей войны, как бы сопровождая военные действия, путь к нему был непростым и, как оказалось, долгим.

* * *

Еще в конце 1737 г. (т.е. вскоре после окончания Немировского конгресса) австрийский император Карл VI предложил Анне Иоанновне принять услуги Франции для заключения мира в этой «тягостной войне» (напомним, что Австрия осенью 1737 г. потерпела ряд поражений от османских вооруженных сил. Россия же той же осенью сумела отразить турецкий натиск на Очаков). Остерман, отвечая царю, соглашался, что посредники для переговоров о мире нужны, но в «медиацию» предлагал пригласить не одну Францию, но и Англию и Голландию.

Россия искала и иные пути к мирному соглашению с турками. Большие надежды возлагались на находившегося в российском плену бывшего коменданта крепости Очаков Яхью-пашу¹. Еще во время Немировского конгресса Остерман организовал передачу письма Яхьи через Саида (немировского уполномоченного) великому везиру, в котором пленный сераскер советовал не настаивать на сохранении Очакова за Османской империей². В ноябре 1738 г. английский посол в Петербурге Рондо сообщал, что Яхья имел шестичасовую беседу с Остерманом и после этого в Стамбул был отправлен целый пакет писем. Рондо делает вывод, что «речь идет о серьезных переговорах»³. Тогда же английскому послу было объявлено, что его страна приглашена в медиаторы переговоров с Османской империей⁴. Письма Яхьи были отправлены с его служителем. Вместе с ним должен был ехать поручик Преображенского полка

---

¹ . . . , 89/1, 1737, . 38.

² , 89/1, 1738, . 50; . . . С. 348.

³ . . 83, . 1,2.

⁴ , . 105, 109.

Репнинский с письмами Остермана везиру и Вильнёву о принятии французской медиации, но при соучастии морских держав. Главным в новых российских предложениях было обещание возвратить туркам Очаков и Кинбурн и то, что Миниху даны полные полномочия для заключения мира¹. Здесь сказалась новая ситуация – отдавались не крепости (они были разрушены), а лишь территория, к тому же зараженная чумой. Однако эти предложения явно опоздали. Гика не пропустил Репнинского через молдавскую территорию. Со значительной задержкой в Стамбул со всеми документами отправился лишь слуга Яхьи-паши². Документы прибыли в турецкую столицу тогда, когда великий везир уже находился в походе. Известно, что письмо Вильнёву каймакам передал лишь в июле 1738 г.³

Возможно, правда, что слухи о российской уступке дошли раньше, и это тоже, а не только чума и стратегические разработки Боневаля, предопределило то, что в 1738 г. военных столкновений российских и османских войск фактически не было. Любопытен факт, на который обратил внимание А. Кочубинский: кардинал Флери еще в апреле 1738 г. в письме Вильнёву предсказывал, что «какие бы усилия не были употреблены [турками] для отобрания Очакова, едва ли им это удастся: укрепления его с каждым днем увеличиваются, а турки весьма мало способны вести осаду»⁴. Французы, следовательно, в своих оценках военных перспектив Очаков считали уже прочно закрепленным за Россией⁵. Чума и затянувшаяся война ситуацию поменяли.

На австрийском фронте туркам удалось взять Оршеву⁶, осадить Белград и Видин. Потом, однако, из-за чумы их натиск был ослаблен. Австрийцы не раз пытались начать пе-

---

¹ ... С. 383–384.

² ... 385.

³ Hurmuzaki E, Documente... S. 1. T. 1, 762.

⁴ ... VI, 293.

⁵ ... 379.

⁶ Hertz A.Z. Ottoman conquest of Ada Kale 1738 // Archivum Ottomanicum. 6, 1980. . 151–209.

переговоры о мире: и при сдаче Оршевы и под Белградом, где с таким предложением обратился герцог Лотарингский (командующий и зять Карла VI). Везир отвечал, что он согласен на переговоры о мире при французском посредничестве, и объявил о просимом австрийцами перемирии (сентябрь 1738 г.)¹.

Не прекращались контакты с турецкими властями и у Миниха и Остермана. Официально через Вильнёва и Гику и неофициально через Репнинского². В середине июля, как уже было сказано, Вильнёв получил полномочия посредника и сообщение об уступке Очакова. В посланной тогда же ответной депеше от Порты, привезенной Репнинским, турецкая сторона продолжала настаивать на том, что Азов должен быть разрушен и мир возможен лишь после принятия уже известной немировской теории «барьеров», т.е. «пустыни вместо границы»³. Остерман воспринял тогда эти условия как явное стремление османов к возобновлению военных действий. Сам он продолжал настаивать на прежних мирных кондициях: для Австрии – сохранение Пожаревацкого договора, для России – Азов с окрестной территорией. Азов рассматривался им как необходимая «узда для тамошних диких народов»⁴. С таким ответом Репнинский был второй раз отправлен в Стамбул (15 сентября 1738 г.). О том же Остерман писал Флери, но теперь подчеркивал, что одна Франция, имеющая самый большой авторитет у Порты, может положить предел войне⁵, т.е. Вильнёв становился единственным посредником в мирных переговорах.

С турецкой стороны была предпринята еще одна попытка использовать Гика для сепаратного мира с Россией.

---

¹ Hurmuzaki E, Documente... S. 1. T. 1, 765.

... : Keralio, L.F. Histoire... T. 2. ... 61–118;

... : ..., 89/1, 1738, ... 4, ... 159.

² ... 80. ... 287–302.

³ ... ... 428–429; Laugier M. A. Histoire des negotiations... T. 2. ... 199–228.

⁴ ..., 89/1, 1737, ... 11; ... ... 432–433.

⁵ ... 86, ... 9, 10.

Приехавший к российскому командованию представитель господаря Н. Дука внушал Неплюеву и Миниху, что если скрыть Азов и его окрестности обратить в пустыню, то никому не будет обидно. Мир будет несокрушим, так как Пор-та будет удерживать татар от каких-либо насильственных действий. Россия же на своей территории может построить хотя бы «нечто вроде китайской стены. Пор-та ничего не будет иметь против». И что особенно важно, молдавский агент предлагал, чтобы мир с австрийским цесарем последовал бы после заключения мира с Россией и при посредничестве России. Российские власти отказались вести какие-либо переговоры с Дукой и еще раз заявили, что все их предложения изложены в письмах Остермана везиру и Вильнёву¹.

Эта последняя инициатива молдавского господаря очень насторожила маркиза Вильнёва. Стало ясно, что если Россия наконец, как и Австрия, приняла его посредничество, то в отношении Османской империи не все так бесспорно. Везир не связывает себя только с французской медиацией, но способен и на некие самостоятельные инициативы. Пор-та не ждет каких-либо французских гарантий, но пытается и сама разрешать свои внешнеполитические конфликты. Кочубинский оценил дипломатические контакты 1738 г. следующим образом: «И друзья взаимно хитрили; никто не верил никому»².

В январе 1739 г. Флери сообщил Остерману: «Турки видимо не очень-то расположены к миру, будучи особенно недовольны за усердное уничтожение Очакова»³. На совещании Вильнёва с кадиаскером Эсад эфенди, реис-эфенди и Саидом эфенди (двое последних, как мы помним, были и в Немирове), выделенными в ноябре 1738 г. везиром для предварительных («без характера», как тогда говорили) переговоров, турецкие представители заявили, что Пор-та

---

¹ . . . . 439–442.

² . . . 444.

³ . . 86. . 60–61.

претендует на Белград, Темешвар, на возвращение свободы Венгрии и Трансильвании. России же было предложено скрыть Азов. При этом предполагалось, что будут сооружены две крепости – русская на Дону, турецкая на Кубани. Тогда, как предлагали турки, «русские будут иметь свой Азов, мы свой». Вильнёву на этом совещании было предложено получить от воюющих сторон более широкие полномочия¹. После этого совещания французский посол просил Остермана прислать своего агента, чтобы избежать каких-либо претензий о превышении им своих полномочий. Остерман отправил к Вильнёву некоего Карла Каниони (Каньони), человека малоизвестного, лишь недавно принятого на российскую службу в коммерц-коллегию (осенью 1737 г.), случайного для дипломатической службы и чуждого интересам России. Позднее, в елизаветинское время, назначение Каниони на столь ответственный пост было поставлено в вину Остерману². Тогда же, очевидно, вице-канцлер не считал это назначение столь важным. Он рассматривал Каниони как очередного курьера в своей пересылке с Вильнёвым.

Итак, разговор о мире шел трудно, но не прекращался. Знаменательно, что Боневаль, выступавший против мира, был в это время удален из Стамбула³. В то же время туда был приглашен крымский хан Менгли Гирей⁴, который слыл человеком миролюбивым и якобы сторонником России. 1 февраля хан был отпущен в Крым, а в середине февраля к нему были направлены реис уль-кюттаб Мустафа эфенди и мектуби (письмоводитель, т.е. один из секретарей) Рагиб Мехмед эфенди для новой консультации, так как

---

¹ ... . 446; Laugier M. A. Histoire des negotiations...
T. 1. . 287, 321;
... . 428. ., 89/1, 1738,
2. 4, . 161–182.

² . . . 5. , 1901.
. 473.

³ Laugier M. A. Histoire des negotiations. . 1. . 325; , 89/1, 1738,
4, . 167 .

⁴ , 89/1, 1738, . 7, . 1 .

этот престарелый хан, ранее отошедший от дел, но в трудное для ханства время снова призванный к власти, слыл умным и опытным политиком¹. Он не раз давал султанскому окружению и османскому командованию деловые советы в ходе военных действий 1737–1738 гг. По сообщению хрониста Субха, именно он рекомендовал не уводить армию из театра военных действий в осенне-зимний период (такой уход ранее для османов был традиционен), и это во многом обусловило ее успехи на австрийском фронте. Тот же Субхи передает советы хана, данные приехавшим к нему турецким должностным лицам: сейчас, когда Великому государству (Порте) приходится воевать с двумя врагами, соглашение о мире, если он возможен, конечно, необходимо. Дальнейшие результаты войны не предсказуемы. Если немче (австрийцы) желают мира, чего давно не бывало, то его надо заключать. Если московиты соглашаются на срытие Азова, то надо и с ними заключить мир немедленно, не раздумывая. Если же по этому пункту будут какие-то затруднения, то все равно не стоит упорствовать. Ведь положение Крыма отчаянное, а особой пользы от владения Азовом нет². Точки зрения на азовский вопрос, как мы видим, в османских правящих кругах были разными, и к весне 1739 г. вопрос так и не был решен. Это предстояло сделать, как выразился Остерман, иному «немирному посреднику – оружию»³. О том же в начале 1739 г. говорил де Лариа (переводчику Вильнёва) османский везир: «Я хочу мира, но предвижу, чтобы получить его таким как следует, нам надо еще помирится с цесарцами»⁴. Османские власти, следовательно, российский фронт и российско-османские проблемы не считали для себя главными. Вспомним еще раз, что в Немирове османская делегация также считала, что мир с

---

¹

... 2. ... 60.

² Tarih-i Subhi, ... 143–144; ...
 ... 2. ... 60–61; Uzunçar ılı .H. Osmanlı tarihi, IV/I. ... 284.

³ ... 80. ... 65–66.

⁴ Laugier M. A. Histoire des negotiations... 1. ... 325.

Россией дело почти решенное, проблема лишь в австрийских претензиях.

* * *

Великий везир Йеген Мехмед-паша, правивший с декабря 1737 г., в марте 1739 г. был отправлен в отставку. Про него известно, что он был «нрава весьма беспокойного и от мира отсоветывает и войску то же мнение внушает¹. Инициатором отставки везира был всесильный кызлар-ага (главный евнух) Хаджи Бешир ага². И это не случайно, так как недовольство войной и усталость от нее нарастали и в Османской империи. В Россию от ее тайных осведомителей поступали сведения, что в «Царьграде... во всем великая дороговизна». Продовольствие и иные «запасы в лагерь везирский с великим трудом находят, за что дефтердар и прочие комиссары переменены». В Анатолии активизировались бунтовщики некоего Сарыбей-оглу, имевшего дружеские контакты с персиянами³. Напряженность в отношениях с Персией продолжала сохраняться и не раз возникали слухи, что иранцы начинают новую войну с османами. Любопытны еще два сообщения. Первое, что «султан и кызлар-ага зачали каяться, что не приняли мира и по-видимому вина того на везира обрушилась»; и второе: «мысырцы [египтяне] не хотят идти к Бендерам, но охотно в цесарскую землю». И вообще: «Войска против России весьма неохотно идут»⁴. Российский фронт, как и во второй половине XVII в., оставался, следовательно, отдаленным, непривлекательным, внушавшим опасения и не сулил какой-либо выгоды.

Новым везиром был назначен ранее занимавший пост видинского сераскера Иваз Мехмед-паша, хорошо знавший

---

¹ . 89/1, 1738, . 4, . 161–182.

² Uzunçar ılı .H. Osmanlı tarihi, IV/I. . 285.

³ . . 318 – 319; . 89/1, 1739, . 7, . 485.

⁴ .: . 89/1, 1738, . 9, . 5, 6, 7 ., 9 ., 1739; . 7, . 403 ., 404, 410, 507 ., 556.

австрийский фронт и именно там возглавивший военные действия. Маркиз Вильнёв был приглашен следовать с армией великого везира к театру военных действий¹, что явно свидетельствует о надеждах на новое начало мирных переговоров. Это отвечало и тем пожеланиям, которые давал своему послу кардинал Флери: никаких конгрессов, Франция – единственный посредник, решающий судьбу воюющих держав². Вильнёв точно следовал указанию своего правительства. Цели же, которые он себе при этом ставил, он сформулировал в своем письме в Париж еще 30 августа 1738 г., а именно: необходимо удержать турок на том уровне силы, на котором они сейчас находятся; всячески умялять престиж москвитян; помогать австрийцам, чтобы цесарь был поставлен в некоторую зависимость от Франции³.

Для австрийцев военные действия 1739 г. развивались трагично. После ряда столкновений, в результате которых половина австрийской армии выбыла из строя, турки осадили Белград. Австрийская сторона трехкратно обращалась с призывами о прекращении войны и начале мирных переговоров. В ответ великий везир выдвинул условия – сдача Белграда и восстановление границы Карловицкого договора⁴. Из Вены в Белград был срочно направлен граф Р. В. Нейперг, имевший полномочия заключить мир и инструкции от Карла VI и Марии-Терезии⁵ (последняя особенно была заинтересована в мире ввиду явного нездоровья отца, ожидаемой скорой его кончины и проблем с наследо-

---

¹ . . . 288–289.

² Hurmuzaki E. Documente. T. VI, 293.

³ . . . Hurmuzaki. S. 1. T. 1, 765.

⁴ . . . 465;

’ (Arsan Virginia H. Ottoman Wars 1700–1870: An Empire Besieged. London, 2007),

M.A.

, 1770 .

⁵ Actes de négociations servant à compléter les Mémoires secrets. Vienne, 1780.

ванием). Нейперг прибыл в Белград почти одновременно (7/18 и 4/15 августа) с маркизом Вильнёвым, до этого находившимся в ранее взятом турками Нише. Переговоры о мире начались под бомбардировки Белграда, в одно время с продвижением армии Миниха в Приднестровье, взятием им Бендер и Хотина и битвой под Стаучанами (17 августа). С турецкой стороны их вели реис уль-кюттаб Мустафа, кадиаскер Эсад и мектупчи Рагиб¹. Как видим, Рагиб принимал активное участие и в подготовке мирных переговоров (ездил к хану Менгли-Гирею), и в самих переговорах. Это была хорошая школа, подготовившая из Рагиба мудрого реис-эфенди, а затем и великого везира, возглавлявшего страну в 1757–1763 гг. Именно он в период дальнейших общеевропейских военных конфликтов и так называемой «дипломатической революции», когда менялись интересы европейских государств и создавались новые коалиции, сумел удержать Османскую империю от вмешательства в европейские дела и обеспечить ей относительно мирный период развития².

21 августа/1 сентября австро-турецкий мир был подписан. Австрия отказывалась от всех приобретений 1718 г., т.е. уступала принадлежавшие ей районы Валахии, Оршову, часть Сербии с Белградом. Договор немедленно начал претворяться в жизнь. Не дожидаясь ратификации и даже распоряжения цесаря, австрийская армия отошла от Белграда и из Валахии.

Сведения о том, как был заключен этот мир, очень противоречивы. Как отмечал А. Кочубинский, в истории его подписания «много не согласующихся данных», не позволяющих «раскрыть всю таинственность этих необыкновенных переговоров»³. Ни турецкие, ни австрийские историки,

¹ Uzunçar ılı I.H. Osmanlı tarihi, IV/I. . 289.

² .: . . XVIII . . 194–195;

XVIII .// : . ., 2000. . 21–31.

³ .: . . . 466.

изучавшие этот период позднее, ясности не внесли¹. Нас в этом вопросе интересует не сама история заключения этого договора, а лишь некоторые его оценки и последствия.

Унизительные для Австрии условия мира («срамные»², как они названы в последовавших за этим событием заявлениях императора Карла VI и его приближенных) не были признаны необходимыми даже австрийским командованием. Белград мог еще сопротивляться, а русские, взяв Хотин, намеревались продвигаться вглубь османской территории и тем, бесспорно, оттянули бы на себя часть турецких армейских сил. Подписавший мир с австрийской стороны генерал Нейперг и поспешивший сдать Белград по записке от Нейперга, но без официального приказа свыше, генерал Валис были заключены в тюрьму за несоблюдение интересов австрийского государства. Мирный договор с Османской империей, однако, Австрия вынуждена была принять³.

В историографии прочно утвердилось мнение, что Белградский мир – это достижение французского посла Вильнёва и Франции, желавшей унижения своего давнего соперника габсбургской Австрии. В литературе, однако, встречается и иная точка зрения, которая кажется нам более убедительной. В сентябре 1740 г. умер Карл VI, на престол вступила Мария-Терезия («Прагматической санкцией» отец надеялся именно за ней закрепить трон). Франция, еще в 1738 г. присоединившаяся к гарантам Прагматической санкции, после смерти Карла VI нарушила свои обещания и поддержала претендовавшего на австрийский престол баварского курфюрста. Были, как известно, и другие претенденты на эту империю. Началась война за австрийское наследство (1741–1748). Возможно, что, предвидя такое развитие событий, именно окружение Марии-Терезии спешило с

---

¹ . . . : Hochedlinger M. Austria's Wars of Emegence: War, State and Society in the Habsbug Monarchy 1683–1797. London, 2003. . 215.

² . . . /20. . 448.

³ . . . 1792 .
. . , 1910. . . . 2010 .

миром и соглашалось на любые, самые унижительные, его условия. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что оба генерала, причастные к Белградскому миру, сразу же после воцарения Марии-Терезии были освобождены из заключения и заняли свои прежние должности¹. Выгода же для Франции именно в таком спешном мире нам представляется весьма сомнительной.

Россия этим спешным миром была поставлена в весьма двусмысленное положение. Победы Миниха в 1739 г. фактически помогли не ей, а Австрии. Османская империя, как и Австрия, явно хотела мира, и он воспоследовал. Особой заслуги Вильнёва тут не было. У османов назревала новая война с Ираном. Страна уже более двадцати лет жила в состоянии непрерывных войн. Уступки Австрии делали для османов мир не только желанным, но и почетным.

Россия могла нарушить наметившееся умиротворение. Интрига состояла в том, что Нейпергу изначально было дано указание заключить мир или хотя бы перемирие с Портой не одновременно с российской стороной². Францию такое положение вполне устраивало, так как разрыв российско-австрийского союза входил в ее планы. К. Каниони в переговорах участие не принимал. Человек он был не авторитетный, не знатный, не самостоятельный в своих действиях. Австро-французским представителям добиться его устранения от решения проблемы было вполне по силам. Во французских интересах было даже, заключив мир Австрии и Османской империи, оставить Россию один на один с турками. Этого, однако, опасалась австрийская сторона. Нейперг напомнил Вильнёву, что ему предписано после их (т.е. австро-османского) договора о мире заняться миром для России³. Разрывать союзные отношения, да и оставлять одержавшую серию побед Россию в войне с Турцией Австрии было невыгодно.

---

¹ Laugier M. A. Histoire des negotiations. . 11. . 80–81.

² . . 25.

³ . . 80.

7/18 сентября 1739 г. в Белграде были успешно подписаны условия мира с Россией. Османская сторона шла на это с удовольствием. Не видя возможности сохранить состояние войны между этими державами, Вильнёв не стремился и особенно рьяно отстаивать интересы России. Так, довод, что взятый русскими Хотин можно обменять на Азов, использован не был. Разрешение на крайнюю уступку, т.е. разорение Азова, у Вильнёва от Остермана было. Оно содержалось в том письме, которое было передано Карлом Каниони¹, прибывшим в турецкий лагерь в Нише незадолго до отъезда французского посла в Белград, где начинались мирные переговоры с австрийским командованием. На эту уступку, однако, Вильнёв шел с осторожностью, так как понимал, что условие мирного договора – срыть Азовские укрепления – вызовет в России крайнее недовольство. Поэтому-то уже в Нише (при отходе основной османской армии от Белграда), чтобы обезопасить себя от российских упреков, Вильнёв добился от везира заключения добавочной конвенции о границах, которая должна была быть установлена специальными комиссарами на основании договора 1700 г. и разграничения 1705 г.²

Белградский российско-турецкий мирный договор 1739 г. довольно подробно проанализирован в изданной на русском языке книге болгарской исследовательницы Р. Михневой³. Это позволяет нам не останавливаться на нем подробно, но так как текст его в настоящее время является библиографической редкостью, то мы сочли полезным поместить его в приложении к нашей работе.

Р. Михнева показала и ту борьбу, которая развернулась в Стамбуле вокруг ратификации русско-турецкого договора и торжественного посольства А. И. Румянцева, прибывшего

---

¹ . . . 1739 . // . . . 2, 1881. . 61.

² . . 10, 7915, 7962.

³ . XVIII (1739 – 1750). ., 1988. . 36–38.

к султанскому двору с этой целью¹. В исторической литературе не раз цитировалось свидетельство этого «торжественного» российского посла, сообщавшего в Петербург в одной из своих депеш: «Порте столь же, если еще не больше, нужно скорое окончание дел с Россией. ...султан, внутри Сераля и народ не хочет слышать ни о каких столкновениях с Россией, а французы и шведы, несмотря на все свои усилия, ничего не сделают»². О тех же настроениях писал и Вильнёв в Париж: «...турки устали воевать и твердо намерены помириться»³.

Эти обстоятельства заставляют несколько иначе, чем принято в исторической литературе, взглянуть и на первый в истории Османской империи союзный договор с европейской державой – Швецией⁴. Действительно, это событие знаменательное, османы впервые заключают политическое соглашение с христианской стороной. Считается, что в этом была заслуга Франции, со времен окончания Тридцатилетней войны прилагавшей усилия для создания дружественного ей блока восточноевропейских государств (Швеции, Польши, Османской империи), чтобы противостоять Центральной Европе, а с XVIII в. и России⁵. Действительно, французская дипломатия преуспела в своих действиях в Швеции, где во второй половине 30-х годов XVIII в. явно нарастали антироссийские настроения и надежды на совместное с турками сокрушение России⁶. С 1736 г. в Стамбуле активно действовали шведские дипломаты Э. Карлсон и К.-Ф. Хепкен, те самые, которые, как уже было сказано, добились в январе 1737 г. дарования Швеции капитуляционных прав. После посольской поездки Саида эфенди в Шве-

---

¹ . . . 53–61.

² . . . . XI/21. С. 83–85.

³ Hurmuzaki E. Documente. S. 1. T. 1. . 551.

⁴ Uzunçar ılı I.H. Osmanlı tarihi. IV/I. . 294–295.

⁵ . . . . , 1976.

⁶ . . . . (1725–1739). . 275–282.

цию были урегулированы проблемы, касавшиеся долгов Карла XII, укрывавшегося в Османской империи в 1709–1714 гг. В счет этих долгов Швеция поставила османам линейный корабль с полным снаряжением и 30 тыс. мушкетов¹. Однако знаменательно, что политический трактат Порты подписала лишь после торжественной ратификации Белградского договора с Россией и выполнения последнего его условия – возвращения Хотина и вывода русских войск из Молдавии². Это соглашение, следовательно, не было связано с каким-либо намерением турок продолжать русско-турецкую войну. Известно, что Гика успокаивал Вешнякова, поясняя, что Порта заключила со шведами лишь «оборонительный союз», в то время как шведские посланники добивались «наступательного»³. Следовательно, и здесь мы не видим полной победы французской дипломатии. Османская империя включилась в европейскую систему договоров, но не по французскому наущению, а по собственному политическому расчету. Саид эфенди после своего посещения Швеции (1733) объективно оценил положение этой страны: «Швеция государство древнее и порядочное, но слабое и весьма убогое». Кстати, тогда же он, как передает его слова А. А. Вешняков, говорил и о Польше: «Не мнится быть во всем свете никакому другому непорядочному государству и что можно доброго ожидать от такого несогласованного и пьяного народа»⁴. Порты, следовательно, шла на политические соглашения, но после глубокой разведки и не связывая себя излишними обязательствами. Французская дипломатия могла лишь учитывать ее настроения, пользоваться ими, но не могла их определять. Османская империя оставалась субъектом международных отношений, а не только объектом приложения сил и ин-

---

¹ . . . 262–267.

² Laugier M. A. Histoire des negotiations. . 2. . 383–390.

³ . . . 127–129; . . . .
... . 49.

⁴ . . . . . 6.

триг западной дипломатии. Время растерянности, или, как говорил Кочубинский, «лихорадочного метания Порты за союзами в Европе»¹, кончилось. Ошибки Османа Халисы эфенди и Немировский конгресс послужили для Османской империи хорошей школой.

* * *

Поход Миниха 1739 г. и его успехи в Приднестровье А. Кочубинский характеризовал как «совсем ненужную вещь в ту минуту». И еще: «Успехи Миниха останутся вне влияния на дела, присутствуют как лишний, никому не нужный, хотя и славный, эпизод»². Хочется не согласиться с этим, напомнив, что эти победы русского оружия оказали влияние на русский менталитет. Россия поняла, что от турок можно не только защищаться, но и успешно воевать с ними. Был преодолен «прутский комплекс», что предопределило в будущем успехи России в екатерининское время.

Именно с этого времени начинаются более тесные связи России с южными славянами и румынами. Для Молдавии тогда был составлен Ясский договор (5 сентября 1739 г.), который, правда, как и предыдущие соглашения 1654 и 1711 гг., оказался преждевременной акцией. После войны активизируется миграционное движение из Балканского региона в Россию, где позднее возникают такие анклавы, как «Новая Сербия», «Славяно-сербия» и т.п., увеличивается молдавское население приграничья. Напомним также, что Россия на Немировском конгрессе впервые в международном плане инициировала обсуждение вопроса о возможности независимого существования Дунайских княжеств.

Широко известно то ошеломляющее впечатление, которое произвело на Миниха известие о Белградском мирном договоре с Австрией. Его письма по этому поводу А. Кочубинский назвал «страстным обвинительным актом

---

¹ . . 93.

² . . 507, 509.

против жалкого поведения союзника, проведшего Россию». В отношении самой России он надеялся, что «если она пойдет на мир, то не иначе, как взяв эквивалент за Хотин и Молдавию»¹. Этого, как известно, не произошло. Победы Миниха, однако, не позволили французской дипломатии оставить Россию один на один с Османской империей. Ее стали бояться. Но сама Россия еще не была готова к окончательному решению русско-турецкого пограничного вопроса и активному отстаиванию своих интересов в этой сфере. Как писал непредвзятый и вдумчивый наблюдатель английский посол в Санкт-Петербурге Рондо: «Россия тогда скорее бросила бы все на юге, чем согласилась бы потерять хоть одну пядь земли со стороны Швеции»². Преждевременность радикальной постановки вопроса о южных границах России и привела к тому, что он оказался в ведении европейской дипломатии и вошел составной частью в так называемый Восточный вопрос европейской политики.

---

¹ ... . 497.

² ... . 439.

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОПИСАННЫХ СОБЫТИЙ. ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Пятилетняя русско-турецкая война (1735–1739) оказалась чрезвычайно тяжелой для России. Ни армия, ни ее командование не были готовы к тем условиям, в которых приходилось действовать. По подсчетам современного историка Н. Петрухинцева, российские потери в этой войне составили не менее 120 тыс. человек, т.е. половину всей русской армии. Причем лишь 8–9% потерь были боевыми. Остальных, как пишет историк, «поглотила степь»¹.

Война для России была явно не своевременна. Ее пропагандировало остермановское руководство, исходя из собственных амбиций и своего понимания места и роли России в европейских международных отношениях.

В послепетровское время Россия ощущала себя европейской державой, полноправным членом европейского международного сообщества, с чем, однако, Европа никак не хотела смириться.

При Петре I была создана новая для страны дипломатическая служба, установлены дипломатические отношения с ведущими европейскими странами, шли активные переговоры о более тесных контактах с участниками различных коалиций Европы, враждовавших между собой (в частности, с возглавлявшими противоборствующие лагеря Австрией и Францией). А. И. Остерман хотя и провозглашал себя учеником и продолжателем дела Петра I, но петров-

---

¹

// , 1998, 5–6. . 66.

ской широтой взглядов на международные отношения не обладал. Он хорошо чувствовал конкретные задачи, стоявшие перед Россией – необходимость обеспечить безопасность южных границ страны и смыть позор Прутского поражения. Остерман не был авантюристом в своих внешнеполитических планах, как, например, фельдмаршал Миних, провозглашавший далеко идущие намерения добиться окончательного сокрушения Османской империи. Вице-канцлер последовательно решал встававшие перед Россией задачи – отказ от конфронтации с Ираном и возвращение завоеванных Петром иранских территорий, проблему Польского наследства, улаживание отношений со Швецией. Но при этом почти десять лет готовил страну к решению главной, по его мнению, турецкой проблемы.

В своих взглядах на Османскую империю Остерман и его ближайшие советники по этому вопросу – российские дипломаты Неплюев и Вешняков – исходили из представлений об этой стране, сложившихся в католическом мире. Все они были выучениками дипломатической школы именно этого направления. Османская империя была для них врагом, которого необходимо убрать из европейского пространства, военный противник. Российские послы в Стамбуле в это время хорошо подмечали все недостатки, трудности, слабости противника, но не видели каких-либо достижений, попыток найти выход из непростой внутренней ситуации, в которой пребывала тогда Османская империя. Донесения этих российских послов принципиально контрастируют с той информацией, которую сообщал из Стамбула П. А. Толстой, выполнявший посольскую миссию в 1702–1714 гг. Этот посол Петра I был вдумчивым наблюдателем, реляции которого составили золотой фонд российских знаний о южном соседе. В них присутствуют и критика, и объективная оценка страны пребывания¹.

---

¹

∴

... 8–27.

Остермановская политика состояла в том, чтобы сделать Россию своей в европейском кругу, но не всегда сочеталась с тогдашними возможностями как самой страны, так и с тем допущением в свою среду, которое европейские страны готовы были ей позволить. Думается, Остерман был искренним в своих стремлениях верой и правдой послужить России, но он недостаточно знал Россию, не понимал ее особого положения в Европе и ее издавна складывавшихся отношений с исламо-османским миром. Отсюда ошибки, упущенные возможности, подчинение российской политики европейским нормам и требованиям. В отличие от Петра, который мог пойти на резкие повороты (например, в морской проблеме от южного направления он вдруг резко повернулся к Балтике и т.п.), Остерман был скрупулезно последователен. Даже «злючесть», как он говорил, а по сути дела, предательство Австрии не заставило его отказаться от продолжения войны и союзных отношений с этой страной, хотя те результаты, которых Россия добилась Белградским миром 1739 г., спокойно могли бы быть достигнуты уже в 1737 г. в Немирове. Упомянутое нами письмо Анны Иоанновны свидетельствует о том, что такие намерения были.

Остерман вверг страну в то, что позднее стало называться общеевропейским Восточным вопросом. Фактически это означало для России отказ от двусторонних отношений с Османской империей и ее самостоятельности в решении проблемы разграничения геополитического пространства на юге, т.е. задачи, которая явно выходила на первый план российской политики в XVIII в.

Как утверждает А. Кочубинский, то, что в XIX в. стало называться Восточным вопросом, впервые дало о себе знать на Немировском конгрессе, хотя само название проблемы появилось позже, в посленаполеоновское время. Тогда же все явственнее стала выявляться (не сразу почувствованная российским руководством) направленность этой международной проблемы – не только антиосманская, но и антироссийская. Естественное стремление России к обеспече-

нию безопасности своих южных границ оказалось связанным с борьбой за решение проблем, выходящих за рамки того геополитического пространства, в котором она развивалась. Европа боялась усиления России и сознательно стремилась, с одной стороны, вовлечь ее в османские проблемы, а с другой – поставить российско-османские отношения под свой контроль. Этим целям как раз и отвечал Восточный вопрос, провозглашенный как коллективная проблема европейской международной политики. Он стал тем инструментом, который позволял европейскому сообществу в нужный для него момент отвлекать Россию от ее возможного воздействия на развитие международных отношений в Европе и самостоятельного решения жизненно важной для нее проблемы своих южных границ.

Главным содержанием Восточного вопроса была провозглашена проблема, касающаяся судеб христианских народов Османской империи. Для России она была идеологически близка и привлекательна. Но разрешение ее в рамках Восточного вопроса оказалось сопряженным с множеством дополнительных трудностей и противоречий. Помощь обитавшим на османской территории христианам оказывалась не всегда вовремя и не всегда именно в той форме, которая требовалась. Многочисленные русско-турецкие войны XVIII–XIX вв. сопровождались тяжелыми материальными и людскими потерями как для россиян, так и для местного населения. Геополитическое и этническое размежевание балканских стран и народов в послеосманское время оказалось столь неоправданным, что до настоящего времени продолжает порождать международные конфликты. Россия же не раз оказывалась на долгие годы отстраненной от решений судеб региона, и более того, в ее адрес звучали обвинения в желании подчинить освобожденные народы своей имперской власти. Бывали периоды, когда ей, казалось бы, удавалось преодолеть рамки Восточного вопроса, например в екатерининское время или в период войны 1877–1878 гг., но пределы этой внешнеполитической свободы все-

таким в конце концов ставило европейское сообщество. Оценка участия России в решении Восточного вопроса, с нашей точки зрения, нуждается в более глубоком осмыслении, чем это делается в современной историографии. Объективный взгляд на эту проблему требует учитывать не только российско-европейские интересы и отношения, но и реалии османской истории и российско-османских отношений. Туркологи в этих исследованиях должны играть более активную роль.

* * *

Изучение периода войны 1735–1739 гг. ставит перед туркологами еще одну естественную, но пока не решенную задачу.

20 августа 1739 г. армией Миниха был занят город-крепость Хотин. Взят он был без боя, местные власти сами вручили победителям ключи от города. Источники свидетельствуют о красоте, богатстве и изяществе Хотина, о его роскошных предместьях. Недаром Миних считал, что крепость Хотин сильнее Очакова и являет собой «великую добычу для армии». Сообщая обо всем этом, А. Кочубинский¹ опирается на турецкий источник – сочинение некоего турецкого очевидца, местного поэта, оставившего описание Хотина и нарисовавшего плачевную картину его разгрома русскими. Во введении к своей книге Кочубинский писал, что он знаком с немецким переводом этого источника² и предполагал поместить его текст в приложении, но в ходе работы выяснил, что Ф. К. Бруном был сделан перевод этого сочинения с турецкого и опубликован в III томе Записок Бессарабского статистического комитета, и потому отказался от первоначальных планов. Для нас сочинение хотинского автора интересно его сообщением, что в городе име-

---

¹ ... . 478.

² ... // Walachie, Moldau, Bessarabie, die Krim, Taman und Asow // Sitz. berichte d.k. Akademie d. Wiss. zu Wien. XL; ... . 429.

лась богатая библиотека. О судьбе ее турецкий поэт пишет следующее: книги «или погибли в России или попали в руки евреев, которые предложили их бывшему там [т.е. в Санкт-Петербурге] в плену Яхье-паше: паша купил их за пустяк». Часть книг через тех же евреев и татар была «продана в Стамбул и другие места». Но бóльшая их часть все-таки продолжала находиться тогда [т.е. в 40-х годах XVIII в.] в России. Автор сетует, что русские «без всякой пользы для себя» увезли эти книги с собой¹.

Нельзя не согласиться с авторским сожалением о разбазаривании книг хотинской библиотеки, но документальная часть ее, т.е. официальные бумаги хотинского коменданта, в России были сохранены и переданы в 1749 г. в архив коллегии иностранных дел. Тогда же их начинал описывать «студент Александр Равич». К сожалению, мы не знаем ничего более об этом человеке. Фамилия для России не очень распространенная, но известно, что в 1926 и 1928 гг. некие Н. Равич и Полина Равич переводили на русский язык «Воспоминания» Мустафы Кемаля². Возможно, это представители одной семьи, которая на протяжении двух веков была как-то связана с туркологией и турецким языком.

Александр Равич в 1749 г. составил первую грубую (но лучшую из имеющихся) опись поступивших в архив турецких документов из Хотина. В настоящее время в Архиве внешней политики Российской империи они значатся как «Архив Колчак-паши за 1654–1737 гг.» (Фонд 26). Документы в нем разделены на три группы, озаглавленные: дело 1. Грамоты и указы турецкого султана пашам (1654–1707); дело 2. Письма польских властей и шляхты (1729–1737); дело 3. Письма турецких военнопленных.

Что касается второго раздела, то его изучение относится к компетенции полонистов. В первый раздел А. Равич

¹ . . . . 479.

² . . . . //
, 1926, 4; . . . . -
/ . . . . , 1927.

отобрал те документы, которые имели султанскую тугру. Это небольшой раздел – 44 л. Однако и в 3-ем разделе встречаются документы с тугрой, да и вообще 3-й раздел содержит основной массив документов паши, и его содержание намного шире данного ему названия. Всего в «Архиве Колчак-паши» содержится 2560 турецких документов. С ними после А. Равича никто из специалистов-туркологов не работал. Фактически они не описаны, а лишь пронумерованы и разложены по сотням.

Имя Ильяса Колчак-паши, мухафиза (коменданта) Хотина, уже не раз нами упоминалось. Сам он попал в плен после взятия Минихом подведомственной ему крепости в 1739 г. В архивных делах есть упоминание, что в октябре 1739 г. он, трехбунчужный паша (второй по знатности среди пленных после Очаковского сераскери Яхьи-паши), вместе со слугами и другими 16 знатными пленными был доставлен в Петербург, где ему была отведена квартира на Санкт-Петербургском острове во дворе лейб-гвардии Измайловского полка майора Шипова, по соседству с другим пленником – Яхьей-пашой¹. По сведениям краеведов Петербурга, двор Ивана Афанасьевича Шипова, будущего генерал-аншефа, находился в районе нынешнего Нахимовского училища². В архивных документах есть сведения о денежных расходах на пленных и полный «Реестр» всех турок, находившихся в русском плену. Содержались они в Петербурге как почетные пленники³.

Завершение войны с Турцией в Санкт-Петербурге было торжественно отпраздновано, после чего пленные паши были удостоены аудиенции императрицы, а осенью 1740 г. отпущены из плена. Ильяс Колчак-паша, однако, в Стамбул не вернулся, так как получил известие, что в султанском окружении его обвиняют в неправомерной сдаче Хотина. Он отправился в Польшу, где до своей смерти в 1743 г. пре-

¹ , 89/1, 1737, . 38, . 8–30.

² ∴ . , 2012. . 24.

³ 89/1, 1737, . 38, . 5.

бывал при польских магнатах Потоцких. Сопровождавший пашу в плену его сын Мехмед-бей остался в России. Он и его потомки приняли православие, служили по военной части, получили дворянство. Так появился известный в российской истории род Колчаков. На это имя никто из российских читателей не может не обратить внимание. Родословная Колчаков, по семейным преданиям, опубликована в Париже в одном из эмигрантских изданий¹. Сейчас, в связи с возросшим в нашем обществе интересом к А. В. Колчаку, ее повторили во многих других публикациях.

Нас, однако, прежде всего интересует тот архив турецких документов, который в 1739 г. (в архивных описях почему-то ошибочно указан 1737 г.) попал в руки российской армии. Он, как уже сказано, был сохранен в России, но до сих пор совсем не изучен. Документы разложены по сотням, но какая-либо хронология в их расположении отсутствует. Среди них имеются те, что повествуют о продвижении российской армии (документы 181, 183, 189, 191, 198, 201, 202, 204, 206, 228, 238, 242, 252, 254, 256 и др.), разумеется, много документов о самой крепости, ее гарнизоне, различных ремонтных работах, жаловании солдат и командиров, различных долговых расписок, сведений о султанских пожалованиях. Так, имеются документы о тимарах и зеаметах местных сипахи, доклады в центр о том, что в пограничной местности остаются незанятые земельные владения (документы 18, 37, 38, 337 и др.).

Интересны документы о самом коменданте, о его назначении на должность (д. 207), карьерном росте (получении ранга двухбунчужного пашы – д. 223, а затем трехбунчужного – д. 490), о получении Колчак-пашой в свое распоряжение не только хотинского, но и янинского санджака (см. д. 480, 482, 501).

Есть свидетельство, что за янинские владения Колчак-паша поднес великому везиру 3000 курушей, реис-эфенди –

---

¹ // . . . (. . .)
// . . . , 1959, 13, 14; 1960, 16.

500, и по 200–250 писарю и чиновнику, доставившему паше документ о пожаловании (см. документы 106, 107, 170–173, 229, 344). Сообщается, что янинское владение везирский кетхуда пытался у него оспорить (док. 359, 418), но приводится и султанский указ янинскому кадию и другим должностным лицам о сборе с янинских жителей 11 000 курушей для вручения их Колчак-паше (д. 607).

Имеются документы о конфликтных ситуациях между пограничными территориями и соседними вассальными княжествами (о разделах пастбищ, неуплате каких-то налогов и т.п. – док. 320, 499, о наказании мятежников – док. 174, 425). Одним словом, архив подробно показывает нам повседневную жизнь этой пограничной османской территории.

Наибольшую же ценность, с нашей точки зрения, это архивное собрание представляет потому, что османские пограничные владельцы обладали правом вести самостоятельные сношения с зарубежными странами. Они имели свою разведку, собирали информацию о том, что происходило у соседей и к тому же обменивались такой информацией не только с центральными властями, но и между собой. Так, хотинский мухафыз поддерживал постоянные контакты с Бендерами, Азовом, Очаковым, Крымским ханством и татарскими ордами Причерноморья, Кафой, господарями Молдавии и Валахии. Они запрашивали друг друга о том, что происходит в Европе, и особенно в Польше, России и Австрии (док. 25, 45, 47, 298, 331 и др.). Знаменательно, что из центра настоятельно требовалось, чтобы шел постоянный обмен информацией между всеми этими пограничными владельцами и приказывалось обо всем происходящем доносить Порте (д. 31). Этим осуществлялся своеобразный взаимный контроль, который служил одной из форм усиления зависимости вассалов от имперских властей. Изучение «Архива Ильяс Колчак-паши» может дать уникальную возможность проникнуть глубже в систему османского вассалитета и показать изнутри особенности ее функцио-

нирования. Информативность этого материала уникальна, и он ждет своего исследователя.

Автор этой работы в шестидесятые годы пыталась получить доступ к этим документам, но тогда существовали строгие ограничения для работы с материалами архива Министерства иностранных дел, и эти документы посмотреть не разрешили. Сейчас они стали доступны, но пока до них руки специалистов так и не дошли. В настоящее время (с 2012 г.) архив АВПРИ закрыт в связи с реконструкцией его помещения. Остается только надеяться, что следующее поколение туркологов сможет более подробно ознакомиться с хотинскими материалами, и хотелось бы, чтобы наиболее интересные документы этого архива были опубликованы. Сообщений о какой-либо иной, столь же богатой, компактной, информативной и хорошо сохранившейся коллекции документов приграничной османской администрации в научной литературе нам не встречалось. Известная публикация Ф. Бабингера¹ архива правителя Боснии Османа-паши паши содержит всего лишь 91 документ. Форма же публикации этого собрания может быть взята за образец. Сравнение этих коллекций даст новый стимул для более глубокого изучения положения в османских приграничных владениях.

Что касается Османской империи изучаемого нами времени, то следует подчеркнуть, что она явно искала новых путей для своего развития, делала ошибки, но сохраняла жизнеспособность и могла успешно противостоять европейскому натиску.

Свои отношения с Россией и судьбу Крымского ханства Османская империя вполне могла построить иначе, чем это было предложено Восточным вопросом. Недаром на немировских переговорах турецкие представители не раз заявляли, что с Россией они вполне могут договориться, все дело в неуступчивости Австрии, которая без действительных

---

¹ Babinger F. Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha. Berlin, 1931.

причин, «со стороны», как оценивали турецкие переговорщики, в эту войну ввязалась.

Итак, мы можем констатировать, что незначительная русско-турецкая война и, казалось бы, неважные, промежуточные, немировские переговоры предопределили почти на полтора столетия дальнейшее развитие русско-турецких отношений и российскую позицию в европейском международном сообществе, а потому нуждаются в большем внимании, чем это принято в современной историографии.

* * *

В качестве приложения к нашей работе мы предлагаем читателю ознакомиться с двумя документами, как бы подводящими итог исследуемого нами периода.

Первый – это текст русско-турецкого договора 1739 г. В нем особенно следует обратить внимание на статью 9-ю, где говорится о том, что русские торговые люди в Османской империи будут пользоваться всеми привилегиями и правами, которыми пользуются купцы других наций. В ряде исследований на этом основании утверждается, что на Россию именно с этого времени распространяется капитуляционный режим. Это не совсем точно. В османском делопроизводстве никогда не объединяли политические договоры и торговые соглашения. Мы отмечали, что П. А. Толстой на протяжении нескольких лет пытался подписать с османским правительством торговый договор. Принципиальных возражений не было, но из-за тех или иных технических препятствий он так и не был подписан. Здесь мы видим то же самое – принципиальное согласие, а сама капитуляция оформлена не была.

Как образец для составления в 1780 г. первой российско-османской официальной капитуляции российская комиссия по коммерции использовала текст французского аналогичного соглашения 1740 г., приводимый нами в качестве 2-го приложения. Его принятие также явилось итогом войны 1735–1739 гг.

Османская империя заключением Белградского мира казалось бы выиграла по всем параметрам. Ее представители, неправильно оценив вначале расстановку сил в европейских международных отношениях, позднее сумели собрать необходимую им информацию и выработали свои условия предстоявшего соглашения с Россией, которые в конце концов и сумели претворить в жизнь, Австрия же оказалась явно проигравшей стороной. Вместе с тем приходится констатировать, что после этой войны и успешного мира турецкие власти допустили ошибку, тяжелейшим образом сказавшуюся на дальнейшей судьбе их страны.

Маркиз Вильнёв за помощь Османской империи в заключении Белградского мирного договора получил для своей страны очередную капитуляцию. Как уже было сказано, капитуляции, т.е. документы о торговых льготах и гарантиях торговой безопасности, Франция получала от Османской империи начиная с XVI в., но каждый новый султан имел право отказаться от них либо заново подтвердить как свою милость, даруемую угодным ему иностранцам. Какие-либо политические разногласия между странами действительно приводили порой к отмене таких торговых привилегий. Новая же капитуляция, полученная Вильнёвым, утратила форму разового дара и была подписана как международное обязательство, от которого Порты не могла отказаться односторонне, то есть она утрачивала возможность контролировать свои экономические отношения с европейскими странами. В условиях назревавшего тогда бурного экономического подъема Европы капитуляции стали, по сути дела, неравноправными договорами и превратились в орудие экономического закабаления Османской империи, от которого страна сумела избавиться лишь во время Первой мировой войны. Османские государственные деятели 30-годов XVIII в. этого не предвидели. Увлеченные своими политическими успехами, уступки в экономическом плане они посчитали не столь важными.

Персоналии

Абдулах-паша, бендерский сераскер (военный комендант).

Абрахамович З., польский османист, специалист по османской палеографии.

Август II, саксонский курфюрст, избранный польским королем в 1697 г.

Август III, сын Августа II, избранный на польский престол в 1733 г.

Аксан В.Н., канадская исследовательница, специализирующаяся по военной истории Османской империи.

Александр, литовский князь.

Алексей Михайлович, русский царь (1645–1676).

Амджа-заде Хюсейн-паша, османский великий везир 1697–1702 г.

Алексеев Никита, российский дипломатический курьер, ездивший к османскому султану в 1685–1686 гг.

Анна Иоанновна, российская императрица (1730–1740).

Ахмед III, османский султан (1703–1730).

Ахмед Рефик, турецкий историк, один из основоположников современной османской историографии.

Ахмед, шах-заде, один из сыновей султана Баязида II, бывший кафинским бейлербеем.

Байов А., российский дореволюционный военный историк.

Балтаджи Мехмед-паша, османский великий везир (1704–1706, 1710–1711).

де Балюз Ж.-К., французский посол в Москве в 1710–1711 г.

Бартольд В.В., российский ученый, специалист по исламу и истории исламских стран.

Баязид II, османский султан (1481–1512).

Бенигсен А., французский ученый-историк широкого профиля, в том числе специализирующийся по османскому источниковедению.

Беренклау, австрийский генерал, бывший австрийским военным агентом при армии Миниха в 1736–1737 гг.

Беркес Н., турецкий историк.

Бешир-ага, кызлар-ага, глава черных евнухов, султанский фаворит.

Бильбасов В.А., российский дореволюционный историк.

Бирон Э.И., фаворит императрицы Анны Иоанновны.

Блеклый В.И., дипломатический курьер, посылавшийся П. А. Толстым в Крым.

Боневаль А.К., французский военный специалист, служивший при султанском дворе, принявший ислам (он же – Ахмед-паша Хумбараджи).

де Бонак Д.Ж.Л., французский посол при Порте в 1716–1724 гг.

Валис, граф, австрийский генерал.

Вандаль А. (1853–1910) французский историк.

Василий III, московский князь (1505–1533).

Васильев Алексей, дипломатический курьер, ездивший к султанскому двору в 1693–1694 гг.

Вели-паша, бендерский сераскер.

Вешняков А.А., российский посол в Османской империи в 1734–1736 и 1739–1745 гг.

де Вильнёв Л.С., маркиз, французский посол в Османской империи (1728–1741).

Витол А.В., российский историк-востоковед.

Возницин П.Б., российский дипломат, представлявший Россию на Карловицком конгрессе (1699).

Волынский А.П., российский дипломат, кабинет министр, представлявший Россию на Немировском конгрессе (1737).

Галлан А., французский дипломат и переводчик, работавший в Стамбуле в 1681–1682 гг.

Гийерак, французский посол при османском султани.

Гика Александр, грек-фанариот, переводчик Порты.

Гика Григорий, господарь Молдавского княжества.

Голицын В.В., фаворит царевны Софьи, возглавлявший походы в Крым в 1687 и 1689 гг.

Далтабан Мустафа-паша, великий везир Османской империи (1702–1703).

Дамад Али-паша (Силяхдар), великий везир 1713–1716 гг.

Девлет-Гирей, крымский хан, трижды всходявший на престол (1699–1702; 1707–1713; 1716).

Дезальер Р.П., французский посол в Османской империи в 1710–1716 гг.

Дорошенко Петр, гетман Украины.

Дука Т., молдавский сановник.

Евгений Савойский, принц, австрийский полководец (1663–1736).

Елена Волошанка, дочь Стефана Великого, молдавского господаря, жена Ивана Молодого (сына Ивана III).

Елизавета, российская императрица (1741–1761), дочь Петра I.

Екатерина I, российская императрица в 1725–1727 гг.

Екатерина II, российская императрица с 1762 по 1796 г.

Ибрахим Мутаферрика, венгерский протестант, принявший ислам, использовался на дипломатической службе, автор ряда трактатов о необходимости реформы в Османской империи, первым стал печатать книги на турецком языке. Он же – Ибрахим-ренегат.

Ибрахим-паша, великий везир султана Сулеймана I Кануни 1523–1536.

Ибрахим-паша дефтердар, посол в Вене в 1719.

Ибрахим-паша Невшехерли, дамад, великий везир 1718–1730 гг.

Иваз Мехмед-паша, командующий османскими войсками в Виздине.

Иван III, московский князь (1462–1509).

Иван IV, московский князь, затем царь (1533–1584).

Иван Молодой, сын Ивана III.

Иванов Н.А. (1928–1994), советский историк, специалист по истории арабских стран, в том числе и по истории их османского периода.

Иналджик Х., турецкий историк, крупнейший современный специалист по истории Османской империи.

Йеген Мехмед-паша, великий везир (декабрь 1737 – март 1739).

Йермисекиз Челеби Мехмед эфенди, глава османского посольства во Францию в 1720–1721 гг.

Йермисекиз Челеби-заде Мехмед Саид эфенди, османский дипломат, представитель империи на Немировском конгрессе (он же – Саид, Саид эфенди).

Йорга Н., румынский историк, автор многотомной истории Османской империи.

Карал Э.З., турецкий историк.

Кочубинский А., российский историк, специалист по истории славянского вопроса и автор серьезнейшего исследования о русско-турецкой войне 1735–1739 гг. (Одесса, 1899).

Каниони Карл, российский уполномоченный при заключении Белградского мира 1739 г.

Кантарини Амброджо, итальянский путешественник XVI в. в русские земли.

Кантемир Антиох, сын Дмитрия Кантемира, российский дипломат, поэт, литератор.

Кантемир Дмитрий, молдавский господарь, перешедший на сторону Петра I во время русско-турецкой войны 1710–1711 гг.

Кара-Мустафа паша Мерзифонлу, великий везир 1676–1683 гг.

Карл VI, австрийский император.

Карл XII, шведский король.

Карлсон Э. шведский дипломат, ведший переговоры о шведско-османском союзе.

Картепётр К.М., американский историк.

Кенигсегг, граф, австрийский генерал, министр.

Кепрюлю Нуман-паша, великий везир 1710 г.

Кинросс Л., английский историк, автор обобщающего труда по истории Османской империи.

Колодзейчик Д., польский историк, автор обобщающего труда по османско-польским отношениям.

Колчак Ильяс-паша, комендант крепости Хотин.

Колчак Мехмед, сын Ильяс-паши, родоначальник рода Колчаков в России.

Колчак А.В., российский адмирал.

Кольбер Ж.Б., французский государственный деятель, руководил французской внешней политикой.

Кольер Я. Посол Голландии в Османской империи в 1686–1725 гг.

Кораблев В.А., российский посол, ездивший в Османскую империю в 1515–1516 гг.

Куракин Б.И., князь, российский дипломат.

Курат А.Н., турецкий историк, специалист по истории русско-турецких отношений.

Кятиб Челеби (Хаджи Халифа), один из авторитетнейших интеллектуальных деятелей Османской империи середины XVII в., литератор, историк, географ.

де Ларио, сотрудник французского посольства, переводчик, доверенное лицо маркиза де Вильнева.

Леси П.П., граф, российский фельдмаршал.

Ловчиков С.Б., азовский воевода.

герцог Лотарингский, австрийский военачальник, муж Марии-Терезии.

Маврокордато Александр, фанариот, переводчик Порты.

Маврокордато Николай, сын Александра Маврокордато, переводчик, после 1711 г. первый господарь Молдавии, позже Валахии, вышедший из фанариотов.

Мазепа М.С., гетман.

Мария Лещинская, дочь Станислава Лещинского, жена французского короля Людовика XV.

Мария Темрюковна, кабардинская княжна, жена Ивана IV.

Мария Терезия, дочь Карла VI, австрийская императрица.

Масловский Д.М., российский дореволюционный военный историк.

Массон Р., французский историк.

Матвеев А.А., российский дипломат.

Махмуд I, османский султан 1730–1754 гг.

Мезаморто Хюсейн-паша, командующий османским флотом, военный реформатор.

Мехмед II Фатих, османский султан, 1444–1446, 1451–1481.

Мехмед-бей, рузнамчи.

Мехмед-паша, Силяхдар, великий везир 1735–1737 гг.

Мехмед Ихляси, шейх, ренегат, бывший французский монах.

Менгли Гирей I, крымский хан второй половины XV в.

Менгли Гирей II, крымский хан 1730, 1737–1739.

Мехмед, шах-заде, сын Баязида II, крымский наместник.

Миних В.-Х.А., российский фельдмаршал.

Монтран Р., французский историк, специалист по истории Османской империи.

Моралы Хасан-паша – великий везир, 1703–1704 гг.

Морвиль, государственный секретарь Франции.

Мустафа-ага, османский посол в Польшу (1719).

Мустафа-ага, миралем, посол в Россию в 1729 г.

Мустафа Казбегчи, османский посол в Швецию в 1726 г.

Мустафа эфенди, реис уль-кюттаб.

Мухаммед Гирей, крымский хан 1641–1644, 1654–1661.

Мухсин-оглу Абдуллах-паша, великий везир в августе–декабре 1737 г.

Надир-шах Афшар, персидский правитель (1736–1747).

Наима Мустафа (1655–1716), османский хронист.

Нейгебауэр М., посол Карла XII к османскому султану.

Нейперг (Нейберг), австрийский генерал.

Неплюев И.И., русский дипломат, посол при султанском дворе в 1721–1734 гг., представитель России на Немировском конгрессе.

Нишли Ахмед-ага, османский посол в Россию в 1722–1723 гг.

Новосельцев И.П., российский посол в Османскую империю в 1570 г.

Нуантель, французский посол в Стамбул.

Озджан А., турецкий историк.

Омер-ага, османский посол в Вену в 1725–1732 гг.

Ортайлы И., турецкий историк.

Ордин-Нащекин А.Л., руководитель российской внешней политики при царе Алексее Михайловиче.

Орхан, бей османского бейлика (1324(?)-1362).

Осман Халиса эфенди, кетхуда великого везира.

Остейн, граф, австрийский посол в Санкт-Петербурге, представитель Австрии на Немировском конгрессе.

Остерман А.И., граф, вице-канцлер России.

Палама Григорий, христианский богослов, основоположник учения исихазма.

Педжет, английский посланник в Османской империи в конце XVII в., посредник на Карловицких переговорах.

Петр I, русский царь, затем император (1682–1725).

Петрухинцев Н., российский историк.

Печеви М., османский хронист.

Понятовский Станислав, представитель Карла XII при султанском дворе.

Рагиб Мехмед (позже Коджа Рагиб Мехмед-паша), в описываемое время начинающий дипломат, позже выдающийся государственный деятель Османской империи.

Ракоци Иосиф, сын Ференца (Франца) II, с конца 1737 г. выдвигавшийся османскими властями и Боневалем в новые лидеры Трансильвании. Скоропостижно скончался осенью 1738 г.

Ракоци Ференц II (1676–1735), венгерский князь, руководитель антигабсбургского восстания в Трансильвании в 1703–1711 гг., позже укrywшийся на территории Османской империи.

Репнинский, поручик, дважды посылавшийся к османскому двору с дипломатическими поручениями в 1738–1739 гг.

Ржевский Матвей, дьяк.

Рондо, английский посол в России (умер в октябре 1739 г.).

Румянцев А.И., глава чрезвычайного российского посольства в Османскую империю (1740–1741).

Саид эфенди, см. Йермисекиз Мехмед Саид-эфенди.

Сары-бей-оглу, организатор бунта в Анатолии.

Саттон Р., английский посол в Османской империи в 1702–1717 гг.

Селим I, османский султан (1512–1520).

Селим Гирей I, крымский хан, четыре раза занимал ханский престол, последний раз с 1703–1704 гг.

Сент Джон, руководитель внешней политики Англии в период правления Петра I и Северной войны.

Сефевиды – династия, правившая в Персии с 1501 по 1736 гг.

Сигизмунд I, польский король (1506–1548).

Силяхдар Али-паша, см. Дамад Али-паша (Силяхдар).

Соколлу Мехмед-паша, великий везир в 1565–1579 гг.

Соловьев С.М., российский дореволюционный историк, автор многотомной истории России.

Софья Палеолог, византийская принцесса, вторая жена Ивана III.

Смирнов Н.А., советский историк, специалист по истории русско-турецких отношений, исламу, истории Кавказа.

Субхи Мехмед, османский хронист, освещавший 30-е годы XVIII в.

Сулейман I Кануни, османский султан, правивший в 1520–1566 гг.

Сулейман хаджа, капудан-паша.

Тальман М., австрийский посол при Порте, представитель Австрии на Немировском конгрессе.

Тевкелев Мустафа, переводчик российских представителей в Немирове.

Темрюк, кабардинский князь.

Тюфякин Михаил, князь.

Украинцев Е.И., российский дипломат, руководитель Посольского приказа, чрезвычайный посол в Османскую империю в 1700 г.

Унат Ф.Р., турецкий историк.

Федор Алексеевич, российский царь 1676–1682 гг.

Фейзуллах эфенди, шейх уль-ислам.

Ферриоль Ш., французский посол при порте в 1699–1710 гг.

Финкель К., американская исследовательница, автор обобщающего труда по истории Османской империи.

Фындыклылы Мехмед-ага, сияхдар, османский историк-хронист (1658–1723 гг.).

Флери, кардинал, руководитель внешней политики Франции.

Флоссан М., французский историк.

де ля Форэ, шевалье мальтийского ордена.

Хаким-оглу Али-паша, великий везир 1732–1735, 1742–1743, 1755 гг.

Хезарфен, Хюсейн, османский историк конца XVII в.

Хейнц О., немецкий историк.

Хёнкен К.Ф. фон, шведский дипломатический агент в Османской империи.

Хуревец Дж.К., американский специалист по истории ближневосточной дипломатии.

Цинцендорф Л.Ф., фон, австрийский посол при Карле XII.

Чатаджи Али, шейх уль-ислам.

Челеби Мехмед-ага, каймакам 1711 г.

Черкасские, российский княжеский род черкесского происхождения.

Чорлулу Али-паша, великий везир 1706–1710 гг.

Шафиров П.П., вице-канцлер, дипломат, представитель России на Немировском конгрессе.

Шейбаниды, династия среднеазиатских правителей.

Эбуссууд эфенди, шейх уль-ислам.

Эвлия Челеби, осанский путешественник середины XVII в.

Эмир-заде Ходжа Мустафа эфенди, османский посол в Вену в 1730 г.

Энгельс Ф., основоположник марксизма, автор ряда статей и истории международных отношений.

Эризо Н., венецианский посланник в Вене.

Эргилили Мехмед эфенди, османский агент, посылавшийся с разведывательными целями к Карлу XII.

Эсад, кадиаскер.

Юсуф-паша, комендант Силистры.

Ягужинский П.И., генерал-прокурор.

Ян Собеский, польский король.

Яхья-паша, комендант Очакова.

Указатель географических названий

Австрия, Габсбургская монархия 4–6, 9, 11, 13 15, 60, 73, 76, 80–82, 84, 96–99, 102, 104, 107, 111, 113, 114, 117–120, 122, 125, 143, 146–155, 163, 166–188, 170, 176–179, 184, 188, 190, 192, 194, 197, 199, 203–207, 209, 211–213, 218, 219, 224, 225, 226, 232, 234, 240, 241, 243

Адрианополь (см. также: Эдирне) 68, 187

Азия 24, 89

Азов, г. 21, 24, 29, 32, 38, 40, 45, 48, 49, 52, 54, 57, 66, 75, 122, 124, 125, 127, 145, 148, 166–168, 187, 188, 190, 191, 195, 198, 199, 201, 203, 218–221, 227, 240

Азовское море 46, 54, 108, 125, 173, 202

Аккерман (Белгород Днестровский), г. 20, 24

Александрия 137, 139

Алексин 25, 26

Анатолия 24, 48, 133, 137, 222

Англия 55, 74, 76, 78, 80, 97, 104, 123, 139, 142, 154, 167, 168, 179, 201, 216

Арабские страны 20

Астрабад 89

Астраханское ханство 22

Астрахань 32, 53, 146

Бабадаг 66, 154, 169

Баку 89

Балтика, Балтийское море 45, 46, 98, 104, 166, 215, 234

Белая Церковь 170

Белёв 26

Белгород 26, 27

Белгородская область 25

Бендеры 71, 72, 77, 104, 170, 202, 206, 224, 240

Богатый затон, р. 25

Болхов 256

Большая Орда 21, 22, 28

Босния 96, 101, 167, 192, 197, 199, 141

Босфор, пролив 89, 92, 103, 198, 209

Брацлавщина 40

Брянск 22, 205

Буг, р. 41, 175, 201, 203

Буджак 66, 125, 190, 192, 202

Бурса 48

Быстрая сосна, р. 25

Валахия, Валашское княжество (Эфляк) 10, 36, 39, 96, 113, 125, 167, 174, 189–193, 199, 208, 211, 212, 214, 224, 240

Валуйки 26

Ватикан 18

Вена 20, 42, 83, 110, 132, 133, 168, 188, 206, 213, 223

Венгрия 20, 63, 113, 114, 160, 213, 214, 220

Великий Новгород 23

Венеция 15, 60, 82, 113, 137, 141, 146, 147, 152, 168

Владимир Волинский 22

Волга, р. 32

Вольнь 42

Воронеж

Воронежская область 25

Ворскла, р. 27

Восточная Европа 21, 23, 25,
35, 36, 44
Восточное средиземноморье
19, 51
Вязьма 49

Ганио 37
Голландия 55, 80, 123, 142, 154,
167, 168, 201, 216

Дагестан 32, 34, 94, 123, 168
Данков 25, 49
Дедилов 26
Дербент 32, 34, 89
Днепр, р. 18, 22, 39, 41, 49, 105,
124, 125, 202
Днестр, р. 171, 173, 192, 201–
203, 212, 214
Дон, р. 25, 27, 34, 49, 122, 124,
173, 202
Дунай, р. 66, 178, 197
Дунайские княжества (см.
также Валахия и Молдавия)
37, 192, 197, 211, 230

Евксинопонт (см. также:
Черное море) 54
Европа 9, 15, 16, 21, 22, 45, 48,
76, 77, 83, 84, 103, 114, 115–120,
145, 163, 171, 185, 205, 232, 235,
243
Египет (Мысыр) 24, 138, 141,
146, 150, 152
Елец 26
Еникале 172, 203

Закавказье 85, 111
Западная Европа 14

Западное Причерноморье 28,
52
Запорожье, сечь 41, 79
Золотая Орда 19, 21, 22

Изюм, Изюмская черта 27, 43
Имеретия 65
Инеболу 24, 38
Иран, Иранское государство
(см. Персия) 20, 32, 89, 90,
133, 182, 226, 233

Кабарда 31, 32, 53, 92, 94, 102,
112, 125
Кавказ 24, 34, 53, 65, 120
Кадикс 91
Казанское ханство 22
Каменец (-Подольский) 22,
64, 104
Калуга 25, 26
Канев 35
Карабах 66
Картал 169, 207, 208
Картли 65
Каспийское море 33, 34, 89,
112
Кафа (Феодосия) 19, 126
Кафиристан (страна невер-
ных) 21
Кахетия 65
Кашира 25, 26
Керчь 24, 48, 54, 166, 172
Киев 22, 35, 41, 43, 44, 49, 66,
112, 170, 202, 212
Киевщина 40
Килия, г. 20, 24, 48
Кинбурн 126, 191, 196, 201, 214,
217

- Кипр 152
 Козельск 22, 27
 Коломна 25, 26
 Константинополь, Царьград
 (см. Стамбул) 66, 111, 115, 222
 Копа 24, 48
 Короча 27
 Корфу 91
 Крепость Святого Креста 94
 Крит, Кандия 40
 Крым, Крымский полуостров
 18–20, 28, 30, 34, 38, 39, 45, 49,
 52, 65, 66, 93, 121, 122–127, 168,
 172–176, 190, 191, 201, 209, 220,
 221, 240, 241
 Крымское ханство 19, 20–23,
 26, 32, 34, 36, 39, 40, 42, 48, 64,
 66
 Кубань 57, 121, 125, 171, 172, 187,
 202, 208
 Кудак 170
 Кызылташ 31
- Литва, Великое княжество
 Литовское 22, 23, 35, 48
 Ливны 26
 Лубна 35
 Луцк 22
 Львов 48
- Мазендеран 89
 Марсель 139
 Мезенск 22
 Мекка 152
 Миус 26
 Молдавия, Молдавское кня-
 жество (Богдан) 10, 20, 36, 39,
 42, 48, 52, 56, 120, 121, 125–127,
 174, 189–192, 199, 211–215, 229–
 231, 240
 Михайлов 26
 Москва 17, 18, 26, 33, 41, 49–51,
 54, 66, 69, 93, 94, 148, 164, 204
 Московское княжество, Мос-
 ковское государство, Моско-
 вия 17, 20–24, 34, 48, 66, 103
 Мценск 26
- Немиров 155, 164, 170, 171, 177,
 195, 201, 204, 206, 208, 209, 212
 Нижний Оскол 27
 Ниш (Ниса) 190, 199
 Новосиль 25, 26
- Ока 27
 Орел 25, 26
 Орель, р. 25, 26
 Оршова, р. 224
 Оскол, г., р. 25, 26
 Османская империя 4–12, 28,
 29, 31, 33, 35, 36, 40–42, 45–53,
 55, 60, 61, 67, 68, 70–79, 82, 83,
 90–95, 98, 100–109, 113–115, 118,
 189, 122, 123, 128, 130, 132, 134,
 136, 138, 140–147, 153, 159–161,
 164–171, 174, 178–183, 187–192,
 199, 202, 205, 206, 209, 211, 214,
 216, 219, 222, 224, 226, 234–237,
 242, 243
 Остров Сечи, см.: Запорожье,
 Запорожская сечь
 Острогжск 27
 Очаков 24, 38, 52, 124, 155, 169,
 175, 176, 178, 180, 188, 189, 195,
 198–202, 209, 213, 214–220, 240

Париж 73, 95, 97, 109, 158, 160,
201, 214, 223, 228, 239
Петроварадин (Петервара-
дин) 81, 96, 113
Перекоп 22, 28, 52, 121, 122,
124, 126, 127, 173
Переславль 23
Персия (см. также Иран) 92,
93, 95, 107, 111, 114, 121, 202
Поволжье 33, 193, 194
Подолія 40–43, 103, 105, 159
Полтава 35, 71, 79, 104, 111
Польша, Польское государ-
ство, Речь Посполитая Поль-
ская 18, 23, 24, 34–44, 48, 56,
60, 64, 66, 73, 79, 80, 83, 97,
99, 102–106, 111, 112, 121, 122, 124,
146, 151, 198, 212, 215, 228, 229,
238, 240
Померания 79, 80
Правобережная Украина 42
Приднестровье 224, 230
Предкавказье 24, 28
Прикаспий 22
Прилуки 35
Причерноморье 19, 22, 24, 28,
37, 40, 43, 47, 48, 115, 136, 200,
240
Пронск 22, 26
Прут, р. 53, 106, 118, 165
Пруссия 97
Прусы 79
Псков 23
Путивль 22

Рим 134
Родос, о. 20
Русь 18, 65

Румелия 66, 130
Рыльск 22
Рязск 25, 26
Рязань 23, 24, 26

Самара, р. 25
Самсун 37
Санкт-Петербург, Петербург
77, 79, 86, 119, 122, 176, 189, 193,
197, 200, 213, 215, 216, 228, 231,
237, 238
Священная Римская империя
151, 154
Северная Европа 22
Северный Кавказ 19, 29, 136
Северский Донец 25, 124, 125
Сербия 114, 224, 230
Серпухов 25, 26
Синоп 24, 37
Сирия, Шам 137, 146, 150, 163
Слободская Украина 43
Смедерево 96
Смоленск 22, 27, 44, 112
Сороки 155, 170
София 209
Средиземное море, Среди-
земноморье 19, 51, 115, 184, 201
Средняя Азия 22, 66
Стамбул 18, 24, 28, 38, 44, 46,
49, 51, 54, 65, 66, 68, 71–76, 82,
91–93, 99, 103, 106–108, 110, 117–
119, 121, 139–141, 144, 157–160,
166, 170, 184, 185, 187, 189, 195,
197, 199–201, 205, 207, 209, 213,
214, 216–218, 220, 227, 228, 233,
237, 238
Ставучаны 214
Стародуб 22

Сунжа, р. 28
Суэцкий канал 32

Таганрог 75
Тамань 24, 29, 30, 48, 199
Тарунь 79
Таруса 25
Татария 14
Тебриз 90
Темрюк 29, 31, 199, 204
Терек, р. 28, 33, 34, 89
Тихая сосна, р. 25, 27
Торн 71
Трабзон 38
Трансильвания (Эрдель) 36,
113, 213, 220
Тула 22, 25, 26

Убль, р. 25
Украина 36, 42, 70, 105, 170,
190, 215
Умань 27
Усерда 43

Фанара, квартал в Стамбуле
212
Франция 10, 55, 73, 76, 78, 83,
95–99, 102–107, 112–114, 119, 122,
137–142, 149, 151, 154, 158, 160,
163, 166, 173, 184–186, 192–194,
205, 207, 211, 216, 218, 223, 225,
226, 228, 232, 243

Хамадан 90
Хейхат, горы 21
Хотин 175, 214, 224, 225, 227,
229, 231, 236–238

Царев-Борисов 26
Центральная Европа 42, 51,
228

Челновая, р. 27
Черкассы 35, 94
Черкесия 29
Чернигов 22
Черное море 19–21, 33, 46–48,
53, 54, 75, 89, 108, 124, 173, 199,
200, 203, 205
Чигирин 44

Шацк 26
Швеция 55, 71, 76, 80, 83, 99,
103, 104, 112, 185, 186, 215, 228,
229, 231, 233
Ширван 33, 94
Шотландия 139

Эдирне (см. также: Адриано-
поль) 68
Эрзерум, г. Эрзерумский эя-
лет 38

Юго-Восточная Европа 165

Словарь терминов и устаревших слов

ага	- господин, османский почетный титул
адалет	- справедливость, принцип, на котором османские правители, как они считали, строили свое управление и свою политику.
адалет-наме	- указ справедливости, султанское постановление, издававшееся для устранения нарушений справедливых законов и шариатских предписаний.
Аллах	- Бог, Творец, Создатель. По русскоязычной традиции, когда речь идет об исламе (т.е. в Коране, исламском богословии и т.п.), это слово не переводится. В переводах Корана на европейские языки слово «Аллах» заменяется на слово «Бог» (см. Бибикова О. Арабы. Историко-этнографические очерки. М., 2008).
аман	- букв. пощада, милость, жалость; кораническое предписание милости к заблудшим. Принцип, на котором строились отношения Османской империи к немусульманам и их странам.
аманаты	- заложники; по дипломатическим правилам заложники брались после заключения мира и это рассматривалась как гарантия выполнения записанных в мирном договоре обязательств.
аталычество	- обычай принятия детей знатных людей на воспитание в то или иное племя или семью.
ахид-наме	- документ, представляющий собой султанское обещание каких-то милостей иностранному государству.
ахл ал-китаб	- люди Книги; по мусульманским канонам к ним относились христиане и иудеи.

ахл-и зимми	- люди договора, христиане и иудеи, постоянно проживающие на территории исламского государства.
Баб-и Али	- букв. Высокие ворота, одно из наиболее частых названий османского государства (= Высокая Porta).
баба	- проповедник, шейх
бей	- в Османской империи господин, почетное обращение и титул даваемый военным командирам и управленцам высокого ранга.
бейлербей (бей над беями)	- официальный титул главы эялета, то же вали или бей (или паша) того или иного эялета. - султанская грамота на получение какого-то пожалования или занятия должности.
бунчук	- (по тур. чаще говорят туг – tuğ), султан, прядь из конского хвоста, привязанная к древку знамени. Является отличительным знаком достоинства военного командира. Отсюда – двухбунчужный паша, трехбунчужный паша как символ ранга военачальника.
вали	- правитель эялета (см. бейлербей). На русский язык часто переводился как губернатор.
везир	- чин высших сановников Османской империи. В русских текстах часто встречаются написания – визир, визирь.
великий везир	- глава османского правительства
господарь	- титул правителей в Валашском и Молдавском княжествах.
гребенское казачество	- казачество селившееся в районе Предкавказья (вдоль гребня гор).

гяур	- неверный, немусульманин, то же – кяфир.
дамад	- зять. Слово использовалось как титул для зятьев султана-Дамад.
дар уль-сульх	- страна мира.
дар уль-ислам	- страна (мир) ислама.
дар уль-харб	- страна войны.
Девлет-и Алийе	- великое государство, одно из названий Османской империи.
дезордер	- беспорядок.
дефтердар	- (букв. тот, кто ведет тетради, описи, расчеты). Чиновники финансового ведомства Османского государства.
джемаат	- община, общность, племя, воинское подразделение.
джихад-наме	- документ об объявлении Священной войны против немусульман.
диван	- совет при султани и некоторых других должностных лицах Османской империи.
драгоман (от тур. терджу-ман)	- переводчик
засака, засечная линия	- укрепления, возводимые русскими для защиты от набегов кочевников. Состояли из ряда крепостей, соединенных между собой завалами из земли и поваленных деревьев, препятствующими продвижению конницы.
зеамет	- султанское условное (обязывающее нести военную службу) земельное пожалование, с которого владельцы получали от 20 до 100 тыс. акче. Эти крупные пожалования давались военным в ранге санджак-бея и т.п., участвовав-

	шим в военных походах со своими конными отрядами.
зимми	- немусульманские подданные Османской империи.
иля-и келим-туллах	- повсеместное распространение учения Аллаха.
имтиязат	- льгота, привилегия, турецкое название тех условий, которые давались иностранцам по капитуляциям.
испомещение	- оделение земель, отсюда слово помещик.
иттифак	- союз.
кабартай	- кабардинцы, Кабарда
кади, кадий	- мусульманский судья.
кадиаскер	- второе после шейх уль-ислама лицо в мусульманской религиозной иерархии Османской империи.
калга	- наследник ханского престола в Крымском ханстве, назначаемый вместе с ханом из имперского центра. В случае отставки хана менялся и калга, далеко не всегда становившийся новым ханом.
канун-наме	- свод законов. Термин использовался как в применении к общегосударственным установлениям, так и объединяющим законоположениям отдельных административных единиц Османской империи. Кануны касались проблем, нерегламентируемым шариадом.
капитул	- статьи (лат.).
капитуляция	- общее название документов, даваемых европейским странам и позволяющим их купцам вести торговлю на территории Османской империи, имея определенные гарантии безопас-

	ности и таможенные послабления.
капудан-паша	- командующий Османским флотом.
кафириста	- страна неверных.
кетхуда, кяхя , в русских документах	- помощник, управляющий делами.
кегая	
Коран	- священная книга мусульман.
кондиции	- зд.: условия договора.
курфюрст	- германский князь, имевший определенные владения и участвующий в выборах императора «Священной римской империи германской нации».
куруш	- турецкая серебряная монета. В России часто называемая левком.
кызлар агасы (в русских текстах кызлар ага)	- глава черных евнухов султанского дворца, влиятельная фигура султанского окружения.
Левант	- европейское название восточного побережья Средиземного моря.
Ляле деври	- период тюльпанов. Так называли эпоху правления великого везира Дамада Ибрахим-паши Невшехирли.
мазхаб	- мусульманская религиозно-правовая школа, которая, исходя из предписаний Корана и сунны, диктует своим последователям определенные нормы поведения и правила общественной жизни.
медиатор, медиация	- посредник, посредничество.

Мектуби	– письмоводитель, руководитель канцелярии реис-уль-кюттаба.
мешок, или кошель денег	– тур. кесе, мера денежного счета, равная 500 курушей.
миллет	– религиозная община, существование которой узаконено в Османской империи. В изучаемое время в стране, кроме мусульманской общины – уммы, существовали: рум миллети – миллеты православных; эрмени миллети – миллет армян-грегорианцев; яхуди миллети – иудейский миллет.
миллет-баши	– глава миллета; главой рум миллети считался греческий патриарх.
московиты	– так в османских источниках и дипломатической практике называли россиян.
муахедат	– [дипломатические] переговоры.
мухафыз	– комендант крепости.
Мыср, мысри	– Египет, египтянин
мюльк	– безусловная собственность.
мюсалеха-наме	– документ о мирном соглашении.
мютеферрика	– воин одного из подразделений привилегированной султанской кавалерии, получавший жалование из казны (т.е. имевший тот же статус, что и янычары).
негоция	– зд.: договоренность, сделка, заключение мира.
немче	– так в османских текстах называют австрийцев.
нефер-и ам	– всеобщее ополчение

нуреддин	- второй наследнике Крымского хана, как и калга (см.) носил титул султана.
паша	- генерал, высшее воинское звание в Османской армии. Пашами именовались также высшие сановники Османского государства.
Порта	- принятое в России название Османского государства и правительства. Происходит из французского перевода османского Баб-и Али, букв. «Высокие врата». (см.)
реайя, райя, райаты	- налогоплательщики, в XVII в. это наименование относили лишь к немусульманским подданным Османской империи, платящим подушный налог джизье.
ребель	- мятеж, дела ребелинские – так российские послы называли различные волнения, происходившие в Османской империи.
реис уль-кютаб	- управляющий канцелярией порты, в ведении которого находились вопросы внешних сношений Османской империи.
реис эфенди	- широко распространенное сокращение от реис уль кютаб.
риджат деври	- период «остановки», так в турецкой историографии обозначили период османской истории, начавшийся после Карловицкого мира 1699 г.
рисале	- жанр публицистического сочинения, широко распространившийся в Османской империи, начиная с XVI в. Рисале разъясняли какие-либо неясные вопросы. Чаще всего они касались государственного устройства, критиковавшего имевшее отклонение от установленного порядка. Обычно содержали обращение к султану или иным сановникам с призывами исправить появившиеся со временем недос-

	<p>татки. А.С. Тверетинова назвала их «дидактическими трактатами».</p>
рюзнамчи	<p>- чиновник финансового ведомства Османской империи, ведущий приходно-расходные книги.</p>
санджак	<p>- административная единица в Османской империи. В старых русскоязычных текстах обычно переводилась как уезд.</p>
сераскер	<p>- командующий.</p>
сефарет-наме	<p>- отчет османского посла о своей посольской миссии.</p>
сипахи	<p>- воин-кавалерист Османской армии.</p>
султан , в старых российских текстах часто пишется салтан	<p>- государь, монарх, в Османской империи наиболее распространенное наименование её главы (наряду с термином падишах). В Крымском ханстве султанами именовались вторые после хана должностные лица – калга и нурреддин, а также ханы отдельных орд – например, буджакский султан и т.п.</p>
сунниты	<p>- приверженцы суннизма, одного из наиболее распространенных направлений в исламе. Формально это те, кто признает первых четырех халифов законными, не считает возможным, чтобы после Мухаммеда (пророка) появился иной посредник между Аллахом и людьми и потому отрицают особую миссию Али, почитаемого шиитами (см.). Сунниты чтут сунну (т.е. зафиксированные в хадисах высказывания и описание поступков пророка Мухаммеда), считая её одним из источников правил общественной жизни, религиозного культа и права. Придерживаются ритуальных, бытовых и социальных правил, предписываемых одним из 4-х суннитских мазхабов (см.).</p>

	Османы, как правило, были суннитами ханифитского мазхаба.
сура	- глава Корана.
тимар	- в Османской империи это земельное пожалование воину-кавалеристу, предназначенное для обеспечения его жизни и приобретения воинского снаряжения.
тимариот	- владелец тимара.
трехбунчукный паша	- в Османской империи генерал высшего ранга, см. бунчук.
тугра	- султанская монограмма, ставившаяся на османских документах, исходивших лично от султанов.
тюреди	- выскочка, авантюрист. Так называли в конце XVII - начале XVIII вв. руководителей анатолийских восстаний, как правило, выходцев из простолюдинов.
украины	- пограничные владения Московского княжества.
улус	- объединение кочевников
умма	- мусульманская община, общность всех мусульман.
фанариоты	- стамбульские греки, проживающие в квартале Фанар (Фенер). Это наиболее зажиточная часть греческого населения. В этом же квартале была резиденция греческого патриарха. Из фанариотов выходили обычно переводчики Порты, оказывавшие определенное влияние на её внешнеполитическую позицию. После 1711 г. из них же назначались господа Дунайских княжеств Валахии и Молдавии.
фетва	- письменное заключение, даваемое шейх уль

	исламом (или другим священнослужителем, но по более мелким вопросам) о законности и соответствии с требованием шариата того или иного деяния властей.
харби	- житель страны войны (дар уль-харб), которого можно взять в плен и обратить в рабство.
хадж	- паломничество в Мекку, одна из главных обязанностей каждого мусульманина.
харам	- действия или правила, запретные для мусульманина.
хасс	- особый, султанский. Так назывались также земельные пожалования, предоставлявшиеся высшим государственным сановникам на время исполнения ими определенных государственных обязанностей.
хатт-и хумаюн	- султанский (августейший=хумаюн) указ.
Хейхат, горы	- легендарные горы, окружающие вселенную, откуда приходят дикие народы.
Хиджра (в русск. текстах – эгира)	- дата переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, начало мусульманского летоисчисления.
хумбараджи	- бомбардиры.
хюкюмет	- правительство.
Шам, шами	- Сирия, сириец.
шамхал	- титул одного из авторитетнейших правителей Дагестана.
шейх уль-ислам	- глава османских улемов (богословов) и руководитель исламской религиозной структуры.
шертная грамота	- союзное обязательство, которым обменивались между собой османские вассалы северо-востока. Таковыми же грамотами-

обязательствами они регулировали свои отношения с Османской империей и Россией.

шииты

- название враждебного суннизму течения в исламе, считающего Али единственным законным преемником пророка Мухаммеда и потом имевшего право на верховную власть – имамат. На базе шиизма в Иране сложилась власть династии Сефевидов, на протяжении веков враждовавшая с османами.

эфенди

- господин, добавляется к именам образованных людей и духовных лиц. В частности, именно это добавление к имени имели почти все должностные лица, ведшие переговоры с российскими и австрийскими представителями в 1735–1739 гг. Это означало, что дипломатические переговоры вели не военные власти, а правительственные чиновники, специально назначаемые для таких сношений. Для «единственной подлинно военной державы» факт знаменательный.

юрюки

- мусульманские тюркские кочевые племена, обосновавшиеся на Балканах.

янычары

- воины профессионального пехотного войска Османской империи, получавшие султанское жалование, особым способом формируемые и имевшие привилегированный статус.

ярлык

- грамота хана о каком-то благодеянии, назначении на должность или пожаловании.

ясырь

- пленные, предназначенные для обращения в рабство.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), фонд 89 (Сношения России с Турцией), опись 1 (далее 89/1), 1731–1739.

АВПРИ, ф. 26. Архив Колчак-паши, опись 1, 1654–1737.

Центральный Государственный Архив древних актов (ЦГАДА), фонд 89 (Сношения России с Турцией), опись 1 (далее 89/1), 1702–1713.

Архив востоковедов Института восточных рукописей (Санкт-Петербург), ф. III, 1934, шифр В 2931.

Опубликованные источники

Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902.

Акты, относящиеся к истории Западной России. М., 1846.

Архив Государственного совета. Т. 1. СПб., 1869.

Архив кн. Воронцова. Кн. 2. М., 1871.

Архив Юго-Западной России. Т. 1. Ч. III. СПб., 1863.

Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1976.

Выписки из Московских ведомостей 1737 года о тогдашней войне с Турцией // Славянин, 1829, № V и VI. С. 155–170; № VIII. С. 215–238.

Генеральное состояние дел и интересов всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 г. // Русский вестник. Кн. 1–2, СПб., 1841.

Записка вице-канцлера барона Остермана о персидских и турецких делах в марте месяце 1726 года // Русский вестник, 1841. Кн. 4.

Записки П. И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Т. IV, отд. V.

- Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 г. при низложении Ахмеда II. СПб., 1738; то же Смирнов Н.А. Описание о бунтах 1730 и 1731 гг. в Константинополе // Археографический ежегодник, 1960. М., 1962.
- Изображение тактики или искусный образ войск установления, обнародованного и напечатанного в Константинополе на турецком языке Ибрагим Эфендием Мутаферриком Порты Оттоманской в 1144 году эгиры, то есть год спустя после последнего возмущения и низвержения султана Ахмета в 1730 году приключившегося. Переведено лейб-гвардии Измайловского полка сержантом Алексеем Левашовым. СПб., 1777.
- Каменев Ю. А. Ибрагим Мутаферрика и его сочинение «Усил ал-хикам фи низам ал-умам» («Основы мудрости в устройстве народов») // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1976–1977. М., 1984.
- Капитуляции или трактаты между Оттоманской Портой и французским двором, возобновленные и умноженные в 1740 году по христианскому счислению, а по турецкому в 1153 году эгиры. Переведено на русский язык старанием комиссии о коммерции в 1780 году [СПб.], [1780].
- Копреева Т. Н. Ведомости желательным людям (Из автобиографических материалов А. Л. Ордин-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965.
- Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.
- Марсильи де. Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб., 1737.
- Мартенс А. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Ч. 1., СПб., 1876.
- [Миних] Донесение фельдмаршала графа Миниха к императрице Анне: о состоянии армии и невыгодности и постыдности для России мира, заключенного с турками при посредстве французского министра маркиза де-Вилленева (23 сентября 1739 года) // Сборник отдела русского языка и словесности имп. Акад. наук. Т. 9. СПб., 1872.
- Монархия Турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря при Оттоманской Порте. СПб., 1742.

- Неизвестные записи А. Л. Ордин-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII в. // Проблемы источниковедения. Вып. IX. М., 1961.
- Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I–XIII. СПб., 1887–1992.
- Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ). I. Т. II–X. СПб., 1830.
- Полное собрание российских летописей. Т. 13, 34. М., 1965.
- Приказы графа Миниха в 1736–1738 гг. // Сборник военно-исторических материалов. Т. XIV. СПб., 1904.
- Путешествия русских послов XVI – XVIII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954.
- Рассуждение А. И. Остермана о турецких и персидских делах (март 1726) // Русский вестник. Т. 2. СПб., 1841. С. 152–161. То же РИО. Т. 55. СПб., 1888. С. 109.
- Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.) / Сост. М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова. М., 1985.
- Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1890.
- Сборники Российского исторического общества. Т. 20–98. СПб.
- Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 5. М., 1823.
- Толстой П. А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М., 2006.
- Турция накануне и после Полтавской победы (глазами австрийского дипломата). Пер., введ. и примеч. В. Е. Шутого. М., 1977.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1–3. М., 1961–1983.
- Юзефович Г. Договора России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.

Ahmedî İskendernâme (neşr. Y. Ünver). Ankara, 1983.

Bacqué-Grammont J.-L., Kuneralp S., Hitzel F. Représentants permanents de la France en Turquie (1536–1991) et de la Turquie en France (1797–1991). Istanbul – Paris, 1991.

Cantemir D. Histoire de l'Empire Ottoman. Т. 2. Р., 1743.

Erim N. Devletlerarası Hukuk ve Siyasî Tarih Metinleri. Ankara, 1953.

- [Flassan M. de] Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française; ou de la politique de la France, depuis la fondation de la monarchie, jusqu'à la fin du règne de Louis XVI. T. 1. P., 1811.
- Hezarfen Hüseyin efendi. Tehis ül-beyan fî kavânîn-i Al-i Osman. Hazırlayan Dr. Sevim İlğürel. Ankara, 1998.
- Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record 1535–1914. T. 1. Princeton, 1956.
- Humuzaki E. Documeate privitoare la istoria Românilor. T. VI. Bukurești, 1878; Supl. T. 1. Bukurești, 1897.
- Ibrahim Mutaferrika. Usul al-hikam fî nizam al umam. Istanbul 1144 г.х. (apaб. шр.).
- Im Reiche des Goldenen Apfels. Des türkische Weltenbummlers Evliya Çelebi denkwürdige Reise in das Giaurenland und in die Stadt und Festung Wein, anno 1665. Übersetzt, eingeleitet und erklärt Richard F. Kreutel. Graz-Wein-Köln, 1957.
- Kara Mustafa pod Wiedniem. Źródła muzulmanskje do dziejow wyprawy wiedenskiej 1683 roku. Krakow, 1973.
- Mémoires du comte de Bonneval. T. I–II. P., 1806.
- Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople par la Marquis de Bannac, publié avec un précis de ses negociations à la Porte Ottoman par Ch. Scheifer. P., 1894.
- Mémoires secrets de la guerre de Hongrie pendant la compagne de 1737–1739. Avec des réflexions critiques par M. de Schmettan Francfort, 1772.
- Mont J. du. Corps universel diplomatique du droit des gens. T. VIII, part II. La Haye, 1731.
- Muahedât-i mecmuası. T. 1–5. Istanbul, 1294–1297 г.х. (apaб. шр.).
- Naima tarihi. T. VI. Istanbul, 1281 г.х. (apaб. шр.).
- Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. T. I. P., 1897.
- d'Ohsson Mouradja. Tableau général de l'Empire Ottoman. T. 1–7. P., 1788–1824.
- Ostapchuk V. Five Documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman Defense of the Black Sea against the Cassacks (1639) // Journal of Turkish Studies, 10, 1986.
- Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. P. Vol. 2. Suède, 1885.

- Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. P. Vol. 29. Turquie, 1969.
- Relation de l'Ambassade de Mohammed Efendi (texte turk). P., 1841.
- Saint-Priest A. Mémoires sur l'ambassade de France en Turquie et sur le commerce des française dans le Levant. P., 1877.
- [Sutton R.] The Despatches of sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople. Ed. By A.N. Kurat. L., 1953.
- Silahdar tarihi. T. 1–2, Istanbul? 1334 (араб. шр.).
- Silahdar Fındıklılı Mehmed Aga, Nusretname. T. 1–2. Istanbul, 1962–1966.
- Tarih-i Raşid. T. 1–2. Istanbul, 1153 г.х. (араб. шр.).
- Tarih-i Sami ve Şakir ve Subhi. Istanbul, 1198 г.х. (араб. шр.).
- Testa de, L. Recueil des traites de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. T. 1–8. P., 1864–1896.
- Unat F.R. Ahmet III devrinde ait bir islâhat takriri // Tarih vesikaları, № 1. Ankara, 1941.

Исследования

- Александров В. А. Организация обороны южных границ русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979.
- Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в. М., 2012.
- Апанович О. М. Збройни сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.
- Артамонов В. А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи, 10. М., 2001.
- Артамонов В. Позиции гетманской власти и России на Украине в конце XVI – начале XVIII века // Россия и Украина. История взаимоотношений. М., 1997.
- Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985.
- Багалеи Д. И. Материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886.

- Базылев Л. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
- Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1–2. СПб., 1906.
- Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и начале 18 столетия. Труды Исторического музея. Вып. 4. М., 1928.
- Баранович А. И. Украина накануне освободительной войны XVII в. Социально-экономические предпосылки войны. М., 1950.
- Барановский Е. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв. М., 1979.
- Бартольд В. В. Культура мусульманства // Сочинения. Т. 6. М., 1960.
- Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1832.
- Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.
- Беляев Г. Ф. О сторожевой и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
- Б-нь [Березин] И. Дипломатические сношения Турции с европейскими державами // Современник. Т. LI, № 6. 1855.
- Бибикова О. Арабы. Историко-этнографические очерки. М., 2008.
- Бильбасов В. А. Немировский конгресс. Рецензия на книгу А. Кочубинского // Исторические монографии. Т. 5. СПб., 1901.
- Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I, III, V. М., 1940–1948.
- Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в Восточном вопросе. Т. 1–2. СПб, 1888.
- Бухаров Д. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 1871 года (включительно). СПб., 1878.
- Бэрэддж Н. Изгнание черкесов (Причины и последствия). Майкоп, 1966.
- Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911.

- Витол А. В. Из истории турецко-французских связей (посольство Йермисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Францию в 1720–1721 гг. // Народы Азии и Африки. № 4, 1976.
- Витол А. В. Иностранное влияние в турецкой армии начала XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция. 18–20 мая 2011. Ч. 1. СПб., 2011. С. 144–151.
- Витол А. В. Коджа Рагыб-паша – османский государственный деятель XVIII в. // Восток. История и культура. СПб., 2000.
- Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.
- Витол А. В. Османская империя и международные отношения в 1718–1735 гг. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.
- Гейштор А. История на службе юго-восточной политики Речи Посполитой в XV и XVI вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
- Геровский Ю. Отношение Польши к Турции и Крыму в период персональной унии с Саксонией // Россия, Польша и Причерноморье в XV – начале XVIII вв. М., 1979.
- Герье В. И. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.
- Гиргас В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865.
- Горобец В. Украинско-российские отношения и политико-правовой статус гетманщины (вторая половина XVII – первая четверть XVIII в.) // Россия и Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
- Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы по международному праву России (1647–1917). М., 1958.
- Греков И. Б. Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «Вечном мире» // ж. Советское славяноведение. № 3. М., 1987.
- Грозданова Е. Налог джизье с балканских земель в системе доходов государственной казны Османской империи // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. III. М., 1974.

- Дашкевич Я. Р. Україна на межі меж Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) // Записки Наукового Товариства імени Т. Шевченка. Львів, 1991.
- Демченко В. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III. Киев, 1918.
- Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История. М., 1960.
- Достоевский Ф. М. Сочинения. Т. 13–14. СПб., 1995.
- Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
- Желтяков А. Д. К вопросу об истоках просветительства в Османской империи. Формирование и развитие светских тенденций в культуре XVIII – середины XIX вв. // Культура народов Балкан в новое время. Балканские исследования. Вып. 6. М., 1980.
- Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М., 1972.
- Жигарев С. А. Россия в среде европейских народов по данным истории международных отношений в XVIII и XIX вв. Историко-юридические очерки. СПб., 1910.
- Жигарев Сергей. Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. I–II, 1896.
- Жуковский В. А. Письмо великому князю Константину (1845 г.) // Русский архив 1867 г. М., 1867.
- Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1998.
- Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.
- Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.
- Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1989.
- Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран (1517–1574). М., 1984; 2-е изд. 2001.
- Иванов Н. А. Система миллетов в арабских странах XVI–XVIII вв. // Восток/Oriens. № 6. Москва, 1992; то же. Иванов Н. А. Труды по истории исламского мира. М., 2008.

- История османского государства, общества и цивилизации. Т. 1–2. М., 2006.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 1957.
- Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1997.
- Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. 15. Руина. СПб., 1905.
- Костомаров Н. Очерки торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях. Историческая монография. СПб., 1889.
- Королев В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002.
- Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Одесса, 1899.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избранные произведения. Т. 4. М.–Л., 1957.
- Крымский А. О «туркофильстве» Европы и московской Руси в XVI в. / Приложение к кн. История Турции и её литературы. М., 1910.
- Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVII в. (1700–1709) // Исторические записки, 1959.
- Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов (1700–1714) // Проблемы источниковедения. IX. М., 1961.
- Кушева Е. П. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.
- Кульпин Э. С. Пути России. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 1995.
- Лемерсье-Кемкеже Ш. Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.
- Любавский М. А. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1996.
- Мандельштам А. Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа. Ч. 1. СПб., 1906.
- Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873.
- Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетней войне. Т. 1. М., 1886.
- Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г. (причины и характер) // Народы Азии и Африки. 1963, № 4.

- Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1990.
- Мейер М. С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.
- Мейер М. С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. Формирование общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003.
- Миньон. История Турции. Ч. 1–2. СПб., 1789–1790.
- Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948.
- Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М., 1985.
- Неклюдов А. В. Начало сношений России с Турцией. Посол Иоанна III – Плещеев. М., 1883.
- Некрасов Г. А. Международное признание российского великодержавия в XVIII веке // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739. М., 1976.
- Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.
- Никитин А. В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 8. М., 1955.
- Никифоров Л. Н. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.
- Никифоров Л. А. Основные задачи внешней политики России после Ништадтского мира // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.–Л., 1948.
- Орешкова С. Ф. Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII века об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. Сб. статей. М., 1996.

- Орешкова С. Ф. Османская империя глазами русских дипломатов (К вопросу о посольских отношениях между Россией и Турцией и посольской документации) // Османская империя: события и люди. М., 2000.
- Орешкова С. Ф. Османская империя на рубеже XVII–XVIII вв.: последний всплеск средневекового величия // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера., М., 2003.
- Орешкова С. Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений // Восток/Oriens. 2008, № 6.
- Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
- Орешкова С. Ф. Турецкий документ первой половины XVIII века о международной ситуации в Европе и внешнеполитических целях Османской империи // Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
- Орешкова С. Ф. «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // Восток/Oriens. 2005, № 3.
- Остапчук В., Голенко О. Козацькі Черноморські походи у морський історію Кятіба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів // Марра Mundi. Збірник праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди, його 70-річчя. Львів – Київ – Нью-Йорк, 1996.
- От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003.
- П.М. Один из авантюристов прошлого века // Исторический вестник. 1888. Т. 33.
- Петросян Ю. А. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII – начало XX в.). М., 1985.
- Петрухинцев Н. Война с пространством / Родина. 1998, № 5–6.
- Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутреннего курса и судьбы армии и флота. 1730–1735. СПб., 2001.

- Подградская Е. М. Молдавское княжество и торговля Османской империи с русским государством (XVII в.) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинёв, 1973.
- Рафиков А. Х. Очерк истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.
- Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
- Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). М., 1972.
- Руссов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII века и некоторые данные о Днепре. Киев, 1876.
- Санин Г. А. Антиосманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия и Украина. История взаимоотношений. М., 1997.
- Санин Г. А. Отношения России с Украиной и Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
- Сень Д. В. «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новая практика казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII – начало XIX вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. научных статей. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008.
- Серчик В. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889. То же. Т. 2. М., 2005.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. То же. Т. 1. М., 2005.
- Смирнов Н. А. Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII века в трудах Вильнева // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. VI. 1940.
- Смирнов Н. А. К истории борьбы европейских держав за колониальное порабощение Турции в XV–XVIII веках // Труды Мос-

- ковского института истории, философии и литературы. Т. II. Ист. фак., 1938.
- Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–VII вв. Т. 1–2. М., 1946.
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V, VIII, X. М., 1961–1993.
- Тверитинова А. Р. Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI–XVII вв. М., 1960.
- Теплов В. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890.
- Теплов В. Русские представители в Царьграде. 1496–1891. Исторический очерк. СПб., 1891.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII в.). М., 1978.
- Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. Очерк дипломатической истории восточного вопроса. М., 1883.
- Уляницкий В. А. Исторический очерк русских консульств за границей // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 6. 1899.
- Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1–2. М., 1899.
- Фаизов С. Ф. Поминки «тыш» в контексте взаимоотношений Руси–России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994, № 3.
- Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М., 2009.
- Флоровский А. В. Страница истории русско-австрийских отношений XVIII в. // Сб. Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Флоря Б. Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995.
- Флоря Б. Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х–40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998.

- Флоря Б. Н. 50-е гг. XVII в. в истории международных отношений в центральной части Европы и задача публикации материалов о деятельности русской и украинской дипломатии в это время // Российская и украинская дипломатия в Европе. 50-е годы XVII в. М., 2000.
- Флоря Б. Н. Украинское казачество и шляхетская Речь Посполитая во второй половине XIV – первой половины XVII в. // Очерки по истории Украины. М., 1993.
- Фодор П. Идеологическое обоснование османских завоеваний (XIV–XVI вв.) // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.
- Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII – начале XX в. М., 1979.
- Хензель В. Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
- Хорошкевич А. Л. Российское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1971.
- Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель в 4-х томах. М., 1961.
- Черепнин Л. В. Собор 1642 г. по вопросу об Азове (1637–1642) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
- Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1890.
- Чичерин Б. Н. Воспоминания, земство и Московская Дума. М., 1934.
- Шмелев А. С. Русско-дагестанско-османский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992.
- Шульман Е. Б. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии с Россией / Автореферат канд. дисс. М., 1963.
- Шульман Е. Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Вып. 3. Кишинёв, 1973. С. 5–61.
- Шутой В. Е. Позиция Турции 1700–1709 гг. // сб. Полтавская победа. М., 1959.
- Экономцев И. Православие. Византия. Россия. Париж, 1989.

- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 22.
- Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерки по истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
- Abrahamowicz Z. Die türkische Herrschaft in Podolien (1672–1699) // 1) Actes du Premier Congrès international des études balkaniques et sudosteuropeennes. София, 1966; 2) Habsburgisch – osmanische Beziehungen. Wien, 1985.
- Abrahamowicz Z. Tło polityczne i economiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafu // Kwartalnik Historyczny. Wien, 1983 90/1.
- Akdag M. Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye tarihi // Tarih araştırmalar dergisi. T. IV, № 6–7. Ankara, 1968.
- Alexandrescu-Dersca M. Contribution à l'étude de l'approvisionnement en blé de Constantinople au XVIII siècle // Studia et Acta Orientalia. Bucarest, I, 1958.
- Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1937.
- Beldiceanu N. La Compagne Ottoman de 1484 et ses Préparatifs Militaires et sa Chronologie // Belleten, 86. Ankara, 1983.
- Belin M. Des capitulations et des traits de la France en Orient. P., 1870.
- Berindei M. La Porte Ottomane face aux Cosaques zaporogues, 1600–1637 // Harvard Ukrainian studies, 1. 1977.
- Berindei M., Veinstein G. La presence ottomane au sud de la Crimée en mer d'Azow dans première moitié de XVI siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. 20. 1979.
- Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane // Turcica. 8, P. 1976.
- Berkes N. The Development of secularization in Turkey. Monreal, 1964.
- Bilâl E. Osmanlı Devletinde Millet Sistemi. Istanbul, 1992.
- The Cambridge History of Turkey. T. 3. Cambridge, 2006.
- Cantemir D. Histoire de l'Empire Ottoman. T. 2. P., 1749.
- Coles P. The Ottoman Impact on Europa. L., 1968.
- Dorošenko D. Hetman Petro Dorošenko. New York, 1985.

- Fodor P. Ahmedî's Dasistan as a Source of Early Ottoman History // *Acta Orient. Hung.* T. XXXVIII. 1984.
- Gibb H., Boven H. Islam society and the West. T. 1–2. L., 1969.
- Göçek F.M. East Encounters West. France and Ottoman Empire in the Eighteenth Century. New York, 1987.
- Hammer Y. Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 3–7. Pest, 1828–1831.
- Hatton R.M. Charles XII of Sweden. London, 1968.
- Heintz O. König Karl XII von Schweden. T. 1–2. Berlin, 1958.
- Heyd W. Histoire du Commerce des Levant. T. 1–2. Leipzig, 1936.
- Histoire de la guerre de Hongrie pendant les compagnes de 1716–1718. Vienne, 1788.
- Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française on de la politique de la France depuis de la foundation de la monarchie jusqu'a la fin du règne Louis XVI. Par M. de Flassan. T 1. P., 1811.
- Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600–1647 // *Studia i materiały do historii wojskowości*. T.VIII. Warszawa, 1962.
- Horn E. François Rákóczi II Prince de Transylvanie. P., 1906.
- Inalcık H. Aman, Imtiyارات. The Encyclopaedia of Islam, 2-nd ed. T. I, III. Leiden, 1960, 1971.
- Inalcık H. Bursa and Commerce of the Levant // *Journal of the Economic and social History of Orient*, N 3/2. Leiden, 1960.
- Inalcık H. The Customs Register of Caffa 1487–1490. Cambridge, Mass, 1996.
- Inalcık H. The Ottoman Empire. The classical Age. 1300–1600. L., New York, 1973.
- Inalcık H. The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans // *Arxcion Pontou*. 33 [Athens]. 1979.
- Inalcık H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // *Archivum Ottomanikum*, I, Leiden, 1962.
- Inalcık H. The Status of the Greek Orthodox Patriarh under the Ottomans // *Turcica*. T. XXI–XXIII. P., 1991.
- Inalcık H. The Turkish Impact on the Development of Modern Europa // *The Ottoman State and its Place in World History*. Leiden, 1974.

- Inalcık H. Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının osmanlı tâblığıne girmesi ve ahidname meselesi // Belleten, VIII, 29, 30, 31, 32. Ankara, 1944.
- Joujet C.P. Mémoires historiques et littéraires sur la collége Royal de France. T. 3. P., 1758.
- Kabarda Y. Système fiscal de l'Eglise orthodoxe dans l'Empire Ottoman. Brno, 1969.
- Karal E.Z. Osmanlı tarihi. T. IV/II. Ankara, 1959.
- De-Keralio, Histoire de la guerre des Russes et des Impériaux contre les Tures en 1736-1739. T. 1-2. P., 1780.
- Kolodziejczyk D. Ottoman Polish Diplomatic Relations (15th- 18th Century). An Annate Edition of Ahdnames and Other Documents. Leiden – Boston – Köln, 2000.
- Kolodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki 1672-1699. Warszawa, 1994.
- Köprülü Ö. Hüseyin Paşa Amca Zade // Islam Ansiklopedisi, 2 ed. T. V. C. 649-650.
- Kortepeter C. M. Ottoman Imperialism During the Reformation Europa and the Caucasus. New York, L., 1972.
- Kunt M. 17 yüzyılda Osmanlı kuzey politikası üzerine bir yorum // Bogaziçi Üniversitesi dergisi. Beşeri belimler Humanities, 4-5, 1976-1977.
- Kurat A.N. İsveç kralı XII Karl'in Türkiyede kalışı ve bu sıralarda Osmanlı imparatorluğu. İstanbul, 1943.
- Kurat A. N. İsveç kralı XII Karl'in Hayatı ve faaliyeti. İstanbul, 1943.
- Kurat A. N. Prut seferi ve barışı. T. 1-2. Ankara, 1951.
- Kurat A. N. Türkiye ve Idil boyu (1569 Astarhan seferi. Ten-İdil kanalı ve XVI-XVII yüzyıl osmanlı-rus münasebetleri). Ankara, 1966.
- Kurat A. N. XVIII yüzyıl başı «Avrupa umumi harb» inde Türkîye // T. VII, № 26. Belleten, 1943.
- Laugier M. A. abbé. Histoire des négociations pour la paix conclué à Belgrade de 18.IX.1739 entre l'empereur, Russie et la Port Ottomane par la médiation et sous la garantie de la France. T. 1-2. P., 1768.
- Mantran R. (ed.) L'Empire Ottoman du XVI-e au XVIII-e siècle. L., 1984.

- Mantran R. Monsieur de Guilleragues, ambassadeur de France à Constantinople et le commerce français du Levant, *Varia Turcica*, III. Istanbul – P., 1986.
- Matuz J. Über die Rechtsgültigkeit der Osmanisch-Französischen Kapitulation des jahres 1536 // *Beşinci milletler arası türkoloji kongresi*. Istanbul, 23–28 Eylül 1985. *Tebliğler III Türk tarihi*. T. 2. Istanbul, 1989.
- Masson P. Histoire du commerce dans le Levant au XVIII siècle. P., 1911.
- Motraye de la. Voyages d'Aubry de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. La Haye, 1727.
- Necati S. Prut (1711). Istanbul, 1931.
- Olson R.W. The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations. 1718–1743. Bloomington, 1975.
- Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient au XVII-e et XVIII-sieclès. T. 1. P., 1902.
- Ortaylı İ. The Ottoman Empire at the End of the Seventeenth Century // Ortaylı İ *Studies on Ottoman Transformation*. Istanbul, 1990.
- Ortaylı İ. Ottoman-Habsburg Relations, 1740–1770, and Structural Changes in the International Affairs of the Ottoman State. *Varia Tucica IX. TÜRKISCHE MISZELLEN*. Istanbul.
- The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974.
- Osmanlı Devleti 1600–1908. Türkiye tarihi. Yayın yönetmeni Sina Akşin. T. 3. Istanbul, 1999.
- Ostapchuk V. Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman Defense of the Black sea against the Cossacks (1639). Tuba, v/c.11, 1987.
- Özcan A. Daltaban Mustafa Paşa // Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Tarih Enstitüsü Dergisi. Prof. Dr.Y. Kafesoğlu Hatıra Sayısı. Istanbul, 1987.
- Özel A. Islâm Hukukunda Ülke Kavramı, DârüIslâm – Dârülharb. Istanbul, 1988.
- Pritsak O. Das erste türkisch-ukrainische Bündnis (1648) // *Oriens*. 1953, № 6.
- Rákóczi F. Reflections sur les principes de la vie civil et politesse d'un chrétien // *Testament politique et morale du Prince François II Rákóczi*. Budapest, 1984.

- Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. T. 1. Cambridge (Mass), 1976.
- Spuler B. Die Grenze des Grossfürstentums Litauen in Südosten gegen Türken und Tataren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. T. 6. Breslaw, 1941.
- Sutton R. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714) ed. by A.N. Kurat. L., 1953.
- Sumner B.H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949.
- Tarih. T. III. Istanbul, 1931.
- Tüncel M. B. L'influence de «Lumières» sur l'Empire Ottoman // Turcica. № 1. P. – Strasburg, 1969.
- Ünal T. 1700 den 1958-e kadar türk siyasî tarihi. Ankara, 1958.
- Unat F.R. Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri. Ankara, 1968.
- Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. T. III/1–2, IV/1. Ankara, 1956.
- Vandal A. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du marquis de Villeneuve 1728–1741. P., 1887.
- Vandal A. Odyssée d'un ambassadeur. Les voyages du marquis Nointel (1670 – 1680). P., 1900.
- Wurm H. Der osmanische Historiker Hüseyin b. Ga'fer, genant Hezarfenn und die İstanbuler Gesellschaft in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 1971.
- Yorga N. Byzance après Byzance. Bucarest, 1935.
- Zinkeisen Y. W. Geschichte des Ostmanischen Reiches in Europa. T. V. Gotha, 1856.

SUMMARY

SVETLANA F. ORESHKOVA. NEMIROV CONGRESS: FROM BILATERAL RUSSIAN-OTTOMAN RELATIONS TO THE EASTERN ISSUE.

The book provides a revealing insight into the history of the Russian-Turkish war of 1735-1739. The centerpiece of narration is the Nemirov Congress held in 1737, which was expected to put an end to the military confrontation between the opposing nations, as they thought. Both the Russian state and the Ottoman Empire created by the Turks were trying to play on the global arena according to the rules of international relations (according to the Christian world rules, as asserted by the Ottoman state leaders at that time). Both Empires were seeking to gain accession to the European family of nations and to adopt the established culture of international conduct. However, none of them achieved any success at the Nemirov Congress. The European diplomacy did not want to treat them as equal members of their community. It was interested in getting the two Eastern nations embroiled in mutual conflict and winning control over the issue of geopolitical delineation of the Russian and Ottoman land ownership in the Black Sea region.

The 1737 events were the origin of what later was designated as the Eastern Issue, i.e. the problem in international politics that fueled constant confrontation between Russia and the Ottoman Empire over a span of the subsequent 150 years and made their bilateral relationships largely influenced by the balance of forces within the European community, which had an impact even on Russia's relations with its co-religionists residing on the territory of the Ottoman Empire.

In the author's opinion, focusing on the prevailing sentiments and reviewing the events that happened on the Russian and Ottoman side simultaneously, allows to develop a fresh approach

to the problem of the Eastern Issue origination that differs from the traditional historiography.

The book offers a comparison of the foreign policy stance held by Peter the Great and Heinrich Johann (Andrei Ivanovich) Ostermann, who considered himself the student of Peter the Great and follower of his cause, and who predefined Russia's Southern policies for a century ahead in a way that ultimately proved detrimental to the country's prosperity and interests. His policies were in conformity with the ambitions of the Russian elite, but, they mostly ignored the interests, goals and potential that the Russian state had.